

Индивид v. государство: практика обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь

Том I

Сборник авторских материалов
и документов

Сборник издан в рамках программы Сети Домов
прав человека «Международное право для защиты
общественных интересов» при поддержке Дома прав
человека в Вильнюсе и Civil Rights Defenders (Швеция)

2012

УДК 341.231.14+342.7(476)
ББК 67.412.1+67.400.7(4Бел)
И60

Научный редактор
С.А. Голубок, кандидат юридических наук,
адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга,
член редакционной коллегии научного журнала «Международное правосудие»

И60 **Индивид v. государство:** практика обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь. – Вильнюс, 2012. – 206 с.

ISBN 978-609-95300-1-7.

Настоящий сборник «Индивид v. государство: практика обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь» является первой частью двухтомника, представляющего собой четвертое издание в серии публикаций о международном праве и национальной правовой системе Республики Беларусь, которая осуществляется экспертами и выпускниками программы Сети Домов прав человека «Международное право для защиты общественных интересов» с 2007 года.

В первый том настоящего издания вошли авторские материалы о содержании и практических аспектах концепций международного права прав человека, непосредственно связанных с институтом индивидуальных жалоб, и о роли индивида в имплементации международно-правовых обязательств государства.

Ожидаемый к изданию в 2013 году второй том сборника будет содержать аналитические авторские работы, касающиеся вопросов приемлемости индивидуальных жалоб и исполнения решений (соображений) договорных органов Республикой Беларусь. В него войдут все решения, принятые Комитетом по правам человека на протяжении 2000–2012 годов против Республики Беларусь и не включенные в первый том.

УДК 316.342.6:(334+339.923)
ББК 60.54:65.6

Фонд Домов прав человека представляет
Сеть Домов прав человека и обладает правом интеллектуальной собственности на
данный сборник как изданный в ходе реализации проекта Сети
«Де факто имплементация международных обязательств
в области прав и свобод в Республике Беларусь»

ISBN 978-609-95300-1-7

© Коллектив авторов, 2012
© Белорусский Дом прав человека, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Ульяшина

Предисловие	7
-------------------	---

Сергей Голубок

Дела против Беларуси в Комитете по правам человека: что дальше?	12
---	----

Людмила Ульяшина

Индивид v. государство: подчинение, равенство, конфликт? Вызовы и возможности повышения эффективности осуществления международно-правовых обязательств в области защиты прав человека	16
---	----

Наталья Мацкевич

О некоторых правовых вопросах, разрешенных Комитетом по правам человека в связи с сообщениями индивидов, которые заявили о нарушении их прав, гарантированных МПГПП, в административном и уголовном процессе (на примере дел в отношении Республики Беларусь)	44
---	----

Леонид Судаленко

Особенности рассмотрения дел, связанных с реализацией гражданами Республики Беларусь прав на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний	69
---	----

Роман Кисляк

Обращение с индивидуальным сообщением как метод проведения позитивных изменений по правам человека (Инга Абрамова v. Республика Беларусь)	103
---	-----

Приложения

Приложение 1. Статистический обзор индивидуальных жалоб, зарегистрированных в Комитете по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах	113
---	-----

Приложение 2. Список дел в отношении Республики Беларусь, рассмотренных Комитетом по правам человека	117
--	-----

<i>Приложение 3. Динамика регистрации дел по индивидуальным сообщениям в договорных органах ООН в отношении Беларуси по годам</i>	<i>119</i>
<i>Приложение 4. Количество зарегистрированных и рассмотренных дел в Комитете по правам человека ООН в отношении Беларуси по годам</i>	<i>120</i>
<i>Приложение 5. Динамика рассмотрения индивидуальных сообщений по существу в комитетах ООН в отношении Беларуси по годам</i>	<i>121</i>
<i>Приложение 6. Замечание общего порядка № 31 Комитета по правам человека ООН «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта»</i>	<i>122</i>
<i>Приложение 7. Замечание общего порядка № 33 Комитета по правам человека ООН «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах»</i>	<i>131</i>
<i>Приложение 8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав</i>	<i>137</i>
<i>Приложение 9. Соображения Комитета по правам человека по делу № 2120/2011 Владислав Ковалев, Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси</i>	<i>150</i>
<i>Приложение 10. Соображения Комитета по правам человека по делу № 1784/2008 Владимир Шумилин против Беларуси</i>	<i>175</i>
<i>Приложение 11. Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по делу № 23/2009 Инга Абрамова против Беларуси</i>	<i>188</i>

Посвящается Борису Звозскову

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Каждый вправе
в соответствии с международно-правовыми актами,
ратифицированными Республикой Беларусь,
обращаться в международные организации
с целью защиты своих прав и свобод,
если исчерпаны все имеющиеся
внутригосударственные средства правовой защиты»*
Статья 61 Конституции Республики Беларусь

15 марта 1994 г. Верховным Советом Республики Беларусь 12-го созыва была принята Конституция Республики Беларусь, в которой впервые в истории страны было закреплено право человека на обращение в международные организации с жалобой на собственное государство.

Тот период был отмечен историческими изменениями международного значения: правовые системы, ранее находившиеся в границах либо под влиянием Советского Союза, готовились к вступлению в региональную и международные системы защиты прав человека.

Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 10 января 1992 г. был ратифицирован Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.) и признана компетенция Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией государства, о том, что они являются жертвами нарушения данным государством прав, изложенных в Пакте.

Тогда же отмечалось активное сотрудничество с Советом Европы. Оно началось еще в 1989 г., когда Парламентская ассамблея Совета Европы установила связи с Верховным Советом СССР, предоставив ему статус «специально приглашенного». В январе 1992 г. решением Бюро Ассамблеи этот статус был передан Верховному Совету Российской Федерации, в 1992 и 1993 гг. Украина и Республика Беларусь получили «гостевые квоты» в Совете Европы. В течение следующих пяти лет «гости»

были приняты в полноправные члены европейской региональной системы защиты прав человека, но Беларусь так и не вошла в нее: в 1997 г. членство Беларуси в качестве приглашенного члена было приостановлено решением Парламентской ассамблеи Совета Европы в связи с теми изменениями в правовой системе, которые противоречили принципам, лежащим в основе деятельности объединенной европейской системы.

Для населения, находящегося под юрисдикцией Республики Беларусь, дверь Европейского суда оказалась закрытой. И хотя в июне 2009 г. в Минске был открыт информационный офис Совета Европы в Минске, а Парламентская ассамблея Совета Европы призвала Бюро ПАСЕ восстановить статус специально приглашенного для Беларуси, пока этот процесс затруднен рядом политических и правовых сложностей.

Между тем, несмотря на то что правовая система Республики Беларусь остается иммунной к прямому контролю со стороны Европейского суда по правам человека, население страны имеет возможность реализовать надежду на международно-правовую проверку соблюдения их индивидуальных прав.

Система защиты прав человека в рамках уставных и договорных органов Организации Объединенных Наций открыта для тех, кто находится под юрисдикцией Республики Беларусь и жалуется на неисполнение обязательств, вытекающих из универсальных договоров.

В 2000 г. в Комитете по правам человека была рассмотрена первая жалоба из Беларуси¹, а с 2008 г. отмечается рост количества зарегистрированных обращений в геометрической прогрессии (см. Приложения 3, 4, 5)².

Анализ статистических данных регистрации дел по индивидуальным сообщениям в отношении Беларуси в Комитет ООН по правам человека показывает, что если за 10 лет (1997–2006) Комитетом было зарегистрировано для рассмотрения 38 обращений, то за последние 6 лет (2007–2012) количество обращений увеличилось в несколько раз и всего на начало 2013 г. составляет 145 (см. Приложение 1).

Важно отметить высокое «качество» этих обращений: по данным УВКПЧ на 2012 г., из 48 законченных дел в отношении Беларуси только 8 признаны неприемлемыми. Для сравнения: индивидуальные обращения в Комитет по правам человека из Франции в 45 случаях из 77 являлись неприемлемыми (информация из обзора материалов Комитета ООН по правам человека на 23 апреля 2012 г.)³.

¹ «Владимир Лапцевич против Республики Беларусь». Communication № 780/1997. CCPR/C/68/D/780/199, 13/04/2000. <<http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/0/cc98a0722c3d4c62c125690c003636a2?Opendocument>> [2012-03-03].

² Сведения подготовил и представил правозащитник Роман Кисляк.

³ <<http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/SURVEYCCPR.xls>>

Рост обращений лиц в орган, осуществляющий мониторинг соблюдения Пакта о гражданских и политических правах, связан с рядом факторов. Анализ содержания жалоб указывает на то, что они поданы в связи с нарушением как раз тех прав и свобод, которые обеспечивают демократическое управление в стране, а именно: свобода слова, право избирать и быть избранными, право на доступ к государственной службе, свобода ассоциаций⁴. Именно эти права оказались в перечне наиболее уязвимых для тех, кто хотел участвовать и влиять на демократические процессы в стране.

Еще одним фактором, который мог оказать влияние на количественный и качественный рост индивидуальных обращений из Республики Беларусь, является то, что авторами либо представителями жертв нарушений гражданских и политических прав и свобод по этим делам были в большинстве случаев участники, эксперты и выпускники программы Сети Домов прав человека «Международное право для защиты общественных интересов»⁵, которая с 2006 г. осуществляет систематическое обучение белорусских юристов и правозащитников международно-правовым стандартам и их имплементации.

Представленные цифры могут служить индикаторами важности обучения для процесса эффективности применения международно-правовых механизмов защиты прав человека. Партнеры и организаторы программы нацелены на то, чтобы продолжать распространение информации о возможностях защиты прав человека на национальном и международном уровнях, а также повышать убежденность правового сообщества и гражданского общества в целом в результативности этой работы.

⁴ Анализ выполнен совместно с Владимиром Непогодиным, студентом юридического факультета Европейского гуманитарного университета, в процессе студенческой практики, проходившей под руководством автора монографии в мае 2009 г. См.: Ульяшина, Людмила. «Универсальные стандарты прав человека и некоторые вопросы их реализации в Республике Беларусь». Электронное издание: *Вестник прав человека*. № 1 (2010).

⁵ Программа Сети Домов прав человека «Международное право для защиты общественных интересов» разработана и реализуется партнерскими организациями из нескольких европейских стран, включая страны бывшего Советского Союза. Проекты программ «Де факто имплементация международных обязательств Республики Беларусь» и «Дистанционное обучение адвокатов правам человека» способствует усилиям по выполнению обязательств, принятых в рамках Организации Объединенных Наций, Совета Европы и других международных организаций, для оказания поддержки по выполнению обязательств в области прав человека в Содружестве Независимых Государств. Цель проектов заключается в усилении продвижения, защиты и соблюдения прав человека в условиях верховенства закона, укреплении потенциала путем подготовки кадров юристов, создании сетей и повышении осведомленности в отношении прямого применения стандартов прав человека на национальном уровне. <http://humanrightshouse.org/Projects/ILIA_RU/index.html> [2012-04-03].

Механизм, позволяющий сделать процесс реализации международных договоров и конституционных положений более эффективным, запускается теми, кому принадлежат права и свободы, – индивидами.

Настоящий двухтомный сборник «Индивид v. государство: практика обращения в договорные органы ООН применительно к Республике Беларусь» освещает роль человека в процессе продвижения и защиты индивидуальных свобод.

Работа над подготовкой и изданием сборника является частью программы Сети Домов прав человека «Международное право для защиты общественных интересов». Двухтомник продолжает серию публикаций в области международно-правовых механизмов защиты прав человека и их влияния на формирование национальных правовых систем⁶.

В первом томе настоящего издания представлены авторские работы, в которых раскрываются содержание и практические аспекты концепций международного права прав человека, непосредственно связанных с институтом индивидуальных сообщений (С. Голубок, Л. Ульяшина). В сборнике дается анализ правовых вопросов, разрешенных Комитетом по правам человека по сообщениям индивидов против Республики Беларусь о нарушении прав в уголовном и административном процессе (Н. Мацкевич), а также по делам о нарушении права на свободу выражения мнения и мирных собраний (Л. Судаленко). Пример индивидуального сообщения как средства, направленного на позитивные изменения внутри правовой системы, рассматривается в статье Р. Кисляка. Завершает сборник ряд справочных таблиц и материалов, а также тексты двух решений (соображений) Комитета по правам человека (Шумилин против Беларуси, Ковалева и другие против Беларуси) и Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Абрамова против Беларуси).

Ожидаемый к изданию в 2013 г. второй том будет содержать аналитические авторские работы, касающиеся вопросов приемлемости индивидуальных сообщений и исполнения решений (соображений) договорных органов Республикой Беларусь. Во второй том войдут все решения, принятые Комитетом на протяжении 2000–2012 гг. против Республики Беларусь, которые не были включены в первый том.

⁶ *Свобода выражения мнения, собраний и объединений: международно-правовые стандарты и законодательство в Республике Беларусь*. Минск: Тесей, 2006. Примеры индивидуальных обращений в Комитет по правам человека, в Конституционный Суд Республики Беларусь, статьи и эссе участников программы «Имплементация де факто международных обязательств Республики Беларусь» // Нормативно-практическое издание. Руководство для юристов, Vilnius: Human Rights House, 2008. <<http://prava-by.info/archives/1205>> [2012-04-02]. Права человека: международное право и национальное законодательство: сб. автор. ст. под ред. В.В. Филиппова, 2011.

В заключение хочу поблагодарить команду программы и всех, кто работал над подготовкой материалов сборника, а также наших коллег, продолжающих профессиональную деятельность по продвижению и защите прав человека в Республике Беларусь.

Людмила Ульяшина,
руководитель программы Сети Домов прав человека
«Международное право для защиты общественных интересов»

Сергей Голубок¹

ДЕЛА ПРОТИВ БЕЛАРУСИ В КОМИТЕТЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Беларусь участвует в Первом Факультативном протоколе к Международному пакту о гражданских и политических правах², предоставляющем физическим лицам право обращаться с жалобами в Комитет по правам человека³ с 1992 г.

За прошедшие двадцать лет Комитетом зарегистрированы 142 жалобы против Республики Беларусь, по 46 из них приняты итоговые решения, в подавляющем большинстве из которых констатируется одно или несколько нарушений Пакта⁴.

В статьях, опубликованных в этом сборнике, анализируется богатая практика Комитета, наработанная по «белорусским делам».

Значительная часть вынесенных Комитетом решений против Беларуси касается нарушений гражданских прав на свободу слова, свободу собраний и свободу объединения (статьи 19, 21 и 22 Пакта), особенно в связи с воспрепятствованием проведению публичных мероприятий (митингов, пикетов) и регистрации независимых некоммерческих организаций. К этому блоку вопросов присоединяется проблематика нарушения различных избирательных прав граждан (статья 25 Пакта): «белорусские дела» позволили значительно продвинуть практику Комитета в этом отношении.

Целый ряд связанных между собой нарушений статей 7 (запрет пыток), 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), 10 (гуманные условия содержания под стражей) и 14 (право на справедливое судебное разбирательство) Пакта фиксирует Комитет в делах, связанных с уголовно-процессуальной тематикой.

Многие установленные Комитетом нарушения Пакта со стороны Беларуси носят системный характер, то есть вытекают не из «эксцесса исполнителя» на местах, а из принципиального несоответствия международно-правовым стандартам национальных законодательств и сложившейся практики. Например, невозможность обжалования смертного приговора, вынесенного Верховным Судом по первой инстанции, с

¹ Кандидат юридических наук, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, член редакционной коллегии научного журнала «Международное правосудие».

² Далее – Пакт.

³ Далее – Комитет.

⁴ Данные основаны на анализе статистической информации, предоставленной Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека.

неизбежностью влечет за собой нарушение статьи 14 § 5 Пакта, а значит, и его статьи 6⁵.

При этом следует отметить, что многие вопросы освещены в «белорусской практике» Комитета недостаточно либо не освещены вовсе. Например, почти не поднимаются вопросы нарушения статьи 7 в контекстах, отличающихся от полицейского насилия (например, пытки в психиатрических больницах или в вооруженных силах), гражданское судопроизводство не рассматривается с точки зрения соответствия международно-правовым стандартам, вытекающим из статьи 14 § 1 Пакта, редко подробно аргументируются доводы о дискриминационном, в нарушение статьи 26 Пакта, отношении властей, например, по мотиву политических убеждений заявителя.

Обращение в Комитет против Беларуси пока может иметь лишь теоретический интерес, ведь власти страны (в этом с ними из государств-участников Пакта солидарна, пожалуй, лишь Шри-Ланка) не стесняются официально считать решения Комитета необязательными для себя⁶ и не принимают никаких мер по их имплементации на внутригосударственном уровне – ни в части восстановления нарушенных прав заявителей, нашедших защиту в Женеве, ни в части мер общего характера, направленных на исправление ситуации в целом и недопущение подобных нарушений Пакта в будущем. Это публичное пренебрежение позицией Комитета со стороны Беларуси наиболее ярко проявляется в факте расстрела заявителей, которые обратились в Комитет с утверждением, что смертный приговор в их отношении вынесен с нарушением Пакта, и в отношении которых Комитетом назначены обеспечительные меры, а именно Беларуси предложено воздержаться от приведения смертного приговора в исполнение до вынесения решения Комитетом. Вновь столкнувшись с такой практикой властей Беларуси в 2012 г., председатель Комитета заявила: «Позиция Комитета по правам человека ясна – Беларусь совершила тяжкое нарушение своих юридических обязательств... Мы осуждаем эти вопиющие нарушения Беларусью своих договорных обязательств»⁷.

Участвуя в Пакте и Первом Факультативном протоколе к нему, Беларусь не может «не замечать» решений Комитета – органа, учрежденного этими международными договорами и действующего на их основе. Поведение властей Беларуси напоминает поведение водителя, считаю-

⁵ Сообщение Комитета от 29 октября 2012 г. по сообщению № 2120/2011, § 11.6–11.8.

⁶ См., например, письмо заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь (2009), воспроизведено: <http://spring96.org/ru/news/30304>.

⁷ См.: Ежегодный доклад Комитета по правам человека, A/67/40 (Vol. I), § 57 (неофициальный перевод с английского).

щего возможным пользоваться автомобильными дорогами, но «не замечающего» правил дорожного движения.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем недавнем решении по вопросу возможности пересмотра приговора по делу лица, в отношении которого Комитетом впоследствии вынесено решение о нарушении Пакта⁸, высказался относительно правовой природы Комитета и выносимых им решений и пришел к выводу о том, что в силу общепризнанного принципа международного права *pactasuntservanda* (договоры должны соблюдаться) Россия «не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека, в том числе в тех случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений [Пакта] должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу... Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках [Пакта] и Факультативного протокола к нему обязательств... но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»⁹.

Так или иначе, у Комитета нет — да и вряд ли могли бы быть — собственных механизмов, могущих побудить (или заставить) Беларусь исполнять свои решения.

Вместе с тем Пакт предусматривает механизм, который, по нашему мнению, может быть применен именно в подобных случаях демонстративного и нескрываемого отказа государством-участником от исполнения взятых на себя международно-правовых обязательств. Согласно статье 41 Пакта, если одно государство-участник «находит», что другое государство «не проводит в жизнь постановлений настоящего Пакта», то оно может в связи с этим подать жалобу. Межгосударственная жалоба рассматривается Комитетом и специально создаваемой согласительной комиссией по процедуре, особенности которой предусмотрены статьями 41, 42 Пакта.

За десятилетия действия Пакта ни одной межгосударственной жалобы подано не было, однако, на наш взгляд, это никак не может свидетельствовать о том, что висящему на стене ружью никогда не суждено выстрелить. Неисполнение решений Комитета по индивидуальным делам само по себе представляет собой отказ «провести в жизнь постановления Пакта» и нарушение его статьи 2, а демонстративность, с которой это делает Беларусь, требует от других государств-участников

⁸ См.: Определение от 28 июня 2012 г. № 1248-О.

⁹ Там же, пункт 4 мотивировочной части.

адекватного правового ответа, в противном случае под удар будет поставлена эффективность самой системы коллективной защиты прав человека, созданной Пактом и являющейся одним из наиболее значимых достижений всей мировой правозащитной архитектуры.

Понятно, что решение, которое будет вынесено Комитетом по межгосударственной жалобе, само по себе, без применения надлежащих дополнительных рычагов воздействия, также не заставит Беларусь что-то сделать, однако оно может стать авторитетным средством разрешения правового спора, расставит точки над «і» и разъяснит международному сообществу, что требуется международным правом для исполнения решений Комитета.

Кроме того, даже оставаясь неисполненными, решения Комитета не остаются неслышанными. Прежде всего, они сами по себе становятся формой возмещения ущерба, нанесенного жертвам нарушений прав человека, признавая их страдания и неправоту причинившего их государства. Более того, они позволяют от имени независимого экспертного международного органа вести своеобразную правовую летопись происходящего в стране. Через поколения никто не сможет сказать, что в Беларуси нулевых не пытали и не расстреливали бессудно.

Наконец, решения Комитета позволяют, когда придет время, выстроить программу и содержание правовых реформ в Беларуси. Выявленные Комитетом системные проблемы будут указывать на те элементы правовой системы страны, которые должны быть заменены либо реформированы в первую очередь для того, чтобы обеспечить их соответствие международно-правовым стандартам, то есть для того, чтобы происходящее сейчас в Беларуси никогда уже больше не повторилось.

Те, кто бесстрашно и без особого смысла для себя лично спорят сейчас с Беларусью в Комитете, работают на будущее. На будущее не только национальной правовой системы, но и всего правозащитного инструментария Пакта. Пожелаем им в этом успехов!

Людмила Ульяшина

**ИНДИВИД¹ v. ГОСУДАРСТВО:
ПОДЧИНЕНИЕ, РАВЕНСТВО, КОНФЛИКТ?
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

*«Я никогда не считал себя лидером какого-либо движения
и не претендовал на это. Все мои действия и высказывания
носили частный, индивидуальный характер,
отражали мои убеждения (или сомнения),
мои нравственные импульсы.
Я писал в особенности о необходимости
плюралистических изменений в жизни нашей страны...
и соблюдения прав человека».*

Андрей Сахаров,
физик, создатель водородной бомбы,
лауреат Нобелевской премии мира,
один из лидеров правозащитного движения в СССР,
Московского комитета прав человека

Введение

На протяжении многих столетий человечество пыталось найти формулу правоотношений «человек – государство». Статус индивида был и остается искомым понятием.

Существовавшая на протяжении долгого времени аксиома о неравенстве двух составляющих – человек и государство – нашла отражение и в терминологии. Характер этой связи точно выражен словом «подданный», которое до сих пор встречается в международно-правовом обороте. В соответствии с этим подходом индивиды находились в под-

¹ В названии статьи используется термин «индивид», или «индивидуум» (от лат. *individuum* — неделимое), получивший распространение в психологии, социологии, международном праве прав человека. Термин является синонимом более привычного словосочетания «физические лица». Понятие «индивид» означает отдельного человека — носителя врожденных и приобретенных свойств. <<http://ru.wikipedia.org/wiki/>> [2012-10-11].

чинении государству, их правовой статус приравнивался к статусу иных *объектов*, находящихся под властью *суверена*, – территорий, вод и недр.

Со второй половины прошлого века ситуация стала меняться: в международное право были введены нормы, которые поставили индивида на один уровень с государством. Вначале на европейском уровне, а потом и на международном человек был не только признан носителем прав и свобод, но и приобрел процессуальную возможность выступить равноправной стороной в споре с государством.

Статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), именуемая обычно Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, наделила правом обратиться с жалобой в Европейский суд любое физическое лицо, неправительственную организацию или любую группу частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушений одной из высоких Договаривающихся Сторон (т.е. государства) их прав, предусмотренных Конвенцией или Протоколами.

В соответствии со статьей 1 Факультативного протокола (1966) к Международному пакту о гражданских и политических правах² (далее – Пакт) государства-участники Пакта, которые становились участниками Факультативного протокола, признавали компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от индивидов против государств, под юрисдикцией которых они находились.

С тех пор роль индивидов, бросающих вызов государству в споре о защите прав и свобод человека, оказывается все более значимой. Индивид стал выступать в качестве равноправного субъекта правоотношений, регулируемых международным правом, он не рассматривается более «просителем».

Между тем доктрина «индивид как субъект международного права» с момента введения в правовой оборот была объектом критики со стороны юристов-международников. После присоединения стран бывшего Советского Союза к международной и европейской системе защиты прав человека, доктринальные споры разгорелись с новой силой.

Проблема статуса *субъекта международного права* требует комплексного исследования. На основе обзора теоретических исследований в этой области, анализа нормативно-правовых актов, регулирующих мандат индивида в международном публичном праве, а также правовой оценки некоторых дел, рассмотренных Комитетом по правам человека, в этой статье будет предпринята попытка осуществить идентификацию статуса индивида с точки зрения доктрины права в сочетании с

² Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.

исследованием фактической деятельности индивидов по продвижению ценностей защиты прав человека.

В процессе исследования предстоит осветить ряд научно-практических вопросов:

– Как характеризуется роль и потенциал индивида в современном международном праве прав человека?

– Является ли индивид «новым» субъектом международного права с точки зрения доктрины международного права?

– Какова де факто роль индивида в международном праве прав человека? Признается ли эта роль международным сообществом?

– Какова роль государства и его органов в признании индивида в качестве активного участника процесса осуществления и защиты прав человека?

– Насколько эффективным является деятельность индивида с точки зрения реального воздействия на положение дел в области национальной имплементации международно-правовых предписаний в области защиты прав человека?

1. Концепция «субъект международного права»: жесткие рамки традиций

Начиная с заключения Вестфальского мира (1648) и до недавнего времени государства являлись единственными «полноценными» субъектами международного права. Основываясь на концепции государственного суверенитета, международно-правовой порядок признавал субъектами международного права исключительно государства. Такой подход служил обеспечению стабильности межгосударственных отношений. На деле это означало, что государства, обладая *правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью*, вступали в соглашения на международном уровне и являлись носителями прав и обязанностей, вытекающих из международных обязательств.

Индивиды (наряду с другим *объектами*) находились под юрисдикцией своих «суверенов», объем их прав, свобод и обязанностей определялся национальным правом.

В середине XX в. Устав Организации Объединенных Наций (1945), Всеобщая декларация прав человека (1948), а затем и другие важнейшие документы, давшие начало международному праву прав человека, признали фундаментальные права человека целью международной защиты и ввели новую лексику в международное право.

Впервые было провозглашено, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав» является основой свободы, справедливости и всеобщего мира³.

³ Всеобщая декларация прав человека (1948), преамбула.

С того момента, когда «народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе», а «государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод»⁴, потребовалось подвергнуть переоценке доктрины международного публичного права.

Действительное, а не декларативное значение актов, принятых человечеством, могло раскрыться лишь при условии, что сущность концепции прав и свобод человека была бы отражена и в доктрине международного права.

Традиционный взгляд на индивида как на безгласного «подданного» отдельного государства или *объекта* не соответствовал провозглашенным целям международного сообщества.

Одним из первых, кто выступил против отнесения индивидов к объектам в международном праве, был профессор Д. О'Коннел, который в 1965 г. обосновал необходимость изменения существовавшего прежде разделения *акторов* в праве на субъекты и объекты. Он писал, что вопрос о месте и роли индивидуумов в международном праве затрагивает «сердцевину философии права»:

«Может ли быть это верным: при утверждении, что благополучие индивида есть цель права, отказать индивиду в возможности осуществлять реализацию своих прав? Может ли быть достигнуто провозглашенное благополучие человека, если сам человек «инструментализирован» в праве, а не действует как самостоятельный актор?»⁵.

Представители позитивистского направления в праве настаивали на ином: поскольку не существует нормы международного права, которая признает за индивидами права субъектов, они должны оставаться «объектами», а полномочия в отношении их будет осуществлять государство⁶.

«Индивиды, – соглашается с ними профессор А. Кассесе, – долгое время находились под исключительным контролем государств и если они и оказывались упомянутыми в международных договорах, то только как “бенефициарии”».

Кассесе отмечает, что в настоящее время ситуация изменилась, в связи с тем что индивиды стали рассматриваться как обладатели материальных прав, а также прав, позволяющих им оперировать на между-

⁴ Устав Организации Объединенных Наций (1945), статьи 1, 55, 56.

⁵ O'Connell, Daniel Patric. *International Law*. Volume I. London, 1965. P. 116.

⁶ Schwarzenberger, Georg. *International Law as Applied by International Courts and Tribunals*. London: Stevens and Sons Ltd, 1957. P. 140–155; Norgaard Carl Aage. *The Position of the Individual in International Law*. Munksgaard, 1962. P. 325.

народном уровне. При этом, отмечает автор, новые субъекты обладают *ограниченной* правоспособностью: они наделены лишь определенными правами и полномочиями при осуществлении действий по реализации своих прав, в том числе в судебных процедурах и в процессе исполнения решений⁷.

Среди российских авторов есть сторонники классических подходов к понятию «субъекты международного права». Профессор И.И. Лукашук пишет, что индивид находится в сфере действия суверенной воли государства: «Международное сообщество может обеспечить права человека только через государство, оказывая на него соответствующее влияние»⁸.

Другие авторы, например В.А. Карташкин, признают, что «индивид стал непосредственным субъектом международного права»⁹. Профессор Г.В. Игнатенко поддерживает эту позицию и возражает тем, кто считает невозможным «допустить» индивидов в круг субъектов международного права. Автор пишет: «...нынешнее состояние международного права свидетельствует о прямом включении в международные договоры норм, ориентированных на индивида. Они устанавливают права, свободы и обязанности человека и вместе с тем предоставляют ему юридические возможности для обеспечения и защиты»¹⁰.

Причины столь противоречивых позиций заложены в текстах международных соглашений в области прав человека. Так, в Пакте и иных договорах, регулирующих вопросы международной защиты прав человека, отсутствуют признаки или термины, которые указывали бы на то, что индивид является *объектом* межгосударственных отношений, в этих международных актах нет и предписаний, которые с определенностью указывали бы на признание за индивидом – носителем прав и свобод – статуса *субъекта* международного права.

В текстах международных соглашений в области прав приводятся следующие термины и понятия: *отдельные лица* или просто *лица* (*individuals*) в документах ООН¹¹; *физические лица* (*persons*), *неправительственные организации* или *любая группа частных лиц* (*non-*

⁷ Cassese, Antonio. *International Law*. Oxford, 2005. P. 47.

⁸ Лукашук, И. *Международное право*. Общая часть. Волтерс Клувер, 2008. С. 37–38.

⁹ Карташкин, В.А. *Права человека в международном и внутреннем государственном праве*. М., 1995. С. 100.

¹⁰ *Международное право*. Учебник для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Издательство НОРМА • М, 2008. С. 92–95.

¹¹ См. статью 1 Факультативного протокола (1966) к Международному пакту о гражданских и политических правах государства.

governmental organizations or group of individuals) – в документах Совета Европы¹².

Важно заметить, что упомянутые статьи посвящены установлению компетенции международных судебных и квазисудебных органов принимать и рассматривать жалобы (сообщения), в которых утверждается, что эти лица (индивиды) стали жертвами нарушений одной из договаривающихся сторон (государств) их прав, признаваемых в международном соглашении.

Таким образом, процессуальные возможности индивидов были, скорее, производными от возможностей государств и были «дарованы» как результат волеизъявления государств-участников в целях формирования дополнительного механизма мониторинга выполнения международных соглашений.

В связи с этим понятна осторожность, с которой, например, Комитет по правам человека подбирает слова, характеризующие статус индивида. В его терминологии вместо существительных, отражающих активного актора правоотношений, применяются термины иного характера.

Так, в Замечаниях общего порядка № 31 «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта» подчеркивается, что «*бенефициарами* прав, признаваемых в Пакте, являются отдельные лица» и указывается на «наличие обязательств государств-участников перед отдельными лицами как *правообладателями* по настоящему Пакту (выделено мной. – Л.У.)»¹³.

И тем не менее именно эта позиция Комитета представляется логичной и последовательной: она позволяет обеспечить точное соответствие разъяснений тексту международного договора – Пакта.

В связи с этим не лишним будет упоминание о том, что, несмотря на многочисленные новшества, ознаменовавшие рождение международного права прав человека, тексты международных соглашений сохранили консервативный подход: их субъектами остаются государства. Эта классическая модель означает, что с юридической точки зрения ответственность за выполнение обязательств в отношении всех лиц, находящихся под юрисдикцией отдельных государств, возложена на эти государства и в их руках находятся полномочия по реализации этих обязательств.

¹² См. статью 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

¹³ «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», п. 9, *Замечание общего порядка № 31* [80]. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 26 мая 2004 г. <<http://www1.uum.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom31.shtml>> [2012-04-03].....

Следует отметить, однако, что классическая модель международного права, построенная исключительно на межгосударственных отношениях, в области защиты прав человека особенно отчетливо проявила свои слабости. Достаточно привести один пример.

Для того чтобы сделать институт ответственности государств в области защиты прав индивида эффективным, в международном праве были заложены основы механизма «коллективной» ответственности государств.

С этой целью в статью 33 Европейской конвенции и статью 41 Международного пакта о гражданских и политических правах внесены положения, в которых закреплено обязательство по реализации принципа *erga omnes*¹⁴.

Как известно, этот общепризнанный принцип, получивший развитие еще в «классическом» международном праве, для института защиты *индивида* означал, что «нормы, касающиеся основных прав человеческой личности», порождают обязательства у любого государства-участника договора. Каждая из договаривающихся сторон несет перед каждым другим государством-участником обязательство выполнять свои обязанности, а также предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций для достижения заявленных целей по содействию всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии¹⁵.

Торжество этого принципа означало бы, что каждое государство, осознавая себя потенциально ответственным за то, как соблюдаются права в других странах-участницах соглашений, должно было бы воспользоваться процессуальными механизмами и выступить в защиту прав индивидов¹⁶.

Комитет по правам человека обращался в этой связи с разъяснением к государствам-участникам, подчеркивая, «что нарушения предусмотренных Пактом прав каким-либо государством-участником заслуживают их внимания. Привлечение внимания к возможным нарушениям установленных Пактом обязательств другими государствами-участниками и предложение соблюдать их обязательства по Пакту следует рас-

¹⁴ *erga omnes* (лат. юр.) – имеющий отношение ко всем, касающийся всех (напр., о работорговле, заключающих коллективный договор) <<http://www.classes.ru/all-italian/dictionary-italian-russian-universal-term-1461.htm>> [2012-11-11].

¹⁵ См. пункт 4 преамбулы Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 1, 55 и 56 Устава Организации Объединенных Наций.

¹⁶ Статья 33 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), статья 41 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966).

смаывать как отражение всеобщей законной заинтересованности, а отнюдь не как недружественный акт»¹⁷.

Этот механизм, к сожалению, пока не получил своего развития на практике, государства практически никогда не применяют этот правовой механизм реагирования на нарушение индивидуальных прав и свобод в странах-участниках международных соглашений.

И наоборот: процессуальный механизм обращения индивидов в международные органы, который рассматривался и рассматривается как вспомогательный (субсидиарный) по отношению к национальным средствам защиты, получил бурное развитие. Так, например, с момента ратификации Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах в 1996 г. более 140 человек обратились в этот договорный орган ООН с заявлениями о нарушении Республикой Беларусь их прав и свобод, предусмотренных соответствующими соглашениями. При этом отмечается рост обращений в геометрической прогрессии: если только одно обращение было рассмотрено в 2000 г., то только за 9 месяцев 2012 г. Комитет рассмотрел 17 дел. А всего в Комитете за это время зарегистрировано более 140 индивидуальных обращений от лиц, находящихся под юрисдикцией Республики Беларусь¹⁸. Еще более впечатляющей является статистика, характеризующая количество обращений, направляемых ежегодно в Европейский суд, например, из Российской Федерации¹⁹.

Эти примеры являются свидетельством того, что именно индивидам фактически принадлежит главная роль в привлечении внимания международных институтов к проблемам национальной имплементации государственных обязательств в области прав и свобод человека.

В то же время факт широкого использования института индивидуальных жалоб сам по себе не ведет к изменению тех характеристик, которые привели бы к изменению субъектного состава в международных отношениях.

¹⁷ «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», п. 2, *Замечание общего порядка № 31 [80]*. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 26 мая 2004 г. <<http://www1.uumn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom31.hhtml>> [2012-04-03].

¹⁸ Статистический обзор подготовлен белорусским юристом Романом Кисляком.

¹⁹ По данным на 2011 г., около 40 дел, в которых установлено хотя бы одно нарушение, принимается против Российской Федерации ежегодно. См.: Emmert, Frank. *The Implementation of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms in New Member States of the Council of Europe -Conclusions Drawn and Lessons Learned*. Indiana University Robert H. McKinney School of Law, December 12, 2011. <http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971230> [2012-09-09].

Суммируя результаты анализа текстов международных договоров и доктринальных взглядов ученых различных правовых систем, можно прийти к выводам:

– Новеллы и особенности, характеризующие область международного права прав человека, формально не изменили субъектный состав международного права, в котором по-прежнему де юре доминируют государства.

– Международные нормы, закрепившие процессуальное право государств и индивидов на обращение в международные органы с заявлениями о нарушении международных обязательств в области прав и свобод человека, широко используются только индивидами, государства не обращаются с заявлениями в защиту прав индивидов.

2. Де факто: роль индивида в эволюции международного и национального права

Реалии, в которых происходит становление и развитие международного права прав человека, заставляют отойти от формального подхода к трактовке правосубъектности и требуют осуществить оценку фактической роли индивида в международной защите.

Прежде всего важно понимать, что уже сам факт введения международно-правовой ответственности государств за исполнение обязательств в области обеспечения и защиты прав человека перед *отдельными лицами* означал, что по мере повышения осведомленности о правах и свободах все больше и больше индивидов (правообладателей) будут напоминать государствам об этих обязательствах и требовать их осуществления.

В этой связи уже на первом этапе развития международного права прав человека логично было ожидать возрастания роли индивида: голоса отдельных лиц неизбежно должны были зазвучать в общем хоре акторов, действующих в процессах по продвижению и защите индивидуальных прав и свобод.

Действительно, благодаря широкому участию индивидов и представителей гражданского общества в этих процессах большинство международно-правовых действий в сфере продвижения и защиты прав человека осуществляется при их содействии: ими озвучиваются проблемы в области реализации прав человека на международных форумах, они участвуют в подготовке правовых экспертиз, альтернативных отчетов, заявлений и жалоб о фактах нарушений индивидуальных прав и свобод, направляемых в «уставные» и «договорные» органы международных организаций.

Так, например, в 2012 г. в Организации Объединенных Наций интересы гражданского общества представляли 3743 неправительственные

организации, обладающие статусом²⁰ ЭКОСОС²¹. Многие и многие тысячи организаций и индивидов, не обладающие этим статусом, активно коммуницировали с органами ООН, сообщая о фактах нарушений прав человека во всех уголках мира и призывая о помощи.

Если вернуться к оценкам, содержащимся в академических исследованиях, посвященных институту «субъект международного права», и обратить внимание на те из них, в которых авторы²² указывают на изменение отношения к индивидам в международном праве, то станет понятно, что формальный статус индивида никак не мешает расширению их влияния в международном праве прав человека.

Так, Томас Бургенталь (судья Международного суда ООН с 2000 по 2010 г.) в своем обозрении международной системы защиты прав человека пишет, что если раньше деятельность в области международного права относилась только к деятельности государств, то сейчас индивид или группы индивидов заменяют или дополняют роль государств в международно-правовом регулировании.

«Новые технологии и возрастающая сложность в разрешении глобальных проблем увеличили уровень неопределенности в принятии решений, способствовали “размытости” полномочий при принятии решений на международном уровне», «технологии разрушили государственную монополию на сбор и распространение информации»²³ – все

²⁰ Консультативный статус — статус, присваиваемый сообществом ООН неправительственным организациям. Консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН присваивается на основании Устава ООН по решению Экономического и социального совета организациям, заинтересованным в вопросах, входящих в компетенцию Совета. Кроме того, некоторые межгосударственные организации предоставляют консультативный статус неправительственным организациям (например, Совет Европы); правила предоставления консультативного статуса для международных неправительственных организаций прилагаются к резолюции Комитета министров Совета Европы от 18 октября 1993 г. № 93 (38) «Об отношениях между Советом Европы и международными неправительственными организациями». Международные неправительственные организации, наделенные консультативным статусом при Совете Европы, обладают правом подачи жалоб на нарушения правительствами стран — членов Совета Европы прав человека, гарантированных международным договором «Европейская социальная хартия». <http://ru.wikipedia.org/wiki> [2012-11-11].

²¹ NGO Branch, Department of Economic and Social Affairs, *All organizations in consultative status* <<http://esango.un.org/civilsociety/getByAllHavingStatus.do;jsessionid=DC5FAFE6A791FF742DDA60E23FCEA98A?method=getByAllHavingStatus&searchType=csSearch>> [2012-11-11].

²² Burgenthal, Thomas. «The Evolving International Human Rights System», in *International Law: classic and contemporary readings edited by Charlotte Ku London*. 2009. P. 289–319; Charnovitz, Steve. Nongovernmental Organizations and International Law. *Ibid.* P. 117–137.

²³ Mathews, J.T. «Power Shift», *Foreign Affairs*, 76, № 1 (1997). P. 50–66.

эти факторы еще более способствовали тому, что новые акторы приняли на себя часть оперативных функций в современном международном праве.

Профессор Р. Хиггинс, бывший президент Международного суда ООН, предложила использовать вместо термина «субъекты и объекты» термин «участники», под которыми понимаются государства, международные организации, мультинациональные компании и корпорации, неправительственные группы, организации и индивиды²⁴. Исходя из постулата, что не все из перечисленных субъектов обладают одним и тем же объемом полномочий на международном уровне, профессор отмечает, что эти группы получили признание благодаря их фактическим действиям и роли, которую они играют в признании и защите важнейших ценностей²⁵.

Представляется, что таким образом удастся установить баланс между догматическими подходами традиционного международного права относительно понятия «субъект международного права» и современными условиями, в которых формируется роль индивида. В своих оценках профессор Р. Хиггинс «примирила» жесткие нормы традиционного права и фактическую роль новых акторов в обществе. Тем самым оказались удовлетворенными требования об определенности и предсказуемости правовых понятий и поддержано «живое», развивающееся международное право прав человека.

Суммируя сказанное, можно заключить, что спор о статусе и положении индивида в международном праве на сегодняшний день перестал быть догматическим спором относительно объема формальных полномочий в соответствии с нормами международного права. Этот спор находится в сфере оценки действий, осуществляемых индивидами для реализации нормативных предписаний.

3. Индивид – защитник прав человека, участник правозащитной деятельности, правозащитник

Если на начальной стадии формирования в международном праве прав человека были сформулированы нормы, закрепившие индивидуальные материальные права, а на следующем этапе созданы рамки процессуального механизма обращения в международные органы, то сегодня международное право прав человека работает над созданием условий, в которых деятельность индивидов при продвижении и защите прав человека стала бы более эффективной.

²⁴ Higgins, Rozalyn. «Conceptual Thinking about the Individual in International Law». *British Journal of International Studies*. № 41 (1978). P. 5.

²⁵ Higgins, Rozalyn. *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford, UK: Clarendon, 1994.

Дальнейшему укреплению положения отдельной личности и подготовке основы для совместной деятельности групп индивидов способствовал международный акт, который стал «нормативным щитом» или своего рода «процессуальным кодексом правозащитника».

«Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы»²⁶, именуемая чаще «Декларация о правозащитниках» (1998), признала работу отдельных лиц, групп и ассоциаций по содействию эффективному устранению всех нарушений прав человека и основных свобод народов и отдельных лиц, в том числе массовых, грубых или систематических нарушений²⁷.

Декларация наделила каждого правом, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях.

Подчеркивая обязанность государств «нести основную ответственность и обязанность защищать, поощрять и осуществлять все права человека и основные свободы», Декларация создала правовые рамки для деятельности индивидов как на национальном, так и на международном уровне.

Сообщество правозащитников объединяет представителей самых различных профессий, работающих в своих странах и объединяющихся для общих акций, проводимых на международном уровне. «Правозащитники – это мужчины и женщины на передней линии борьбы за то, чтобы принципы, закрепленные Всеобщей декларацией прав человека, уважались. Эти люди работают в правозащитных организациях, молодежных группах, церкви, женских организациях или организациях по экономическому развитию, другие – это адвокаты, журналисты, учителя, социальные работники или руководители местных коммун»²⁸.

Благодаря широкому признанию и практике постоянного применения на международном уровне и в отдельных государствах²⁹ эта Де-

²⁶ «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы», принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 г. <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml> [2012-04-03].

²⁷ Там же, преамбула.

²⁸ Shire Shekin, Hassan. «Challenges to National Implementation of International Human Rights Standards: Human Rights Defenders in the East and Horn Africa». *Global Standards – Local Action. 15 Years Vienna World Conference on Human Rights*. Edited by: Benedek, Wolfgang; Gregory, Clare; Kozma, Julia; Nowak, Manfred and others. Wien; Graz, 2009. P. 205.

²⁹ «Mandate of the Special Representative of the Secretary-General on the situation of human rights defenders», Human Rights Council, *U.N. Doc. A/HRC/7/L.23*, 25 March 2008. The former special representative, Hina Jilani, submitted two reports on her visits to South-Eastern Europe. See «Report of the Special Representative of the Secretary-General

ларация – документ «мягкого» права – трансформируется в международный обычай и становится, таким образом, нормативным актом, выполнение которого является обязательным для отдельных государств.

После принятия Декларации о правозащитниках на международном и региональном уровнях были разработаны и приняты еще ряд документов, направленных на дальнейшее обеспечение деятельности индивидов, которые осуществляют работу по продвижению и защите прав человека на национальном уровне.

В течение последнего десятилетия появились и другие документы, укрепляющие статус правозащитников:

- Мандат Специального докладчика Организации Объединенных Наций по работе с правозащитниками (2000)³⁰;
- Рекомендации Европейского Союза о правозащитниках (2004)³¹;
- Декларация Совета Европы «Об улучшении защиты правозащитников (2008)»³²;
- резолюции, принятые Комиссией по правам человека (2005), Советом по правам человека (2008, 2010, 2011) и Генеральной Ассамблеей ООН (2009)³³.

В этих документах вновь и вновь подчеркивается, что уровень уважения и поддержки правозащитников и их работа имеют важное значение для всеобъемлющего осуществления прав человека. В них содержится и указание на то, что правовой основой, в рамках которой отдельные лица, группы и органы общества действуют в интересах поощрения и защиты прав человека и основных свобод, является наци-

on the situation of human rights defenders, Hina Jilani: Addendum: Mission to Serbia, including Kosovo», *Human Rights Council, U.N. Doc. A/HRC/7/28/Add.3*, 29 February 2008. «Report of the Special Representative of the Secretary-General on the situation of human rights defenders, Hina Jilani: Addendum : Mission to the Former Yugoslav Republic of Macedonia», *Human Rights Council, U.N. Doc. A/HRC/7/28/Add.4*, 3 March 2008. «On Council of Europe action to improve the protection of human rights defenders and promote their activities», *Declaration of the Committee of Ministers* adopted by the Committee of Ministers on 6 February 2008 at the 1017th meeting of the Ministers' Deputies.

³⁰ Мандат Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросу о положении правозащитников (2001) <<http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=243>> [2012-04-03].

³¹ EU-Human Rights Defenders Guidelines <<http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/16332-re01.een08.ppdf>> [2012-04-03].

³² «On Council of Europe action to improve the protection of human rights defenders and promote their activities», *Declaration of the Committee of Ministers* adopted by the Committee of Ministers on 6 February 2008 at the 1017th meeting of the Ministers' Deputies. < <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1245887&Site=CM>> [2012-04-03].

³³ Резолюция 2005/67 Комиссии по правам человека от 20 апреля 2005 г., резолюция 7/8 от 27 марта 2008 г., 13/13 от 25 марта 2010 г. и A/HRC/16/L.15 от 18 марта 2011 г. Совета по правам человека, а также резолюция 64/163 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 2009 г.

ональное законодательство, которое должно соответствовать Уставу Организации Объединенных Наций и международному праву прав человека³⁴.

Многие правительства приветствовали принятие международных мер по поддержке индивидов и групп в их правозащитной деятельности и выступили за создание нового механизма по поощрению действий представителей гражданских обществ. По мнению этих правительств, создание международного и регионального механизмов является важным и необходимым шагом на пути к обеспечению более широкого признания и более эффективной защиты деятельности правозащитников во всем мире³⁵. Тысячи индивидов используют эти механизмы в их работе³⁶.

«Правозащитники представляют собой не просто часть демократических процессов в странах, их присутствие и активность в том или ином государстве является одновременно индикатором демократизма в этой стране и мотором в ее дальнейшем развитии»³⁷, – говорила о роли правозащитников Хина Жилали на конференции, посвященной 15-летию Всемирной конференции о правах человека (2008).

По мнению судьи Международного суда ООН Т. Бургенталья, как сообщество правозащитные неправительственные организации играют еще более важную роль, помогая трансформировать конгломерат «достаточно слабых» институций, которые представляют собой международную систему защиты прав человека, в ту структуру, которая делает все более сложной для государств просто «заблывать» их международные обязательства в области прав человека³⁸.

Здесь важно напомнить, что многие и многие правозащитники подвергаются преследованиям за их работу. Запрет на оказание помощи в области прав человека под предлогом необходимости лицензирования юридической помощи, использование экстремистского и антитеррористического законодательства против организаций и активистов, отказ в регистрации ассоциаций правозащитников, криминализация право-

³⁴ См., например, «Защита правозащитников». *Резолюция Совета по правам человека*, 25 марта 2010 г., Тринадцатая сессия, 13/13, пункт 3.

³⁵ «О положении правозащитников». *Доклад Специального представителя Генерального секретаря ООН на 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека* (2001), E/CN.4/2001/94.

³⁶ О работе правозащитников во многих странах мира можно узнать, посетив сайт: <http://humanrightshouse.org/Articles/15409.html> [02.04.2012].

³⁷ Jilani, Hina. «The Role of Civil Society and Human Rights Defenders in the National Implementation of International Human Rights Standards». *Global Standards – Local Action. 15 Years Vienna World Conference on Human Rights*. Edited by: Benedek, Wolfgang; Gregory, Clare; Kozma, Julia; Nowak, Manfred and others, Wien; Graz, 2009. 77.

³⁸ Burgenthal, Thomas. «The Evolving International Human Rights System» in *International Law: classic and contemporary readings*. Edited by Charlotte Ku. London, 2009. P. 309.

защитной деятельности, давление на организации и индивидов по политически мотивированным обвинениям в нарушении отчетности, налогового законодательства, растущая монополизация взаимодействия неправительственных организаций и государства путем создания контролируемых вертикальных структур «управляемого гражданского общества»³⁹ – это лишь отдельные проявления растущего давления правительств на организации, активно работающие с правами человека.

Выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 2 ноября 2012 г. специальный докладчик по вопросам защиты правозащитников Маргарет Секкайя подняла проблему использования национального законодательства в преследовании правозащитников⁴⁰. Она с тревогой отметила негативную тенденцию: деятельность правозащитников криминализируется государствами путем в том числе применения национальных законов. Иллюстрацией этих тенденций могут служить два решения Комитета ООН по правам человека, принятые по обращениям правозащитников против Республики Беларусь⁴¹. В деле *Звозсков*⁴² и др. *против Беларуси*⁴³ (2006) Комитет по правам человека рассмотрел индивидуальное обращение Бориса Звозскова на отказ в регистрации правозащитного общественного объединения «Хельсинки-XXI» и пришел к выводу, что отказ в регистрации противоречит требованиям части 2 статьи 22 Пакта и нарушает права авторов на свободу ассоциации.

В частности, оценивая законодательство и правоприменительную практику белорусских государственных органов, Комитет указал: «Исходя из решения Верховного Суда от 20 августа 2001 г., единственное условие, которому не отвечал устав ассоциации, связано с требованием национального законодательства, по которому общественные объединения не имеют права представлять интересы и защищать права третьих

³⁹ «Рекомендации российских НПО по вопросу свободы объединений», 1 октября 2009 г., Центр развития демократии и прав человека, Фонд «Общественный вердикт» и Информационно-аналитический центр «СОБА» http://www.publicverdict.org/topics/international_instances/7513.html [02.04.2012].

⁴⁰ National laws must not restrain the work of rights defenders – UN expert <<http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12740&LangID=E>>[11.11.2012].

⁴¹ Представленный обзор основан на анализе: Кузнецова, Екатерина. «Свобода Ассоциаций: международные стандарты». *Права человека: международные стандарты и национальное законодательство*: сб. автор. ст. под ред. В. Филиппова. Вильнюс, 2011. С. 89–91.

⁴² Борис Игоревич Звозсков – белорусский правозащитник, один из основателей белорусского правозащитного движения, основатель белорусского Дома прав человека, умер 17 июня 2012 г. Решение Комитета ООН по правам человека (CCPR/C/88/D/1039/2001) государством Республика Беларусь исполнено не было.

⁴³ *Zvozskov et al. v. Belarus*. Communication № 1039/2001, *views adopted on 17 October 2006*. CCPR/C/88/D/1039/2001.

лиц. Это ограничение Комитет оценил в свете последствий, возникающих для авторов и их объединения. Комитет указал, что государство не выдвинуло никаких доводов, обосновывающих для целей регистрации *необходимость* (выделено КПЧ. – Л.У.) ограничения сферы деятельности ассоциаций представлением интересов и защитой прав только собственных членов в свете части 2 статьи 22 Пакта».

При рассмотрении индивидуального обращения руководителя правозащитной организации «Весна» Алеся Беляцкого (дело *Беляцкий и др. против Беларуси*⁴⁴ (2007) Комитет также признал, что решением Верховного Суда Республики Беларусь о ликвидации правозащитного центра «Весна» нарушены права авторов сообщения на свободу ассоциаций.

В данном деле, по мнению Комитета, решение суда о ликвидации «Весны» основывалось на презюмируемых нарушениях избирательного законодательства во время мониторинга президентских выборов 2001 г. При рассмотрении обстоятельств Комитет исследовал дело в свете тех последствий, которые могли наступить для автора и соавторов сообщения в связи с криминализацией в Беларуси деятельности от имени незарегистрированной организации.

Следует пояснить в этой связи, что согласно национальному уголовному закону (часть 2 статьи 193 Уголовного кодекса Республики Беларусь) организация либо руководство общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами, или с причинением им телесных повреждений, или с иными посягательствами на права, свободы и законные интересы граждан, или с воспрепятствованием исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей, не прошедшим в установленном порядке государственную регистрацию, наказываются арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до трех лет. За период 2006–2010 гг. известно 17 лиц, осужденных по статье 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Наказание, связанное с ограничением свободы (лишение свободы или арест), было применено к шести осужденным по данной статье.

В 2008–2009 гг. Верховный Суд Республики Беларусь отказался выполнить решение Комитета, а также не удовлетворил обращения правозащитников по поводу регистрации новой организации «Наша Весна».

В начале 2011 г. государственные органы вынесли руководителю правозащитного центра «Весна» письменное предупреждение о недопустимости участия в деятельности незарегистрированного объединения. А вскоре председатель общественного объединения «Весна» А. Беляцкий был арестован и помещен в следственный изолятор по обвинению в якобы совершенном уклонении от уплаты налогов. Поводом для ареста

⁴⁴ *Belyatsky et al. v. Belarus*. Communication № 1296/2004. UN Doc CCPR/C/90/D/1296/2004.

стали данные о получении средств в банках Литвы, которые были направлены Министерством юстиции Литвы в рамках действующего с Беларусью договора по запросу белорусской стороны. Белорусские налоговые органы посчитали все суммы как личные доходы самого правозащитника и обвинили Алеся Беляцкого в уклонении от уплаты налогов.

Возражения о том, что денежные средства, которые перечислялись иностранными фондами, никоим образом не являются личными средствами, что средства перечислялись для правозащитного центра, в регистрации которого было отказано, и им же расходовались, – не были приняты во внимание. В процессе судебного слушания были представлены доказательства тому, что центр «Весна» оказал помощь тысячам жертв нарушений прав человека, осуществлял мониторинг и эффективно участвовал в подготовке всех альтернативных докладов по стране, провел множество образовательных и просветительских программ для молодежи.

Беляцкий был осужден к четырем с половиной годам лишения свободы. Его арест и осуждение вызвали целую волну протестов и заявлений со стороны международных организаций, государств, правозащитников многих стран⁴⁵.

Драматические примеры, к сожалению, можно было бы продолжать: правительства целого ряда государств упорно работают над созданием негативного образа неправительственных правозащитных организаций, показывая их деятельность как враждебную по отношению к государству и обществу⁴⁶.

В таких случаях усилия по международному нормативно-правовому регулированию оказываются тщетными: создание мандата правозащитников, к примеру, не может само по себе обеспечить им надежную защиту, если государства не оказывают поддержку работе индивидов путем создания благоприятной атмосферы на национальном уровне.

Государства нередко «забывают» об *erga omnis* обязательствах в области универсальных соглашений по защите прав человека, когда на чаше весов оказываются их собственные экономические или политические интересы.

Защита *объектов общего достояния*⁴⁷, к которым относятся права человека, в отличие от защиты интересов отдельных государств требует

⁴⁵ *Итоги мониторинга судебного процесса по делу Алеся Беляцкого.*
<http://spring96.org/ru/news/49731> [2012-04-03].

⁴⁶ Тонкачева, Елена, Смолянок, Ольга. «Национальное регулирование свободы ассоциации: основные подходы». *Права человека: международные стандарты и национальное законодательство*: сб. автор. ст. под ред. В. Филиппова. Вильнюс, 2011. С. 107–123.

⁴⁷ Tietje, Christian. «Recht ohne Rechtsquellen?» *Zeitschrift für Rechtssoziologie*. № 24 (2003). S. 27–42.

формирования новой модели поведения как на международном уровне в процессе межгосударственных отношений, так и в процессе воплощения этих обязательств в национальных правовых системах.

Признавая различия, присущие отдельным национальным правовым системам, международное право прав человека исходит из принципа универсальности, что предполагает и возможность единых алгоритмов действий, применимых для продвижения и защиты прав человека, в том числе на уровне отдельных государств.

Международный билль о правах человека⁴⁸ посредством нормативных предписаний, содержащихся в актах, входящих в его состав, закладывает основы алгоритма. Этот алгоритм в случае добросовестного осуществления государствами своих обязательств, вытекающих из международных соглашений в области прав человека, мог бы содействовать более эффективному выполнению международно-правовых обязательств, в том числе за счет включения индивида и учета его роли в современном праве.

Так, например, статья 2 Пакта определяет сферу охвата юридических обязательств, принимаемых на себя государствами, и налагает общее обязательство уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их юрисдикцией лицам права, признаваемые этими международными актами.

Комитет по правам человека, конкретизировав содержание статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, указал, что «действия всех ветвей государственного управления (исполнительной, законодательной и судебной) и других органов государственной или правительственной власти любого уровня (национального, областного или местного) могут повлечь за собой ответственность государства-участника»⁴⁹.

Разъясняя юридическую природу решений, принимаемых по результатам обращений индивидов, которые утверждают, что государство нарушило свои обязательства по соблюдению прав и свобод, Комитет в Замечаниях общего порядка «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участников Пакта» писал, что «все заключения, рекомендации и соображения международных органов, осуществляющих мониторинг, должны быть доведены до сведения всех

⁴⁸ Как известно, Международный билль представляет собой совокупность международных документов: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Первый и Второй факультативные протоколы и Всеобщая декларация прав человека.

⁴⁹ «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», п. 4, *Замечание общего порядка № 31* [80]. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13, 26 мая 2004 г. <http://www1.uum.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom31.html> [2012-04-03].

национальных органов для их реальной имплементации»⁵⁰ и что государства должны осуществлять «законодательные, судебные, административные, просветительские и иные соответствующие меры для выполнения своих юридических обязательств»⁵¹.

В следующей, завершающей части этой статьи предстоит проанализировать правовые позиции двух государств, в которых нашли отражение подходы к выполнению решений Комитета по правам человека, вынесенных на основании обращений индивидов, находившихся под юрисдикцией этих стран. Сравнительный анализ поможет увидеть роль государства в формировании правовой модели, способной влиять как на эффективность деятельности индивида в процессе выполнения государствами обязательств, вытекающих из Международного билля о правах человека, так и имплементации последними своих обязательств перед международным сообществом.

4. Один договор и два взгляда на (не)выполнение решений Комитета по правам человека: сравнительный анализ правовых позиций России и Беларуси

Для дальнейшего сравнительного анализа были использованы правовые оценки, которые содержатся в документах, принятых в связи с заявлением двух индивидов – г-на Кацоры против Республики Беларусь⁵² и г-на Хорошенко против Российской Федерации⁵³. Правовые оценки содержатся, соответственно, в ответе Министерства иностранных дел Республики Беларусь⁵⁴ и в определении Конституционного Суда Российской Федерации⁵⁵.

⁵⁰ «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта», п. 7. *Замечание общего порядка № 31*. Международные договоры по правам человека, Том I. Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека <www2.oohchr.org/english/bodies/icm-mc/.../HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf> [2012-02-05]

⁵¹ Ibidem.

⁵² *Katsora v. Belarus*. Communication 1377/2005. 2010. CCPR/C/99/D/1377/2005. <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rview1377sess99.html> [2012-02-04].

⁵³ *Андрей Хорошенко против Российской Федерации*, CCPR/C/101/D/1304/2004

⁵⁴ Документ предоставлен Гомельским центром стратегических тяжб. Ответ Министерства иностранных дел Республики Беларусь касается исполнения решения Комитета ООН по правам человека по делу 1377/2005 *Кацора против Республики Беларусь*. См. текст решения: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rview1377sess99.html> [2012.02.02].

⁵⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью 4 статьи 413 и частями 1 и 5 статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, город Санкт-Петербург, 28 июня 2012 года. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=295458> [2012-11-11].

Важно отметить, что оба государства – Российская Федерация и Республика Беларусь – долгое время являлись частью единой правовой системы. Сегодня правовые системы этих государств различаются в том числе и тем, что одна из них является членом Совета Европы и благодаря тысячам индивидуальных жалоб испытывает на себе постоянный критический взгляд со стороны Европейского суда по правам человека, а вторая остается в самоизоляции от международной и европейской юстиции и опирается исключительно на национальное законодательство.

Среди ряда общих признаков, которые служат основанием для применения метода сравнительного анализа следует перечислить следующие.

Во-первых, оба государства – Россия и Беларусь – выразили свое согласие по поводу обязательности Пакта и Факультативного протокола: 1 октября 1991 г. Российская Федерация приняла на себя обязательства соблюдать права человека, предусмотренные Пактом, и ратифицировала Факультативный протокол к нему, признав тем самым компетенцию Комитета по правам человека (далее – Комитет) принимать и рассматривать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией⁵⁶. С 1992 г. Республика Беларусь де юре признает компетенцию Комитета принимать сообщения от лиц, которые утверждают, что являются жертвами нарушений Республикой Беларусь какого-либо из прав, изложенных в Пакте⁵⁷.

Во-вторых, в представленных для анализа случаях оба государства признаны виновными в нарушении индивидуальных прав, закрепленных Пактом. Комитет констатировал:

– нарушение Российской Федерацией прав г-на А.А. Хорошенко⁵⁸, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 2, пунктами 1 и 2 статьи 6, статьи 7, пунктами 1–4 статьи 9, пунктами 1 и 2 и подпунктами а,е, г пункта 3 статьи 14, пунктом 1 статьи 15 и статьей 26 (право на справедливый суд, право на жизнь, свободу от пыток, право на личную неприкосновенность, свободу от дискриминации);

– нарушение Республикой Беларусь прав г-на Кацоры, предусмотренных пунктом 2 статьи 19 Пакта (право на свободу выражения мнения).

⁵⁶ Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml [2012-03-03].

⁵⁷ Пакт был ратифицирован в 1973 г. http://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&lang=en [2012-11-11].

⁵⁸ *Андрей Хорошенко против Российской Федерации*, CCPR/C/101/D/1304/2004 <http://ccprcentre.org/doc/OP1/Decisions/101/1304_2004_RussianFederation_ru.pdf> [2012-11-11].

В-третьих, оба индивида (г-н Кацора и г-н Хорошенко), после того как их жалобы были рассмотрены Комитетом по правам человека, обратились в национальные инстанции для разработки процедур по возобновлению дел *по вновь открывшимся обстоятельствам* в связи с состоявшимся решением Комитета по правам человека.

В-четвертых, общим является то, что действия соответствующих ветвей власти государства – Конституционного Суда Российской Федерации и Министерства иностранных дел Республики Беларусь – могут порождать международно-правовую ответственность.

Наконец, правовые оценки, которые даются этими органами, касаются интерпретации одних и тех же концепций и принципов (в частности, принцип *pacta sunt servanda*,⁵⁹ суверенитет государства, приоритет норм международного права, обязательность решений Комитета по правам человека и др.).

Кацора против Республики Беларусь

9 июля 2010 г. Комитет по правам человека рассмотрел индивидуальное обращение *Владимир Кацора против Республики Беларусь*⁶⁰ и адресовал правительству Республики Беларусь в числе прочих требование обеспечить *автору эффективное средство правовой защиты, включая полное возмещение и надлежащую компенсацию, а также принятие мер по недопущению подобных нарушений в будущем*⁶¹.

Ни одно из требований Комитета выполнено не было, и г-н В.А. Кацора обратился в Министерство иностранных дел Республики Беларусь⁶² как к органу, который в соответствии с национальным законодательством осуществляет координацию и контроль за исполнением международных договоров и разъясняет порядок применения положений международных договоров Республики Беларусь⁶³.

Просьба Кацоры о разъяснении порядка исполнения решений Комитета по правам человека была отклонена. Правовое обоснование отказа, содержащееся в письме первого заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь И.В. Петришенко, приводится почти полностью:

⁵⁹ Договора должны исполняться (лат).

⁶⁰ *Katsora v. Belarus*. Communication 1377/2005. 2010. CCPR/C/99/D/1377/2005. <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rview1377sess99.html> [2012-02-04].

⁶¹ «Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о принятых мерах во исполнение сформулированных Комитетом соображений. Комитет просит также государство-участника опубликовать соображения Комитета» (Communication 1377/2005. 2010. CCPR/C/99/D/1377/2005).

⁶² Обращение в Министерство иностранных дел было обусловлено тем, что это ведомство осуществляет координацию и контроль за исполнением международных договоров (статья 35 закона «О международных договорах Республики Беларусь»).

⁶³ См. статьи 35 и 36 закона «О международных договорах Республики Беларусь».

«Министерство иностранных дел рассмотрело Ваше обращение и в рамках своей компетенции сообщает следующее... Необходимо учитывать, что принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой один из основных принципов международного права и императивную норму международного права. Из данного принципа вытекает, в частности, понимание суверенитета государства как верховенства власти на собственной территории (в том числе судебной), а также самостоятельности и независимости государства в международных отношениях. Соотнесение данного принципа с принципом добросовестного соблюдения международно-правовых обязательств (*pacta sunt servanda*) основано на признании обязательности решений каких-либо международных органов как изъятие из принципа суверенитета государства. Оно допускается лишь в тех случаях, когда государство в порядке реализации своих суверенных прав выразило согласие на обязательность для нее международного договора, явно и недвусмысленно предусматривающего обязательность таких решений для государств-участников. Это, в частности, такие договоры, как Устав ООН, статья 25 которого гласит: члены Организации соглашаются в соответствии с настоящим Уставом подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их.

Обязательство Республики Беларусь соблюдать нормы международных договоров, государством-участником которых оно является, не является обязательством следовать мнению группы экспертов...

Подчеркиваем, что в случае с Комитетом по правам человека, а также иными органами, созданными в целях мониторинга соблюдения универсальных международных договоров в области защиты прав человека, речь может вестись исключительно о рекомендациях государствам по более полной и эффективной имплементации норм данных международных договоров. При этом государства самостоятельно решают вопрос о степени учета данных рекомендаций»⁶⁴.

Итак, государство отказалось исполнять решения Комитета ООН. Правовая позиция, которая лежит в основе ответа, представляет интерес.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что высшие должностные лица Министерства иностранных дел – одного из исполнительных органов, в обязанности которого входит контроль за исполнением международных договоров, – применяют явно избирательный и дискриминационный подход к договорам в области прав человека, что проявляется в противопоставлении их Уставу ООН.

Группу договоров в области прав человека или, как называют их авторы письма, «универсальные международные договоры в области за-

⁶⁴ Документ предоставлен Гомельским центром стратегических тяжб.

щиты прав человека», они располагают ниже Устава ООН в некоей выстроенной ими иерархии международных соглашений.

Эта «иерархия» установлена экспертами Министерства иностранных дел Республики Беларусь для того, чтобы обосновать свой вывод о том, что в отношении «универсальных международных договоров в области защиты прав человека» принцип «добросовестного соблюдения международно-правовых обязательств» действует с изъятиями, которые устанавливаются самими суверенными государствами.

В соответствии с логикой Министерства иностранных дел Республики Беларусь обязательства, вытекающие из договоров в области прав человека, не требуют у государств безусловного следования принципу добросовестного исполнения обязательств, а могут лишь *допускаться* в определенных случаях, например в случае вынесения решений Советом Безопасности ООН.

Важной составляющей позиции государства Республики Беларусь является интерпретация концепции суверенитета государства как «верховенства власти на собственной территории» и независимости государства в международных отношениях. Суверенитет в рамках этого видения является основанием для отказа от принципа добросовестного выполнения договоров, в частности в отношении «универсальных договоров в области прав человека».

Наконец, в глазах государственных чиновников Республики Беларусь решения Комитета являются «рекомендациями», «мнением группы экспертов» и, соответственно, не обязывают правительство исполнять их.

Именно эта позиция озвучивается представителями всех ветвей государственной власти Республики Беларусь (от судебной до исполнительной), которые заявляют об отсутствии у государства обязательства исполнять решения комитетов договорных органов⁶⁵.

Для иллюстрации того, к чему ведет эта позиция, можно привести еще один документ – ответ Министерства иностранных дел Республики Беларусь на запросы правозащитников (в том числе г-на К.), в которых они просили разъяснить порядок выполнения решений международных организаций, которыми установлено нарушение Республикой Беларусь своих международных обязательств.

В нем утверждается, что «соображения Комитета по правам человека относительно жалобы, поступившей на основании статьи 1 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, носят рекомендательный характер» и что «статья 61 Конституции Республики Беларусь закрепляет право граждан на об-

⁶⁵ Приведенный пример касается решения Комитета ООН по правам человека по делу 1377/2005 *Кацора против Республики Беларусь*. См. текст решения: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrcommittee/Rview1377sess99.html> [2012.02.02].

ращение в международные организации с целью защиты своих прав и свобод. Представленные Вами документы свидетельствуют, что гарантированное Конституцией Республики Беларусь право К. на обращение в международные организации с целью защиты своих прав нарушено не было»⁶⁶.

Такое толкование означает, что конституционные гарантии на обращение «в международные организации с целью защиты своих прав и свобод» сводятся к тому, что государство *позволяет* обращаться за международной защитой, не намереваясь признавать решения органов этих организаций. Очевидно, что подобная интерпретация является примером глубокого непонимания или нежелания следовать существу прав человека.

Краткий анализ представленных документов дают основания для вывода: отказываясь исполнять решения Комитета ООН по правам человека, Республика Беларусь лишает индивидов не только возможности восстановить те материальные права, нарушение которых установил Комитет, но и отказывается осуществить «необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в... Пакте»⁶⁷.

Хорошенко против Российской Федерации

В марте 2011 г. Комитет по правам человека пришел к заключению по индивидуальному обращению А. Хорошенко⁶⁸ и направил правительству Российской Федерации требование обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая: проведение полного и тщательного расследования по обвинениям в пытках и жестоком обращении и возбуждение уголовного преследования против тех, кто несет ответственность за такое обращение с автором; повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом и предоставление автору надлежащего возмещения, включая компенсацию. Государство-участник также обязано принять меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

В связи с решением Комитета и на основании обращения А. Хорошенко в Конституционный Суд Российской Федерации, направленного им туда после того, как Генеральная прокуратура и Верховный Суд сосла-

⁶⁶ Документ предоставлен Гомельским центром стратегических тяжб.

⁶⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., статья 2 часть 2.

⁶⁸ Комитет по правам человека, 14 марта – 1 апреля 2011 г., № 1304/2004.
< http://ccprcentre.org/doc/OP1/Decisions/101/1304_2004_RussianFederation_ru.pdf > [2012-11-11].

лись на национальное процессуальное законодательство как на ограничивающее его право на пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам на основании такого акта, как соображения Комитета ООН по правам человека, Конституционный Суд рассмотрел обращение и пришел к важным выводам.

Во-первых, следует пояснить, что, изучив жалобу, Конституционный Суд не установил оснований для ее удовлетворения в части признания неконституционными отдельных положений уголовно-процессуального законодательства. При этом, однако, Суд выполнил такое толкование национального законодательства, которое позволяет в будущем осуществлять возобновление слушания дела по вновь открывшимся обстоятельствам в рамках существующих процедур без необходимости внесения изменений в законодательство.

Во-вторых, при рассмотрении жалобы Суд дал важные правовые оценки, в которых отражены позиция Российской Федерации в отношении международных обязательств, вытекающих из Пакта.

Интересно также, что судьи Конституционного Суда Российской Федерации, вряд ли будучи знакомыми с правовыми взглядами юристов Министерства иностранных дел Республики Беларусь, как будто вступили с ними в правовой спор, предлагая противоположные оценки в отношении тех же концепций, и в частности относительно характера международных обязательств государства, вытекающих из Пакта и решений Комитета по правам человека.

Оценки Конституционного Суда в этой части приводятся с минимальными сокращениями:

«...Несмотря на то что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П, Российская Федерация, обладая государственным суверенитетом (преамбула; статья 3, часть 1; статья 4, часть 1, Конституции Российской Федерации), является самостоя-

тельным и равноправным участником межгосударственного общения и одновременно, объявляя себя демократическим правовым государством (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации), должна следовать добровольно принятым на себя в рамках международных соглашений обязательствам, что подтверждается положениями Венской конвенции о праве международных договоров, в силу которых каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, обязательность которых для него невозможна без выражения соответствующего согласия (статьи 6 и 11), каждый договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно исполняться (статья 26), при этом участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (статья 27).

В силу общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda* и по смыслу подпункта “а” пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека, в том числе в случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу лица, чье соображение послужило основанием для принятия Комитетом соответствующего Соображения.

Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

Приведенные правовые формулировки Конституционного Суда Российской Федерации основаны на широкой интерпретации обязательств

государства, вытекающих из международных соглашений в области прав человека и заслуживают высокой оценки как с точки зрения юридической аргументации, так и с точки зрения последовательности в отношении фундаментальных принципов права.

Определение Конституционного Суда содержит в себе комплексный анализ ряда понятий, относящихся к сфере регулирования защиты прав человека и составляющих одновременно основу конституционного строя Российской Федерации.

Хотелось бы выразить надежду, что данное определение Конституционного Суда Российской Федерации будет способствовать развитию не только уголовного процесса, но и всего национального законодательства и практики, которые с этого момента должны будут учитывать правовые стандарты органов, созданных в рамках Организации Объединенных Наций.

Определение Конституционного Суда ценно тем, что оно формирует национальную правовую доктрину и модель поведения государства по выполнению международно-правовых обязательств в духе верховенства права, добросовестного выполнения договоров и соблюдения конституционных гарантий защиты прав и свобод человека.

Не менее важное значение судебное постановление Конституционного Суда Российской Федерации будет иметь и для правовых систем соседних государств. Унаследовав общие правовые подходы из советского прошлого, они нуждаются в обмене опытом, который ведет к формированию правовой культуры и обогащению национальных правовых систем.

Наконец, этот пример может служить как стимулом для тех индивидов, кто решил защищать права человека в споре с государством, так и доказательством, что государство рассматривает работу с индивидуальными делами как важную деятельность, в ходе которой декларации о верховенстве права обретают реальное воплощение в жизни человека.

Выводы

Нормативное закрепление за индивидами материальных прав и предоставление им процессуальных возможностей для международной защиты, подкрепленное учреждением международного мандата правозащитника, делает индивида сильным участником деятельности по продвижению и защите прав и свобод человека на международном и национальном уровнях.

В этом качестве индивиды – отдельные лица, группы и общественные объединения – представляют собой новую движущую силу, которая способна как оказывать влияние на формирование и совершенствование отдельных нормативных предписаний, так и содействовать реализации

той модели поведения государств, которая заложена в Международном Билле о правах и вытекает из иных международных соглашений в области защиты прав человека.

Динамика и прогресс в этом отношении особенно заметны в тех странах, которые внедряют правовую доктрину защиты прав человека в работу национальных государственных органов с учетом принципа добросовестности при исполнении договоров и верховенства права.

При этом следует помнить, что новеллы и возможности, которые предоставляет международное право прав человека, могут раскрыть свой потенциал полностью только в том случае, если основные субъекты международно-правовых отношений – государства – выполняют свои обязательства по отношению к человеку, действуют в соответствии с буквой и духом международных соглашений и национальных конституций, а также рассматривают индивида в качестве равного участника работы по защите и продвижению всеобщих ценностей – прав человека.

Наталья Мацкевич

**О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ ВОПРОСАХ, РАЗРЕШЕННЫХ
КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СВЯЗИ
С СООБЩЕНИЯМИ ИНДИВИДОВ, КОТОРЫЕ ЗАЯВИЛИ
О НАРУШЕНИИ ИХ ПРАВ, ГАРАНТИРОВАННЫХ МПГПП,
В АДМИНИСТРАТИВНОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

В статье предпринята попытка представить обзор соображений Комитета по правам человека по ряду дел, рассмотренных Комитетом в отношении Республики Беларусь. Круг этого обзора ограничен делами, в которых рассматривались сообщения о нарушении прав, гарантированных Пактом, при проведении административного и уголовного процесса в отношении авторов сообщений, поступивших в Комитет (либо представляемых ими лиц). В соображениях Комитета по таким делам разрешались в основном правовые вопросы применения статей Пакта, права по которым наиболее уязвимы при осуществлении государством указанных видов преследования: статьи 9 (арест и заключение под стражу), статьи 7 (пытки), статьи 10 (содержание в условиях лишения свободы) и статьи 14 (право на справедливое судебное разбирательство) Пакта.

Изучение данных дел дает представление о правовых подходах Комитета в отношении тех или иных заявлений индивидов, полагающих, что их права нарушены, ознакомить с устойчивой практикой Комитета и тем самым дать возможность извлечь уроки из состоявшихся сообщений в КПЧ, а также предоставить аргументы для составления последующих сообщений в Комитет с целью усовершенствования профессиональной защиты прав и развития практики этого международного органа.

1. Вопросы применения статьи 9 Пакта

Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой».

1.1. Терминология

Прежде чем рассматривать вопросы статьи 9 Пакта, отраженные в решениях Комитета по правам человека по делам, рассмотренным в отношении Беларуси, необходимо внести терминологическую ясность в понятие «арест», употребляемое по смыслу этой статьи. Некоторые трудности при его уяснении может вызвать тот факт, что в действующем законодательстве Беларуси термином «арест» обозначается один из видов уголовного наказания, которое может быть назначено по приговору суда за совершение преступления. Именно в этом значении «арест» употребляется в действующих уголовном и уголовно-исполнительном кодексах Республики Беларусь. В то же время в статье 25 Конституции Республики Беларусь сказано: «Лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста». То есть Конституция рассматривает понятие «арест» как заключение под стражу, что, очевидно, перешло из действовавшего на момент принятия Конституции УПК Республики Беларусь 1960 г. (утратил силу с 01.01.2001), в котором термин «арест» означал заключение под стражу в качестве меры пресечения. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве существуют следующие меры процессуального принуждения, связанные с лишением личной свободы: кратковременное задержание (статья 108 УПК), а также меры пресечения – заключение под стражу (статья 126 УПК) и домашний арест (статья 125 УПК). Право на судебное обжалование именно данных мер предусмотрено УПК Республики Беларусь.

Вместе с тем согласно практике международных органов гарантии статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах

(и соответствующей ей по тексту статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) трактуются более широко и распространяются на лишение свободы как в связи с уголовным преследованием, так и по другим основаниям. Причем, что касается уголовного преследования, речь может идти о двух ситуациях лишения личной свободы: 1) как до, так и после вынесения обвинительного приговора судом (части 1 и 5 статьи 9 Пакта), 2) во время предварительного расследования (части 2–4 статьи 9 Пакта). Представляется, что именно в таком ракурсе следует толковать статью 25 Конституции Беларуси, исходя из провозглашенного в ней приоритета принципов международного права, и в практике использовать указанные нормы Пакта и Конституции применительно к защите любого ограничения права на свободу и личную неприкосновенность. При таком подходе термин «арест» относительно уголовного процесса приобретает значение его прямого перевода с английского языка – «задержание», при этом все гарантии против произвольного лишения свободы применяются именно с момента задержания лица, если таковое имеет место, либо с момента заключения под стражу (термин «заключение под стражу» содержится в тексте статьи 9 Пакта) или домашнего ареста.

По белорусским делам вопросы статьи 9 рассматривались Комитетом именно применительно к уголовному процессу, и эти вопросы разрешены в соображениях по сообщениям *Бандажевский против Беларуси*¹, *Сманцер против Беларуси*², *Маринич против Беларуси*³. В каждом из этих дел Комитетом признано нарушение какого-либо права, защищаемого статьей 9, и в то же время часть утверждений авторов признавалась либо неприемлемой для рассмотрения, либо Комитет приходил к выводу об отсутствии нарушений права, о которых было заявлено авторами.

1.2. Законность ареста и содержания под стражей: внутреннее дело государства или сфера действия международного контроля?

Бандажевский против Беларуси

Юрий Бандажевский, профессор и бывший ректор Гомельского государственного медицинского института, был арестован в 1999 г., а впоследствии осужден к лишению свободы.

¹ Сообщение №1100/2002 *Бандажевский против Беларуси*, соображения приняты 28 марта 2006 года.

² Сообщение № 1178/2003 *Сманцер против Беларуси*, соображения приняты 23 октября 2008 года.

³ Сообщение № 1502/2006 *Маринич против Беларуси*, соображения приняты 16 июля 2010 года.

В своем сообщении в КПЧ автор заявлял, что его арестовали 13 июля 1999 г. с санкции Генерального прокурора и он содержался под стражей в течение 30 дней в соответствии с президентским Декретом от 21 октября 1997 г. «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями»⁴. Он утверждал, что при аресте не был уведомлен о причинах своего задержания и обвинение в получении взяток ему было предъявлено только спустя три недели после задержания. Это правонарушение, по его словам, не имеет никакого отношения к терроризму или иным насильственным либо особо опасным преступлениям, указанным в Декрете, и последний был применен к нему для того, чтобы ограничить его право на защиту.

Комитет рассмотрел эти утверждения в свете пункта 1 статьи 9 Пакта и принял во внимание возражения государства, которое настаивало на законности ареста автора и его содержания под стражей, поскольку уголовное дело о взяточничестве против автора было возбуждено 12 июля 1999 г. (за день до ареста), имелись основания подозревать, что он являлся руководителем преступной группы, и следствие располагало сведениями о том, что он оказывал воздействие на свидетелей по делу. По сообщению государства, арест автора в соответствии с положениями Декрета был полностью обоснованным, поскольку он подозревался в совершении тяжкого преступления; он был ознакомлен с причинами ареста, и ему было предъявлено обвинение в пределах 23-дневного срока, а также в ходе предварительного следствия он был представлен адвокатом.

На основе представленной информации Комитет пришел к выводу о том, что положения пункта 1 статьи 9 не были нарушены.

При изучении соображений КПЧ по данному делу можно заметить, что Комитет не дал оценки спору между автором и государством по поводу наличия либо отсутствия необходимости применения в данном случае внутреннего нормативного акта – Декрета Президента от 21.10.1997, а также законности (по внутреннему праву) предъявления официального обвинения спустя 23 дня после задержания.

Сманцер против Беларуси

Александр Сманцер, консультант по внешнеэкономической деятельности компании, зарегистрированной в Соединенном Королевстве, был арестован в Минске 3 декабря 2002 г. и находился в условиях предвари-

⁴ Пункт 1.8 данного Декрета позволял применять к лицам, в отношении которых имеются достоверные данные о том, что они причастны к терроризму или иным особо опасным насильственным преступлениям либо руководят преступной организацией, организованной преступной группой или принадлежат к ним, превентивное задержание на срок до 30 суток по мотивированному постановлению начальника органа дознания или лица, его замещающего, с санкции прокурора.

тельного заключения 10 месяцев до первого слушания дела судом 7 октября 2003 г. и 2 года до окончательного осуждения за незаконную предпринимательскую деятельность, которое состоялось 3 декабря 2004 г.

В сообщении, поданном в Комитет, автор утверждал о нарушении пунктов 1 и 2 статьи 9, оспаривая *законность* ареста и содержания под стражей. В данной части жалобы спор с государством лежал в плоскости того, был ли верным отсчет времени задержания и, соответственно, продлился ли период задержания более установленных законом 72 часов, а также нарушены ли максимальные сроки содержания под стражей в связи с пересмотром дела. По этому поводу Комитет отметил, что «утверждения автора по пунктам 1 и 2 статьи 9, в сущности, касаются оценки фактов и доказательств, а также толкования автором внутригосударственных законов», которое опровергалось государством. В связи с этим Комитет по правам человека сослался на свою практику, в соответствии с которой «оценку фактов и доказательств, а также оценку внутригосударственных законов, в принципе, должны давать суды государственных участников, если только такая оценка и такое толкование не являются явно произвольными и не представляют собой отказа в правосудии»⁵. За неимением какой-либо соответствующей информации или документации, которая позволила бы Комитету установить, свойственны ли были такие недостатки процедуре, вследствие которой автор был лишен свободы, а также последующему судопроизводству, Комитет признал, что эта часть сообщения является неприемлемой по смыслу статьи 2 Факультативного протокола.

Таким образом, в данном деле, как и в деле *Бандажевский против Беларуси*, Комитет продемонстрировал, что оценка законности задержания и заключения под стражу может им производиться лишь в крайних случаях.

Вместе с тем положение пункта 1 статьи 9 Пакта содержит прямое указание: «Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые *установлены законом* (выделено мной. — Н.М.)». Европейский суд по правам человека, рассматривая эту проблему применительно к пункту 1 статьи 5 ЕКПЧ (которая текстуально близка к пункту 1 статьи 9 Пакта) в деле *Baranowski v. Poland*, пришел к выводу: «Выражения “законный” и “в порядке, установленном законом” в параграфе 1 статьи 5 преимущественно относятся к национальному законодательству и устанавливают обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы. Хотя в целом толкование и применение внутригосударственных законов — это, прежде всего, задача национальных органов власти, в частности судов, дело об-

⁵ См., в частности: Сообщение № 541/1993 *Эррол Симс против Ямайки*, решение о неприемлемости от 3 апреля 1995 г., пункт 6.3.

стоит иначе в случаях, когда в соответствии с параграфом 1 статьи 5 несоблюдение этих законов влечет за собой нарушение Конвенции. В этих случаях Суд может и должен использовать определенные полномочия для проверки соблюдения национального законодательства».

Поэтому представляется, что и рассмотренная позиция Комитета все же не является препятствием к подаче сообщения, в котором по конкретному факту было бы приведено обоснование того, что осуществленная государственным органом процедура заключения под стражу не соответствует внутреннему закону, либо ставился вопрос о том, что сам закон, на основании которого производится такое заключение, не соответствует принципам Пакта, что является нарушением пункта 1 статьи 9 Пакта.

1.3. Необоснованность задержания и заключения под стражу как элемент понятия произвольности по пункту 1 статьи 9

Маринич против Беларуси

Михаил Маринич, занимавший ранее высокие посты в системе государственной службы⁶ и участвовавший в качестве кандидата в президентских выборах в Беларуси в 2001 г., был задержан в Минске 24 апреля 2004 г. В период предварительного расследования возбужденного против него уголовного дела он провел 8 месяцев под стражей в следственном изоляторе КГБ, был осужден к пяти с половиной годам лишения свободы.

Автор сообщения в Комитет по правам человека заявлял о нарушении статьи 9 Пакта, ссылаясь на незаконность выдвинутых против него обвинений, избранной меры пресечения и неоднократное продление срока содержания под стражей. В обоснование этого он утверждал, что:

- он был доставлен в КГБ без санкции прокурора или какого-либо другого компетентного органа. В течение пяти дней ему не предъявлялось никаких обвинений;
- в решении об избрании меры пресечения не были учтены обстоятельства дела, тяжесть предъявляемых обвинений, его заслуги перед обществом и государством, состояние его здоровья, а также обращения широкой общественности;
- предварительное расследование длилось 8 месяцев, которые он провел в следственном изоляторе КГБ. В течение этого времени ему предъявлялись различные сфабрикованные обвинения с целью продления срока содержания под стражей;

⁶ Занимал должность мэра г. Минска, был депутатом парламента, министром внешних экономических связей и послом Беларуси в нескольких европейских государствах.

– уголовное дело, приведшее к его осуждению, было возбуждено 23 сентября 2004 г., через пять месяцев после его задержания.

Комитет принял во внимание эти утверждения, а также то, что государство не оспорило их, а лишь заявило об отсутствии нарушений прав обвиняемого и оснований к прекращению производства по делу.

На базе этой информации Комитет пришел к выводу о нарушении статьи 9 Пакта, обосновав свое решение следующим образом: «История разработки пункта 1 статьи 9 подтверждает, что понятие “произвольности” не должно приравняться к “противозаконности”, а должно толковаться более широко, с тем чтобы включать элементы неприемлемости, несправедливости и непредсказуемости. В частности, это означает, что содержание под стражей после ареста должно быть не только законным, но и обоснованным во всех обстоятельствах. Кроме того, содержание под стражей должно быть необходимым во всех обстоятельствах, например, для того, чтобы не допустить побег, препятствование сбору доказательств или повторение преступления. Государство-участник не продемонстрировало наличие этих факторов в настоящем деле»⁷.

Таким образом, сравнивая выводы КПЧ по данному делу и по указанным выше делам, можно заключить, что для Комитета более понятными и осязаемыми, нежели споры о нарушении внутреннего законодательства, являются аргументы о необоснованности ареста и заключения под стражу, тем более когда факты говорят сами за себя, как в этом деле.

Представляется, что использование логики, выраженной Комитетом в соображениях по данному делу, может существенно укрепить доводы стороны защиты при обжаловании задержания и заключения под стражу во внутренней правовой системе, а в последующем – привести к успешному разрешению жалобы, поданной в КПЧ.

1.4. Длительность содержания под стражей до суда

В деле *Сманцер против Беларуси* автор сообщения заявлял, что в нарушение пунктов 1, 2 и 3 статьи 9 Пакта он не был доставлен к судье в течение более восьми месяцев со дня своего фактического ареста до дня передачи его дела в суд. На этот аргумент следует обратить внимание, так как он будет являться актуальным для всех белорусских дел, где заключение под стражу применено до суда по решению лица, не обладающего судебными полномочиями. Следовательно, до момента первого судебного заседания по делу во всех таких случаях будет нарушаться стандарт «каждое арестованное или задержанное по уголовному обви-

⁷ См.: Сообщение № 305/1988 *Альфен против Нидерландов*, соображения приняты 23 июля 1990 г., пункт 5.8.

нению лицо в срочном порядке доставляется к судье», установленный пунктом 3 статьи 9 Пакта.

Кроме того, указанная норма содержит правило: «каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение», что означает действительно скорое разбирательство дела в том случае, если обвиняемый находится под стражей. В ином случае, по общему правилу, должно следовать освобождение до суда, которое в соответствии с положением пункта 3 статьи 9 «может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора».

Исходя именно из такого толкования данной нормы, Комитет пришел к следующему выводу по рассматриваемому делу: «С 3 декабря 2002 г., когда автор был арестован, до его первого осуждения 12 января 2004 г. прошло 13 месяцев. Всего автор содержался под стражей в течение 22 месяцев, прежде чем он был осужден 1 октября 2004 г., и ходатайства его защитника об освобождении под залог неоднократно отклонялись прокуратурой и судами. В этой связи Комитет подтверждает свою практику, в соответствии с которой содержание под стражей до суда должно оставаться исключением, а освобождение на поруки должно предоставляться, за исключением тех ситуаций, когда существует вероятность того, что обвиняемый может скрыться от правосудия или фальсифицировать доказательства, оказать влияние на свидетелей или скрыться за пределы юрисдикции государства-участника⁸. Государство-участник утверждало, что автор был обвинен в совершении особо тяжкого преступления и что существовало опасение, что он может помешать проведению расследования и скрыться от правосудия в случае освобождения под залог. Однако оно не представило никакой информации о том, на каких конкретных элементах было основано это опасение и почему данный вопрос не мог быть решен посредством определения соответствующей величины залога и других условий освобождения. Простое предположение государства-участника, в соответствии с которым автор мог бы помешать проведению расследований или скрыться от правосудия в случае освобождения под залог, не оправдывает исключения из правила, закрепленного в пункте 3 статьи 9 Пакта. В этих обстоятельствах Комитет приходит к выводу о том, что право автора по пункту 3 статьи 9 было нарушено».

Анализ данных соображений КПЧ, а также соображений по делу *Маринич против Беларуси* приводит к выводам:

⁸ Сообщение № 526/1993 *Хилл против Испании*, соображения приняты 2 апреля 1997 г., пункт 12.3.

– большую роль в рассмотрении комитетом вопросов о произвольности задержания и содержания под стражей имеет то, насколько настойчиво прилагались усилия, направленные на защиту права, на национальном уровне. Предпринятые во внутренней системе меры – судебное обжалование заключения под стражу, ходатайства об освобождении под залог, обращения представителей общественности, – даже если они не увенчались успехом, наглядно демонстрируют позиции индивида и государства, которые принимаются во внимание при последующем рассмотрении дела Комитетом по правам человека;

– бремя доказывания того, что содержание под стражей было *необходимо* в интересах расследования и правосудия и что иные меры для этого были бы неэффективными, ложится на государство, причем аргументы государства должны быть *конкретными*;

– для Комитета не имеет решающего значения тяжесть предъявленного обвинения.

1.5. Является ли прокурор лицом, наделенным судебной властью?

По делам *Бандажевский против Беларуси* и *Сманцер против Беларуси* Комитет рассмотрел проблему применения заключения под стражу по решению органа расследования с санкции прокурора. Подобная практика для Беларуси является законной, однако все же вызывает вопросы с точки зрения соблюдения государством обязательств по пункту 3 статьи 9 Пакта, согласно которому «каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть».

В связи с этим КПЧ напомнил свою предыдущую практику: «Неотъемлемым свойством надлежащего осуществления судебных полномочий является то, что они должны осуществляться органом, *являющимся независимым, объективным и беспристрастным по отношению к рассматриваемым вопросам*. Комитет также считает, что с правовой точки зрения *государственный прокурор не может считаться объективным и беспристрастным лицом и рассматриваться в качестве “должностного лица, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть”*⁹ по смыслу пункта 3 статьи 9». С учетом этих обстоятельств Комитет пришел к выводу, что права автора в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта были нарушены.

Тем самым Комитет признал то, что порядок заключения под стражу и продления сроков содержания под стражей, установленный внутренним

⁹ См.: *Куломин против Венгрии*, сообщение № 521/1992, соображения, принятые 22 марта 1996 г., пункт 11.3.

законодательством Беларуси, является несовместимым с условиями Пакта. В указанных делах Комитет рассмотрел данный вопрос даже независимо от того, что авторы сообщений непосредственно не указывали на такое нарушение. Но эти выводы Комитета являются прецедентом для всех подобных дел в отношении Беларуси, где до настоящего времени сохраняется внесудебный порядок применения заключения под стражу по решению должностных лиц, не обладающих судебными полномочиями (с 2010 г. круг этих лиц не ограничивается прокурорами, а, напротив, значительно расширен).

2. Рассмотрение Комитетом по правам человека заявлений о применении пыток, жестокого, бесчеловечного обращения и нарушений права на гуманное обращение в условиях лишения свободы

Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

Статья 10 Международного пакта о гражданских и политических правах:

«1. Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

2. а) Обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осуждённых, и им предоставляется отдельный режим, отвечающий их статусу неосуждённых лиц;

б) обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения.

3. Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключённых, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. Несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних, и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу».

2.1. Вопросы доказывания и предоставления информации в адрес Комитета

По делу *Сманцер против Беларуси* автор сообщения заявлял, что он был лишен пищи и воды в течение первых 24 часов своего содержания под стражей в нарушение статьи 7 и пункта 1 статьи 10.

В отношении данных утверждений Комитет отметил, что автор не представил по этому поводу каких-либо дополнительных доказательств, и принял к сведению тот факт, что государство-участник не рассматри-

вает это обвинение. В то же время КПЧ отмечает, что *утверждение автора сформулировано лишь в самых общих выражениях*. В этих обстоятельствах Комитет считает, что данная часть сообщения была *недостаточно обоснована для целей приемлемости*, и поэтому признает ее неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

В деле *Бандажевский против Беларуси* автор утверждал, что условия его содержания под стражей до суда были «идентичны условиям, в которых содержались осужденные лица». Даже с учетом того, что государство-участник не представило комментариев в этом отношении, Комитет отметил, что это *утверждение автора носит расплывчатый и общий характер*. В соответствии с этим и в связи с отсутствием какой-либо другой соответствующей информации Комитет пришел к выводу, что факты, которыми он располагает, не свидетельствуют о нарушении прав автора в соответствии с пунктом 2 статьи 10.

Автор данного сообщения также заявлял об отсутствии надлежащей медицинской помощи и непредоставлении ему надлежащего лечения во время содержания под стражей, что, по его мнению, говорит о нарушении пункта 1 статьи 10 Пакта. Комитет принял к сведению, что государство, в свою очередь, представило подробную информацию о видах лечения, диспансерных обследованиях и случаях госпитализации, которые автор получал или которым подвергался в период содержания под стражей. Государство-участник утверждало также, что ни автор, ни его родственники, ни его адвокат не обращались с жалобами в компетентные органы власти или в суд по этим вопросам, что не отрицалось и самим автором. С учетом этих обстоятельств Комитет сделал вывод об отсутствии нарушения пункта 1 статьи 10.

В то же время Комитет усмотрел нарушение указанной нормы в том, что, как заявлял автор, условия его содержания под стражей в Гомельском специальном приемнике-распределителе, где он находился с 13 июля 1999 г. по 6 августа 1999 г., не соответствовали требованиям длительного содержания под стражей: в спецприемнике отсутствовали кровати; автор вообще не имел предметов личной гигиены или надлежащих индивидуальных средств. Государство не опровергло данных утверждений, и с учетом этого Комитет признал важность указанных обстоятельств и пришел к выводу о нарушении права.

В деле *Маринич против Беларуси* автор подробно описал условия содержания в следственном изоляторе, где он провел 8 месяцев (площадь камеры, количество содержащихся в ней человек, вентиляцию, освещение, питание) и результаты медицинских обследований, констатирующих ухудшение состояния его здоровья за этот период. Кроме того, автором детально изложены обстоятельства его транспортировки в колонию, включая факт лишения его в этот период необходимых лекарств.

Автор сообщил также о том, что в колониях, где он отбывал наказание, ему не оказывалась необходимая медицинская помощь, что он перенес инсульт, своевременное лечение которого не производилось, что в последующем автору была присвоена вторая группа инвалидности. Комитету были представлены медицинские документы в подтверждение этих доводов. В сообщении указаны те меры, которые были предприняты с целью привлечения внимания государственных органов к указанным проблемам: ходатайства и жалобы в прокуратуру, обращение Рабочей группы по произвольным задержаниям Комиссии по правам человека ООН с просьбой о посещении его в месте предварительного заключения, общественная кампания за освобождение М. Маринича, призывы представителей международных организаций о прекращении его преследования.

В отношении данной части сообщения Комитет указал, что *«государства-участники обязаны соблюдать определенные минимальные стандарты обращения с заключенными, включая оказание медицинской помощи и обеспечение ухода больным заключенным, что предусмотрено правилом 22 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Из информации, представленной автором, равно как и из медицинских заключений, со всей очевидностью следует, что автор испытывал боль и что он не мог добиться от администрации исправительного учреждения предоставления ему необходимых медикаментов и надлежащей медицинской помощи. Поскольку автор пробыл в тюрьме более года после инсульта и испытывал серьезные проблемы со здоровьем, в отсутствие какой-либо иной информации Комитет постановляет, что он является жертвой нарушения статьи 7 и пункта 1 статьи 10 Пакта».*

Таким образом, на основе анализа представленных дел можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, утверждения о применении пыток, жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, негуманного содержания в местах лишения свободы должны быть обоснованы указанием на конкретные факты и подробно описаны. Только в случае предоставления полной информации Комитет может рассмотреть вопрос по существу. Недостаточно просто указать на факт плохого обращения.

Во-вторых, для Комитета большую убеждающую роль имеет документальное подтверждение указанных в сообщении фактов, которое может быть представлено в форме не только медицинских заключений, но и ходатайств, жалоб и обращений в адрес органов расследования и исполнения наказания, а также ответов государственных органов. В этом ключе особенно заметно значение мер, предпринятых для защиты нарушенного права на национальном уровне. Кроме того, если такие шаги

со стороны индивида делались регулярно и настойчиво, но не нашли отклика у государства, последнее будет существенно ограничено в возможности оспорить утверждения автора при его обращении в КПЧ.

2.2. Рассмотрение заявлений о применении пыток и негуманном обращении в связи с ведением уголовного процесса

Кореба против Беларуси¹⁰

Автором сообщения является Анна Кореба, мать 17-летнего Дмитрия Коребы, который был задержан в сентябре 2001 г. в городе Гомеле по подозрению в совершении умышленного убийства и 5 апреля 2002 г. приговорен к 12 годам лишения свободы. В жалобе в Комитет автор указывала на применение в процессе предварительного расследования угроз и насилия в отношении ее сына с целью получения от него признательных показаний, нарушения прав несовершеннолетнего, несправедливость судебного процесса. Хотя автор не утверждала о нарушении каких-либо конкретных положений Пакта, Комитет рассматривал ее сообщение по пункту 3 статьи 2, статье 7, пункту 2 (b) статьи 10, пунктам 2, 3 (e), 3 (g) и 4 статьи 14 Пакта.

Автор подробно описала известные ей факты ненадлежащего обращения и применения непроцессуальных мер воздействия в отношении ее задержанного сына в начальном периоде предварительного расследования: содержание его в течение суток не в изоляторе временного содержания, а в дежурной части милиции, допросы ночью в отсутствие адвоката и законного представителя, принуждение к употреблению спиртного во время допросов, побои, психологическое насилие, в результате которых Дмитрий Кореба дал признательные показания. Несмотря на то что в дальнейшем он отказался от этих показаний в присутствии законного представителя и защитника, судом они были признаны в качестве доказательства. При этом суд расценил жалобы на жестокое обращение как необоснованные.

Рассмотрев данные заявления, Комитет напомнил, что «в случае подачи жалобы в отношении обращения, противоречащего положениям статьи 7, государство-участник обязано провести быстрое и беспристрастное расследование по этой жалобе»¹¹. Кроме того, Комитет ссылается на свою практику, в соответствии с которой «форму-

¹⁰ Сообщение № 1390/2005 *Кореба против Беларуси*, соображения приняты 25 октября 2010 года.

¹¹ См., например: Сообщение № 781/1997 *Алиев против Украины*, соображения, принятые 7 августа 2003 г., пункт 7.2. См. также: Замечание общего порядка № 20 Комитета по правам человека, статья 7 (Запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания), 1992 год (HRI/GEN/1/Rev.8), пункт 14.

лировку подпункта (g) пункта 3 статьи 14 о том, что *никто не должен “быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным”*, необходимо толковать в смысле отсутствия какого-либо прямого или косвенного физического или психологического принуждения со стороны следственных органов по отношению к обвиняемому с целью получения признания виновности¹². В случаях принудительных признаний бремя доказывания того, что показания обвиняемых были даны ими по собственной доброй воле, ложится на государство¹³. Комитет посчитал, что государство не представило достаточной информации о принятых соответствующими органами мерах по расследованию утверждений сына автора. На основании этого Комитет пришел к выводу о нарушении пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7 и пунктом 3 (g) статьи 14 Пакта.

Таким образом, в данном деле продемонстрировано, что нарушением статьи 7 Пакта может быть признан не только сам факт жестокого обращения, но и отсутствие надлежащего расследования по заявлению о применении такого обращения. При этом необходимо помнить, что в процессе защиты во внутренней правовой системе об этом обращении должно быть *заявлено* в компетентные органы, а в случае, когда пытки или жестокое обращение применялись для получения признательных показаний, – суду в процессе рассмотрения дела, где эти показания фигурируют. Тогда, даже при невозможности получить и представить в Комитет объективные данные о применении обращения, противоречащего статье 7 Пакта, сами жалобы в государственные органы будут являться источником информации для КПЧ и сделают утверждения автора обоснованными. Признание же Комитетом факта нарушения статьи 7 и получения в результате такого нарушения признательных показаний может повлечь вывод Комитета о нарушении права на справедливый суд в том случае, если национальные суды принимают такие показания в качестве доказательств. В случае установления таких нарушений рекомендации Комитета государству в пользу жертвы приобретают совершенно конкретную и жесткую форму.

Так, в заключительной части соображений по делу *Кореба против Беларуси* КПЧ указал, что «государство обязано предоставить жертве нарушения прав надлежащие *средства правовой защиты, включая возбуждение и проведение уголовных процедур для установления лиц, ви-*

¹² Сообщение № 330/1988 *Берри против Ямайки*, соображения, принятые 4 июля 1994 г., пункт 11.7; Сообщение № 1033/2001 *Сингараса против Шри-Ланки*, соображения, принятые 21 июля 2004 г., пункт 7.4; Сообщение № 912/2000 *Деоллал против Гайаны*, соображения, принятые 1 ноября 2004 г., пункт 5.1.

¹³ См.: Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 32: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство (статья 14), документ ООН CCPR/C/GC/32 (2007 год), пункт 41.

новых в жестоком обращении с ним, а также принять меры по его освобождению и обеспечению надлежащей компенсации».

В сообщении по данному делу автор также заявляла, что ее несовершеннолетний сын содержался в течение 11 суток в ИВС вместе со взрослыми, некоторые из которых совершили тяжкие преступления, а также допрашивался в отсутствие его адвоката, законного представителя или социального работника. Государство никак не прокомментировало эти утверждения.

Комитет напомнил, что *«обвиняемые несовершеннолетние лица должны содержаться отдельно от взрослых и пользоваться, по крайней мере, теми же гарантиями и защитой, которые предоставляются взрослым в соответствии со статьей 14 Пакта¹⁴»*. Кроме того, в уголовном судопроизводстве несовершеннолетние нуждаются в специальной защите, в частности, они должны быть прямо информированы о предъявляемых им обвинениях и в соответствующих случаях через родителей или законных опекунов пользоваться необходимой помощью при подготовке и представлении своей защиты. Поскольку в данном деле сын автора не был отделен от взрослых и не имел возможности воспользоваться специальными гарантиями, предписываемыми в отношении уголовного расследования по делам несовершеннолетних», Комитет заключил, что его права в соответствии с пунктом 2 (b) статьи 10 и пунктом 4 статьи 14 Пакта были нарушены.

3. Вопросы статьи 14 Пакта – право на справедливый суд

3.1. Сфера действия статьи 14

Распространение сферы действия статьи 14
на административный процесс

Осиюк против Беларуси¹⁵

Иван Осиюк, пенсионер, проживающий в своей родной деревне Борисовка (Беларусь), которая находится приблизительно в одном километре от деревни Годынь (Украина), в июне 2003 г., возвращаясь из Украины по лесной дороге на личном автомобиле, пересек государственную границу, минуя пункт пропуска. В связи с этим он был задержан сотрудниками пограничных органов Беларуси. Впоследствии судом Кобринского района признан виновным в совершении административного правонарушения – незаконном пересечении Государственной границы

¹⁴ См. Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 32, пункты 42–44.

¹⁵ Сообщение № 1311/2004 *Осиюк против Беларуси*, соображения приняты 30 июля 2009 года.

Республики Беларусь (статья 184-3 Кодекса об административных правонарушениях 1984 г.), за что ему был назначен штраф 14 000 рублей. Суд Московского района города Бреста установил, что он также совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 193-6 Кодекса об административных правонарушениях, переместив автотранспортное средство через таможенную границу Республики Беларусь в обход таможенного контроля, и назначил ему штраф в размере 700 000 рублей с конфискацией автомобиля.

Автор сообщения в Комитет утверждал, что Беларусь нарушила его права, предусмотренные статьей 14 Пакта.

Пункт 1 статьи 14 Пакта определяет сферу отношений, на которые она распространяется, указывая, что «каждый имеет право при рассмотрении любого *уголовного обвинения*, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо *гражданском процессе* (выделено мной. — Н.М.) на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Несмотря на то что государство не оспаривало право автора на рассмотрение его сообщения, касающегося административного процесса, при решении вопроса о приемлемости сообщения Комитет по правам человека поставил задачу определить, применима ли статья 14 Пакта к настоящему сообщению, т.е. касаются ли санкции по делу автора, связанному с незаконным пересечением государственной границы и с перемещением транспортных средств через таможенную границу, «любого уголовного обвинения» по смыслу Пакта.

В связи с этим Комитет указал, что «в принципе уголовные обвинения предъявляются в случае деяний, признанных наказуемыми по внутреннему уголовному праву. Вместе с тем это понятие может также распространяться на *деяния, являющиеся уголовными по своему характеру, предполагающие санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости*. В связи с этим Комитет отмечает, что понятие “*уголовное обвинение*” имеет автономное значение независимо от классификаций, используемых в национальной правовой системе государств-участников, и должно толковаться по смыслу Пакта».

Комитет отметил, что нормы права, нарушенные автором, имеют общий характер, т.е. предписывают определенное поведение для каждого (а не для какой-либо группы с особым статусом), а также предусматривают за нарушение установленного требования применение санкции карательного характера. И это, по мнению Комитета, является достаточным для признания того, что данные правонарушения по смыслу

статьи 14 Пакта являются по своей природе уголовными. Исходя из этого, Комитет объявил сообщение приемлемым *ratione materiae* «в той мере, в какой разбирательство по делу, связанному с перемещением транспортных средств через таможенную границу, подпадает под сферу охвата понятия “рассмотрение... уголовного обвинения” по смыслу пункта 1 статьи 14 Пакта».

Рассмотренная правовая позиция Комитета позволяет сделать общий вывод: статья 14 Пакта может распространяться не только на правоотношения, связанные с уголовным процессом, но и на административный процесс в зависимости от того, применяются ли в этом процессе общие для всех нормы поведения и какова строгость санкций за нарушение данных норм.

Вопросы вмешательства в частную жизнь в уголовном процессе

В деле *Маринич против Беларуси* автор сообщения, среди прочего, заявлял о нарушении государством статьи 17 Пакта (право на неприкосновенность частной и семейной жизни, жилища, тайны корреспонденции, чести и достоинства). Это утверждение он обосновывал тем, что, несмотря на его изначальный статус свидетеля (а не обвиняемого) в уголовном процессе, незаконно проводились обыски в его доме и доме его родственников, досмотр его личных вещей, прослушивание телефона, слежка за его машиной и конфискация его денег и документов.

В этой связи Комитет определил, что данные утверждения следует рассматривать во взаимосвязи с утверждениями автора в рамках статьи 14, поскольку они касаются уголовного дела, возбужденного в отношении него.

То есть Комитет, не разделяя периоды различного статуса автора в уголовном процессе (свидетель – обвиняемый), распространил действие статьи 14 на вопросы статьи 17 на основании того, что ограничения по статье 17 Пакта были связаны с уголовным процессом в отношении автора. В итоге данные факты наряду с другими были признаны нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта.

3.2. Независимость суда

В деле *Бандажевский против Беларуси* впервые из всех белорусских дел, рассмотренных Комитетом, был поставлен вопрос о том, можно ли по конкретному сообщению признать отсутствие общей институциональной независимости судов Беларуси нарушением права на рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

В сообщении автор утверждал, что вопреки статье 14 Пакта суды в Беларуси не являются независимыми, поскольку президент республики об-

ладает единоличной властью назначать и отстранять от должности судей; перед своим официальным назначением судьи проходят испытательный период, во время которого у них нет никаких гарантий того, что они будут в конечном итоге назначены. Автор ссылался на то, что отсутствие независимости судей в Беларуси подтверждает доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека (июнь 2000 г.).

Государство никак не прокомментировало это утверждение. Однако Комитет пришел к выводу, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении положений пункта 1 статьи 14, поскольку от автора не была получена информация «в отношении того, что *он лично пострадал в связи с отсутствием, как утверждается, независимости судов, в которых рассматривалось его дело*».

Соображения по данному делу были приняты Комитетом 28 марта 2006 г. Но и в более поздних делах, к примеру в соображениях от 26 октября 2011 г. по делу *Гриб против Беларуси*¹⁶ и от 19 июля 2012 г. по делу *Левинов против Беларуси*¹⁷, Комитет подтвердил свою правовую позицию, указав, что обобщенное утверждение об отсутствии независимости судебной системы государства-участника является недостаточно обоснованным для целей приемлемости сообщения.

Тем самым практикой Комитета по правам человека принят подход, согласно которому заявления об отсутствии независимости суда должны быть обоснованы конкретными фактами, демонстрирующими, каким образом суд проявил отсутствие своей независимости в данном конкретном деле.

3.3. Возможно ли обжалование в Комитет выводов национальных судов относительно виновности?

Во многих сообщениях, в частности по делам *Бандажевский против Беларуси*, *Сманцер против Беларуси*, авторы поднимали вопросы о том, что в суде не была доказана их вина, что судебное разбирательство было пристрастным и неполным, что суд рассматривал только доводы обвинения, отклонял ходатайства защиты, уклонялся от оценки доказательств, не ответил на поставленные перед ним вопросы и т.п.

В таких случаях Комитет неизменно отмечает, что подобные утверждения относятся главным образом к оценке фактов и доказательств, и ссылается на свою правовую практику, согласно которой «*оценку фактов и доказательств по каждому делу проводят, как правило,*

¹⁶ Сообщение № 1316/2004 *Гриб против Беларуси*, соображения приняты 26 октября 2011 года.

¹⁷ Сообщение № 1812/2008, *Левинов против Беларуси*, соображения приняты 19 июля 2012 года.

суды государств-участников Пакта, за исключением случаев, когда подтверждается явно произвольный характер этих действий или являются случаи отказа в правосудии»¹⁸.

В данном смысле некоторое исключение представляют соображения Комитета по делу *Кореба против Беларуси*.

Автор сообщения утверждала, что суд над ее сыном был несправедливым и что его вина не была установлена. На это Комитет также ответил изложением указанного выше правового подхода. Однако в этом деле Комитет пришел к выводу о том, что в отношении сына автора не был соблюден принцип презумпции невиновности в нарушение пункта 2 статьи 14 Пакта.

КПЧ не разъясняет в своих соображениях, в чем именно состоит нарушение данного принципа. Но, учитывая содержание пункта 2 статьи 14 Пакта, «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону», можно с уверенностью предположить, что Комитет посчитал вину сына автора недоказанной *согласно закону* (то есть в законном порядке, с соблюдением правил процедуры по смыслу статьи 14 Пакта).

Важно уяснить, что же привело Комитет к такому выводу. Из анализа решения КПЧ можно сделать следующие выводы: во-первых, в соображениях отмечено, что автор указывает на многие обстоятельства, которые, как она утверждает, демонстрируют нарушение в отношении ее сына принципа презумпции невиновности. И действительно, в тексте соображений подробно изложены конкретные доводы автора против законности и обоснованности приговора суда. Кроме того, Комитет указывает на отсутствие внятного ответа государства-участника по конкретным утверждениям автора. И, наконец, по данному делу Комитетом признаны иные нарушения статьи 14:

- нарушение пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 7 и пунктом 3 (g) статьи 14 Пакта, а именно: невыполнение государством обязанности провести надлежащее расследование по заявлению о принуждении к даче признательных показаний посредством пыток и жестокого обращения;

- нарушение прав по пункту 2 (b) статьи 10 и пункту 4 статьи 14 Пакта, состоящее в том, что не были соблюдены гарантии для несовершеннолетних при содержании под стражей и в уголовном процессе;

- нарушение пункта 3 (e) статьи 14 (равенства состязательных возможностей), выразившееся в том, что в судебном заседании был допрошен тайный осведомитель М.Т. и этот допрос проводился в отсутствие обвиняемого, который был лишен возможности задать свидетелю вопросы,

¹⁸ См., в частности: Сообщение № 541/1993 *Эррол Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 г., пункт 6.2.

при этом государство не предоставило информации о причинах данного ограничения права.

Таким образом, обозначенные дела с наглядностью демонстрируют, что, по общему правилу, достаточно бесперспективной является постановка перед Комитетом по правам человека вопроса о несправедливости судебного разбирательства по причине того, что вина в его результате была не доказана. Однако видится, что разумные шансы на успех имеют заявления о недостатках *процедуры* судебного разбирательства с точки зрения гарантий статьи 14 в ракурсе нарушений права на защиту, принципа состязательности сторон (например, при доказанном неравнозначном подходе суда к правам обвинения и защиты при предоставлении доказательств), а также презумпции невиновности (в случае использования для осуждения явно недопустимых доказательств).

По поводу использования аргумента о недопустимости доказательств интересным представляется толкование, которое дает Европейский суд по правам человека пункту 2 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека (норме, аналогичной пункту 2 статьи 14 Пакта). Суд рассматривает положение «*пока виновность не будет доказана согласно закону*» в том значении, что *обвинение не должно базироваться на незаконно полученных доказательствах*¹⁹.

3.4. Обеспечение гласности судебного разбирательства

Вопрос обязанности государства обеспечить публичное разбирательство дела в соответствии с нормой пункта 1 статьи 14 рассматривался Комитетом по правам человека в деле *Маринич против Беларуси*.

Автор сообщил, что, несмотря на то что слушания по его уголовному делу были объявлены открытыми, в зал судебных заседаний не были допущены представители политических партий и НПО. Здание суда было оцеплено полицией, преграждавшей доступ к нему. Автор также отметил, что в здании постоянно присутствовали сотрудники КГБ, которые во время перерывов беседовали с судьей без свидетелей. Двое из них вели запись процесса. Слушания проводились в небольшом зале, вмещающем только 12 человек. Журналистам, которым по настоянию защиты и родственников позволили присутствовать в зале суда, было запрещено производить запись слушания.

Комитет принял во внимание эти заявления, а также то, что государство в данной части ограничилось утверждением, что судебное разбирательство было открытым для общества и проходило в соответствии

¹⁹ Решения Европейского суда по правам человека: *Van Mechelen and Others v. the Netherlands*, 23 April 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-III; *Khan v. the United Kingdom*, № 35394/97, ECHR 2000-V; *Bykov v. Russia* [GC], № 4378/02, 10 March 2009, и *Lisica v. Croatia*, № 20100/06, 25 February 2010.

с уголовно-процессуальным законодательством. Комитет напомнил о своей практике, «согласно которой суд должен обеспечить адекватные условия для участия в процессе заинтересованных представителей общественности в разумных пределах, учитывая, в частности, потенциальный общественный интерес к данному делу, продолжительность устного слушания и дату представления официального запроса о проведении публичного разбирательства»²⁰. Комитет также отметил, что «государство-участник не представило каких-либо замечаний по поводу мер, принятых с целью размещения в зале суда заинтересованных представителей общественности, принимая во внимание роль автора как общественного деятеля». На этом основании Комитет постановил, что эти факты составляют нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта.

3.5. Позиция государственных СМИ по отношению к уголовному процессу и презумпция невиновности

В сообщении по делу *Маринич против Беларуси* автор заявлял, что после задержания его допрашивали в ночное время суток без адвоката. Допрос снимался скрытой видеокамерой. Впоследствии эпизоды допроса транслировались на одном из белорусских телеканалов, сопровождаясь при этом ложными и унижительными комментариями в отношении автора. Он утверждал, что контролируемое государством белорусское телевидение выпустило в эфир искаженную информацию еще до завершения расследования, чем была нарушена презумпция невиновности в отношении него.

Учитывая, что государство не оспорило эти доводы, Комитет напомнил о том, что право обвиняемого считаться невиновным, пока его вина не будет доказана компетентным судом, гарантируется Пактом. Комитет пришел к следующему выводу: *«Тот факт, что в контексте этого дела государственные средства массовой информации выставили автора виновным до завершения процесса, сам по себе является нарушением пункта 2 статьи 14 Пакта»*.

Впоследствии правило о том, что «средствам массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, что это подрывало бы презумпцию невиновности», было сформулировано Комитетом в качестве общей практики в **Замечании общего порядка № 32 «Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство»**.

²⁰ Сообщение № 215/1986 *Ван Мерс против Нидерландов*, соображения приняты 13 июля 1990 г., пункт 6.2.

3.6. О праве обвиняемого быть судимым в его присутствии, защищать себя лично и опрашивать свидетелей

В соответствии со статьей 14 Пакта каждый имеет право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником (пункт 3(b)), быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство защитника (пункт 3(d)), опрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него (пункт 3(e)).

Вопрос о нарушении данного права стал ключевым при рассмотрении дела *Осиук против Беларуси*.

Заявления автора заключались в следующем: он получил повестку о явке в судебное заседание, в котором должно было рассматриваться обвинение его в незаконном перемещении автомобиля через государственную границу и вопрос конфискации автомобиля. Однако по его заявлению об отсутствии беспристрастности судьи, назначенного рассматривать данное дело, последний был заменен другим судьей, а автор не был уведомлен о дате проведения нового слушания, несмотря на поддержание им регулярных контактов с канцелярией суда. В результате решение суда о назначении ему штрафа и конфискации автомобиля было принято в его отсутствие. При этом он предпринял меры для того, чтобы многочисленные свидетели из его деревни Борисовка дали свидетельские показания в его пользу, в частности относительно того, что никто не знает, где проходит государственная граница между Беларусью и Украиной, и не слышал о каких-либо правилах пересечения границы; однако эти свидетели, как и автор, так и не были заслушаны в ходе разбирательства. Эти утверждения не были оспорены государством.

При разрешении дела Комитет сослался на свою практику, в соответствии с которой «эффективное осуществление прав, предусмотренных статьей 14, предполагает принятие необходимых мер для уведомления обвиняемого о предъявляемых ему обвинениях и о назначенном разбирательстве²¹. В случае заочного судебного разбирательства требуется, чтобы независимо от отсутствия обвиняемого лица были приняты все необходимые меры для информирования его или его семьи о дате и месте проведения суда по его делу и для его вызова в суд».

Комитет отметил: в результате того, что автор не был уведомлен о дате рассмотрения дела, ни он сам, ни его свидетели так и не были заслушаны в суде. В связи с этими обстоятельствами Комитет пришел к заключению, что «государство-участник не предприняло достаточных

²¹ Замечание общего порядка № 32, см. примечание 6 выше, пункт 31.

усилий для уведомления автора о предстоящем судебном разбирательстве и тем самым воспрепятствовало подготовке им своей защиты и его участию в разбирательстве. Поэтому, по мнению Комитета, государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктами 3 (b), (d) и (e) статьи 14 Пакта».

3.7. Право на обжалование приговора

Пункт 4 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону».

В деле *Бандажевский против Беларуси* автор заявлял, что приговор, вынесенный Верховным Судом Беларуси в отношении него, не подлежал обжалованию и вступил в силу сразу после его вынесения. Государство утверждало, что дело было проверено в надзорном порядке Верховным Судом и что если бы Верховный Суд установил факт нарушения закона, то приговор был бы отменен.

По данному вопросу Комитет отметил, что «в тексте приговора указано, что он не подлежит пересмотру судом более высокой инстанции. Проверка судебного решения в надзорном порядке, на которую ссылается государство-участник, применяется только к уже вступившим в силу судебным решениям и поэтому представляет собой особую процедуру обжалования, которая может использоваться по усмотрению судьи или прокурора. В случае такой проверки она ограничивается только вопросами правовых норм и не допускает пересмотра фактов и доказательств. Комитет напомнил, что, даже если система апелляционного производства не может функционировать автоматически, право на апелляцию по смыслу пункта 5 статьи 14 налагает на государства-участников обязанность по существу пересматривать осуждение и приговор как с точки зрения достаточности доказательств, так и соблюдения законности»²². В связи с данными условиями Комитет считает, что пересмотр дел в надзорном порядке не может считаться «апелляционным производством» для целей пункта 5 статьи 14 и что это положение было нарушено.

Значение данного вывода Комитета заключается в том, что в нем дана не только правовая оценка конкретной ситуации – лишения Бандажевского права обжалования приговора суда, вынесенного в отношении него. Эта правовая позиция Комитета будет применима и к другим

²² См.: *Алибоев против Таджикистана*, сообщение № 985/2001, соображения, принятые 18 октября 2005 г.; *Халилов против Таджикистана*, сообщение № 973/2001, соображения, принятые 30 марта 2005 г.; *Домуковский и др. против Грузии*, сообщение № 623-627/1995, соображения, принятые 8 июля 2004 г. и *Саидова против Таджикистана*, сообщение № 964/2001, соображения, принятые 8 июля 2004 г.

делам, рассмотренным Верховным Судом Республики Беларусь по первой инстанции, поскольку действующие Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы содержат нормы о том, что приговор/решение Верховного Суда является окончательным и обжалованию в кассационном порядке не подлежит. Таким образом, как и в случае признания несовместимым с Пактом заключения под стражу по решению прокурора, а не суда, в данной ситуации Комитет фактически оценил положение внутреннего закона на предмет его соответствия стандартам Пакта. В подобных случаях, опираясь на состоявшиеся решения Комитета, представляется возможным говорить о нарушении права в результате применения закона, несовместимого с Пактом, и, обращаясь в КПЧ, имеет смысл просить у Комитета признать необходимым предоставление средства правовой защиты в виде отмены такого закона.

Таковы основные вопросы, рассмотренные Комитетом по правам человека по белорусским делам, в которых поднимались проблемы соблюдения прав человека при осуществлении государством административного и уголовного преследования.

Рассматривая, как разрешались эти вопросы Комитетом, можно проследить следующую закономерность: решение КПЧ о признании отсутствия нарушения либо нарушения права индивида зависит от полноты и грамотности аргументации автора сообщения и о тех усилиях, которые были предприняты индивидом для защиты своего права еще до обращения в КПЧ, в национальной правовой системе.

Когда эта статья была уже подготовлена, Комитет по правам человека принял соображение, которое как раз и является примером и доказательством указанного тезиса.

14 ноября 2012 г. Комитет рассмотрел сообщение 2120/2011, поданное Любовью Ковалевой и Татьяной Козяр от своего имени и имени Владислава Ковалева²³, осужденного 30 ноября 2011 г. Верховным Судом Республики Беларусь за ряд преступлений, в том числе за пособничество в совершении терроризма (взрыв в минском метро 11 апреля 2011 г.), к смертной казни и расстрелянного в марте 2012 г. Авторами сообщения были заявлены нарушения Беларусью следующих статей Пакта в отношении В. Ковалева:

- статьи 7 и пункта 3(г) статьи 14 – применение физического и психологического давления в отношении обвиняемого с целью вынудить дать признательные показания, отсутствие надлежащего расследования заявления о применении пыток;
- пункта 1 статьи 14 – отсутствие беспристрастности суда при рассмотрении уголовного дела, нарушение принципа состязательности;

²³ Сообщение № 2120/2011 *Ковалев и др. против Беларуси*, соображения приняты 29 октября 2012 года.

– пункта 2 статьи 14 – нарушение презумпции невиновности посредством заявлений о виновности Ковалева, сделанных должностными лицами и государственными СМИ до вынесения приговора суда, а также содержания в зале суда в клетке и наручниках;

– пункта 3 (b) статьи 14 – нарушение права на защиту в виде ограничения права иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, сноситься с выбранным им защитником;

– пункта 5 статьи 14 – нарушение прав на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией;

– статьи 6 – нарушение права на жизнь путем осуждения к смертной казни по окончании судебного разбирательства, проведенного с нарушением гарантий справедливого судебного разбирательства, предусмотренных статьей 14 Пакта;

– а также статьи 7 – в отношении родных осужденного, которые испытали психические страдания из-за отказа властей сообщить заранее о дате, времени и месте казни, выдать тело для погребения или сообщить о месте захоронения В. Ковалева.

Комитет рассмотрел данные заявления и признал нарушения Республикой Беларусь Пакта практически по всем заявлениям, сделанным авторами сообщения, признал обязанность государства обеспечить надлежащие средства правовой защиты, включая соответствующую компенсацию за причиненные страдания, раскрытие информации о месте захоронения В. Ковалева, предотвращение подобного рода нарушения в будущем, в том числе путем внесения изменений в законодательство. Причем это сообщение было рассмотрено в рекордный для Комитета короткий срок – 11 месяцев с момента его представления.

Без сомнения, данное дело заслуживает отдельного глубокого анализа. Сейчас же необходимо подчеркнуть, что итог его рассмотрения Комитетом явился прямым результатом стойкой позиции заявителей, направленной на защиту их прав, мужественной и профессиональной работы адвоката и правозащитников при защите жертв нарушений в национальной системе, а также исключительно компетентного подхода при представлении сообщения в международный орган и ведении коммуникаций, основанного на системной работе по изучению и использованию международной практики и, в частности, практики Комитета по сходной категории дел, рассмотренных в отношении Беларуси.

Леонид Судаленко
руководитель
Гомельского центра стратегической тяжбы

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГРАЖДАНАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРАВ НА СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И СВОБОДУ МИРНЫХ СОБРАНИЙ

В настоящей работе проанализированы практически все дела белорусских граждан, которые по состоянию на 1 октября 2012 г. были рассмотрены на международном уровне (Комитет по правам человека) и которые были связаны с реализацией гражданами Республики Беларусь прав на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний. Читателю предлагается ознакомиться с порядком рассмотрения указанных дел на национальном уровне (исчерпание всех доступных внутригосударственных средств правовой защиты), а также с процедурой рассмотрения этих дел в Комитете по правам человека.

Изучение данных дел поможет получить представление о проблемах, с которыми сталкиваются белорусские граждане при реализации своих гражданских и политических прав, гарантированных не только Конституцией Республики Беларусь, но также и международными договорами, участницей которых является наша страна. В работе показано, как и каким образом национальная правоохранительная и судебные системы понимают и применяют на практике международные обязательства своей страны; по отдельным делам излагается правовая аргументация авторов жалоб в национальной судебной системе и в последующих жалобах в Комитет по правам человека. Здесь же предлагается ознакомиться с кратким анонсом дел, рассмотренных Комитетом по правам человека, в которых затрагивались вопросы нарушения прав белорусских граждан, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах (на свободу выражения мнения (статья 19) и свободу мирных собраний (статья 21)).

Те соображения Комитета по правам человека, в которых был констатирован не только факт нарушения прав индивида, но также способы последующей реабилитации и в которых также содержатся предложения к правительству страны по изменению норм национального законодательства и практики его применения, приводятся полностью (дело № 1226/2003 *Виктор Корнеев против Беларуси*, дело № 1784/2008 *Владимир Шумилин против Беларуси*).

1. Национальный уровень

Став участником Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ратифицировав в 1992 г. Факультативный протокол о признании компетенции Комитета по правам человека, Республика Беларусь тем самым признала его компетенцию в отношении вынесения решений по факту наличия либо отсутствия того или иного нарушения Пакта по жалобам белорусских граждан. Наша страна также добровольно взяла на себя обязательство обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах ее территории и под ее юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте (статья 2).

На практике это обязательство Республики Беларусь должно означать не что иное, как принятие со стороны государства всех необходимых законодательных и иных мер, которые могут оказаться необходимыми для неукоснительного осуществления прав, признаваемых в Пакте. Республика Беларусь также обязана обеспечивать любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты. Следует также отметить, что статьей 61 Конституции Республики Беларусь каждый белорусский гражданин наделен правом в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если при этом исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Данная конституционная гарантия также накладывает на государство обязательство предпринимать активные законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми для неукоснительного осуществления прав, признаваемых в Пакте.

Анализ дел, предшествующих обращениям белорусских граждан за защитой своих прав и свобод в Комитет по правам человека, свидетельствует о том, что должностные лица правоохранительных органов, судьи белорусских судов различных инстанций повсеместно отказываются исполнять обязательства по неукоснительному обеспечению прав на свободу выражения мнения и свободу проведения мирных собраний, признаваемых статьями 19 и 21 Пакта.

Среди наиболее часто встречающихся можно выделить такие дела, когда власти запрещают проводить мирные собрания граждан, преследуют граждан в административном порядке за распространение ими информации о предстоящих несанкционированных властями мирных собраниях или за участие в несанкционированных мирных собраниях наложением крупных административных штрафов либо административных арестов. Как следствие, в Республике Беларусь в области обеспечения прав и свобод граждан сложилась уникальная ситуация, о которой речь пойдет ниже.

Например, в 2009 г. накануне очередной годовщины аварии на Чернобыльской АЭС житель г. Гомеля распространял в районном центре Наровля (Гомельская область) листовки, содержащие призывы к жителям районного центра принять участие в планируемом шествии с возложением венков к памятнику отселенным деревням в связи с аварией на ЧАЭС. А поскольку указанный гражданин не имел разрешения местных властей на проведение шествия, сотрудники милиции его задержали и обвинили в нарушении порядка организации массового мероприятия. По результату рассмотрения протокола об административном правонарушении суд Наровлянского района Гомельской области привлек жителя Гомеля к административной ответственности в виде ареста на 5 суток. Судья принял решение исключительно исходя из норм национального законодательства, не предприняв при этом ни малейшей попытки обосновать ограничение его прав допустимыми ограничениями.

В жалобах в вышестоящие судебные инстанции гражданин показал, что задержавшие его сотрудники милиции и осудивший его суд не разъяснили, почему в данном конкретном случае ограничивается его право на свободу распространения информации и свободу проведения мирного собрания. Даже если ограничения на свободу распространения информации и свободу мирного собрания установлены национальным законом (запрещено распространять любого рода информацию о предстоящем массовом мероприятии до момента получения разрешения на его проведение – статья 8 закона «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь»), задержавшие его сотрудники милиции, а равно как и суд, обязаны были обосновать, для достижения какой из законных целей, упомянутых в пункте 3 (а) или (b) статьи 19 Пакта, ограничивается право гражданина на свободу распространения информации и свободу проведения мирного собрания.

Судья Гомельского областного суда, рассматривавший жалобу гражданина, отказался дать правовую оценку действиям сотрудников милиции и постановлению суда первой инстанции исходя из допустимых ограничений права на свободу распространения информации и права на свободу проведения мирного собрания, упомянутых в пункте 3 (а) или (b) статьи 19 и статьи 21 Пакта. Судья в своем постановлении сделал ссылку на Пакт лишь только в силу вынужденной констатации правовой аргументации, содержащейся в жалобе автора: «Поскольку А. Толчин призывал к проведению несанкционированного мероприятия, его доводы о том, что были нарушены его конституционные права, а также нормы международного права, являются необоснованными». Таким образом судья Гомельского областного суда обосновал ограничение прав при рассмотрении жалобы. Аналогичным образом поступил и председа-

тель Гомельского областного суда, куда гражданин обращался по этому случаю в надзорном порядке.

В результате сложилась ситуация, когда гражданин, осужденный на 5 суток административного ареста за распространение листовок о предстоящем несанкционированном властями массовом мероприятии, исчерпал все внутренние средства правовой защиты, однако белорусская правоохранительная и судебные системы оказались не в состоянии обеспечить на практике его право на свободу распространения информации и свободу проведения мирного собрания, гарантированные статьями 19 и 21 Пакта. Указанный факт вынудил гражданина обратиться с индивидуальным сообщением в Комитет по правам человека (дело № 1920/2009 *Андрей Толчин против Беларуси*).

Приведенное выше дело свидетельствует о том, что права человека в современной Беларуси ничтожны с позиции белорусских правоохранительных органов и белорусской судебной системы. Усугубляет ситуацию тот факт, что приведенное дело, скорее всего, является правилом, а не исключением в поведении белорусского правительства по отношению не только к правам человека и взятым на себя международным обязательствам в этой части, но и к конституционным гарантиям гражданских и политических прав белорусских граждан. В последние годы Республика Беларусь не только систематически и повсеместно ограничивает право каждого на свободу выражения мнения и свободу проведения мирного собрания, в стране эти права фактически поставлены под сомнение.

Так, например, в 2009 г. в Гомеле группа неравнодушных граждан из 16 человек намеревалась выйти на одну из центральных площадей областного центра с целью проведения гражданской акции «Цепь неравнодушных людей», приуроченной к 10-летней годовщине исчезновения без вести в 1999 г. в Беларуси оппозиционных политиков Виктора Гончара и Анатолия Красовского.

«У каждого участника группы при движении к месту проведения мирного собрания имелись в руках свернутые плакаты формата А-3 с изображением портретов пропавших без вести политиков. Движущейся по тротуару группе людей дорогу перегородил милицейский автобус, из которого выскочили молодчики крепкого телосложения и с применением физической силы принудительно затолкали всю группу в автобус. Впоследствии в милицейском участке на каждого из задержанных были составлены административные протоколы о нарушении установленного порядка проведения массового мероприятия.

Суд Железнодорожного района г. Гомеля привлек каждого участника группы людей, намеревавшихся провести несанкционированное местными властями мирное собрание граждан, к крупным административным штрафам, размер которых достигал на тот момент суммы,

равной двум среднемесячным заработным платам в стране. Несмотря на правовую аргументацию каждого участника группы, построенную с использованием норм международного права, суд первой инстанции ни в одном из дел не предпринял попытки обосновать ограничение прав граждан нормами международного права. Гомельский областной и Верховный суды, куда граждане обратились с жалобами, подтвердили выводы сотрудников милиции и суда первой инстанции: намереваясь провести массовое мероприятие без предварительного получения разрешения властей, граждане нарушили установленный законом “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь” разрешительный порядок организации и проведения массового мероприятия. В деле одного из участников В. Непомнящих судья Гомельского областного суда указал: “Доводы жалобы о противоречии постановления суда нормам Конституции Республики Беларусь и международного права являются надуманными и объективно ничем не подтверждены. Так, в соответствии со статьей 35 Конституции порядок проведения массовых мероприятий определяется законом”. В другом деле по жалобе В. Серкерко судья Гомельского областного суда был вынужден повторить всего лишь правовую аргументацию автора: “Считает, что, привлекая его к административной ответственности, суд нарушил нормы международного права, ограничил его права”. Указанный факт административного преследования группы граждан всего лишь за намерение провести несанкционированное властями мирное собрание в настоящее время является предметом рассмотрения со стороны Комитета ООН по правам человека» (сообщение № 1999/2010 *Евзрезов и другие против Беларуси*).

Начиная с 2008 г. в Гомеле, насчитывающем около 500 тыс. жителей, постоянным местом проведения массовых мероприятий, которые проходят без участия органов власти, определено одно-единственное место, причем находящееся практически на окраине города. Кроме того, принятым решением на граждан, являющихся организаторами мирных собраний, возложены дополнительные обязательства по заключению договоров с отделами внутренних дел по охране общественного порядка во время проведения мирных собраний, с медицинскими учреждениями для медицинского обслуживания участников мирных собраний и с коммунальными службами, обеспечивающими уборку территории после проведения на ней мирного собрания. Правоприменительная практика указанного решения местных властей систематически приводит к нарушению права на свободу проведения мирного собрания граждан и на свободу выражения своего мнения.

Из сообщения в Комитет по правам человека (сообщение № 2142/2012 *Шумилина и другие против Беларуси*):

«Решением Гомельского городского исполнительного комитета от 2 апреля 2008 г. № 299 “О массовых мероприятиях в городе Гомеле” Гомельский городской исполнительный комитет постановил:

1. Определить постоянным местом проведения массовых мероприятий в городе Гомеле, организаторами которых выступают политические партии, профессиональные союзы, иные организации Республики Беларусь, зарегистрированные в установленном порядке, и граждане, площадку у Дворца культуры производственного частного унитарного предприятия “Випра” общественного объединения “Белорусское общество глухих”, расположенного по адресу: г. Гомель, ул. Юбилейная, 48.

2. В случаях, когда организация массового мероприятия происходит без участия органов государственной власти и управления, организаторы массового мероприятия должны приложить к заявлению о проведении массового мероприятия следующие договоры:

2.1. с отделом внутренних дел администрации района города Гомеля, на территории которого будет проходить мероприятие, – об охране общественного порядка во время проведения мероприятия;

2.2. с учреждением «Гомельская центральная городская поликлиника» – о медицинском обслуживании во время проведения мероприятия;

2.3. с коммунальным автомобильным унитарным предприятием по содержанию дорог “ГорСАП” – об обеспечении уборки территории после проведения мероприятия.

Указанное решение местных властей было принято в соответствии со статьей 9 национального закона “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь”, согласно которой руководители местных органов исполнительной власти наделены правом определения постоянных мест для проведения мирных собраний граждан. Таким образом, начиная с 2008 г. в Гомеле, насчитывающем около 500 тыс. жителей, постоянным местом проведения массовых мероприятий, которые проходят без участия органов власти, определено одно-единственное место, причем находящееся практически на окраине города.

Кроме того, принятым решением на граждан, являющихся организаторами мирных собраний, возложены дополнительные обязанности по заключению договоров с отделами внутренних дел по охране общественного порядка во время проведения мирных собраний, с медицинскими учреждениями для медицинского обслуживания участников мирных собраний и с коммунальными службами, обеспечивающими уборку территории после проведения на ней мирного собрания.

Правоприменительная практика указанного решения местных властей в нашем конкретном случае привела к нарушению права на свободу проведения мирного собрания граждан и на свободу выражения своего мнения.

4 февраля 2011 г. мы обратились в Гомельский городской исполнительный комитет с просьбой разрешить провести массовые мероприятия в форме пикетов в различных, наиболее людных местах города Гомеля. Мирные собрания граждан мы планировали провести 23 февраля 2011 г. с целью выражения своего отношения к политическому преследованию бывших кандидатов в Президенты Республики Беларусь, а также членов их избирательных штабов. Как известно, после проведенных 19 декабря 2010 г. в Республике Беларусь выборов Президента практически все кандидаты в Президенты, а также члены их избирательных штабов подверглись уголовному преследованию со стороны действующей власти.

Решением Гомельского городского исполнительного комитета от 17 февраля 2011 г. № 182 “Об отказе в проведении пикетов 23 февраля 2011 года” нам отказано в проведении массовых мероприятий в форме пикетов, поскольку мы как организаторы мирных собраний граждан не выполнили требований решения Гомельского городского исполнительного комитета от 2 апреля 2008 г. № 299 “О массовых мероприятиях в городе Гомеле”, а именно:

- мирные собрания граждан запланировали провести не в том месте, которое определено для их проведения;
- перед проведением мирного собрания граждан мы не заключили договора с соответствующими службами об охране общественного порядка во время проведения мероприятий, о медицинском обслуживании во время проведения мероприятий и об обеспечении уборки территории после проведения мероприятий.

В этой связи отмечаем, что нам не понятно, для достижения какой цели ограничено наше право на проведение мирных собраний граждан и выражение своего мнения, которое могло бы являться необходимым для достижения одной из законных целей по смыслу статей 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В отсутствие какого-либо обоснованного разъяснения, оправдывающего эти выводы, считаем, что запрет местных властей на проведение мирных собраний граждан не является необходимым в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Поэтому мы делаем вывод о том, что, отказав нам в проведении мирных собраний граждан и выражении своего мнения по вопросу политического преследования бывших кандидатов в Президенты Республики Беларусь, а также членов их избирательных штабов, Республика Беларусь нарушила наши права, предусмотренные статьями 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Суд Центрального района города Гомеля, а вслед за ним и вышестоящие судебные инстанции, включая Верховный Суд Республики Беларусь, при

рассмотрении наших жалоб также отказались квалифицировать отказ в проведении мирных собраний граждан и выражении мнения исходя из норм Международного пакта о гражданских и политических правах, хотя аргументы, изложенные в наших жалобах, являлись уместными и важными в части международных обязательств Республики Беларусь.

В частности, оценивая положения международного и национального права, мы обратили внимание вышестоящих судов, что каждый действующий международный договор, участницей которого является Республика Беларусь, должен ею добросовестно исполняться. В соответствии со статьями 26, 27 ратифицированной Республикой Беларусь Венской конвенции “О праве международных договоров” участник международного договора не может ссылаться на внутреннее законодательство в качестве оправдания для невыполнения такого договора. Согласно статье 33 закона Республики Беларусь “О международных договорах Республики Беларусь” общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь права.

Всеобщая декларация прав человека провозглашает право каждого человека на свободу убеждений и на их свободное выражение, а также право каждого на свободу проведения мирных собраний (статьи 19, 20). Эти права также нашли свое отражение в Международном пакте о гражданских и политических правах (статьи 19, 21), где признается право каждого на свободное выражение своего мнения и право на проведение мирных собраний. Пользование этими правами не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Оценивая вмешательство государства в наши права по признаку неисполнения с нашей стороны решения местных властей о порядке проведения массовых мероприятий в городе, мы приходим к выводу, что в данном конкретном случае применение требований, содержащихся в решении местных властей, об установлении единственного места в городе для проведения мирных собраний граждан и возложение обязанностей по возмездному заключению соответствующих договоров противоречит статьям 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку является недопустимым ограничением права на свободное выражение своего мнения и права на мирные собрания.

Согласно статье 7 Конституции Республики Беларусь, в Республике Беларусь установлен принцип верховенства права. Республика Беларусь

признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Республика Беларусь, став участником Международного пакта о гражданских и политических правах, взяла на себя обязательства в соответствии со статьей 2 Пакта соблюдать и обеспечивать все закрепленные в нем права. Она также взяла на себя обязательства принимать такие законодательные и иные меры, которые могут быть необходимы для осуществления этих прав.

Считаем, что Республика Беларусь не исполняет свои обязательства в отношении права каждого на мирные собрания до настоящего времени по смыслу п. 2 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку положения национального закона “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь” содержат расплывчатые и двусмысленные нормы, которые, несомненно, могут толковаться, и толкуются, по-разному. Например, согласно статье 9 указанного закона, руководители местных органов исполнительной власти наделены правом определения постоянных мест для проведения мирных собраний граждан.

Накладывая ограничения на свободу выражения гражданами своих мнений и убеждений и на свободу проведения мирных собраний, Гомельский городской исполнительный комитет в своем решении не обосновал, почему данные ограничения могут являться необходимыми для достижения одной из законных целей по смыслу статей 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Исполняя указанное решение, любой индивид, желающий выразить свое мнение или убеждение в защиту общественных интересов при проведении мирных собраний граждан, обязан не только получить предварительное за 15 дней разрешение городских властей, но также заключить возмездные договора, предварительно оплатив за счет собственных средств услуги сотрудников милиции, медицины и коммунальных служб.

Из этого можно заключить, что в том случае, если бы мы следовали букве национального закона о мирных собраниях, а также стали выполнять решение местных властей о проведении мирных собраний граждан в единственном месте, которое определено постоянным местом проведения массовых мероприятий в городе Гомеле, проведение планируемых с нашей стороны мирных собраний теряло бы всякий смысл, поскольку основной их целью являлось выражение своего мнения по вопросу политического преследования бывших кандидатов в Президенты Республики Беларусь, а также членов их избирательных штабов, что на окраине города в малолюдном микрорайоне представляется малоэффективным.

Считаем, что принятое местными властями указанное решение чрезмерно ограничило саму суть прав по смыслу статей 19 и 21 Междуна-

родного пакта о гражданских и политических правах. В деле № 628/1995 *Дэ Хун Пак против Республики Корея* Комитет по правам человека не согласился с заявлением государства-участника о том, чтобы отдать приоритет национальному законодательству над правами граждан, закрепленными в Международном пакте о гражданских и политических правах. В этом деле Комитет посчитал несовместимым с положениями Пакта то обстоятельство, что государство-участник отдает приоритет применению национального законодательства над своими обязательствами по Пакту (пункт 10.4).

Также отмечаем, что Республика Беларусь в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Пакта не делала до настоящего времени объявления о том, что в стране возникло чрезвычайное положение и поэтому она приостанавливает действие некоторых прав, закрепленных в Пакте. Как отмечает на своем официальном сайте в интернете одна из авторитетных правозащитных организаций “Весна”, “в Гомельском регионе местная власть за последние пять лет не разрешила демократам провести ни одного более чем из 70 заявленных массовых мероприятий даже на единственном месте в городе, которое по их же решению является местом публичных высказываний представителей оппозиции – <http://spring96.org/ru/news/25005>”.

Усугубляет ситуацию тот факт, что в настоящее время в национальный закон “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь” внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми уже на законодательном уровне установлена возмездная основа проведения массовых мероприятий. Каждый организатор мирного собрания граждан обязан платить из личных средств за охрану общественного порядка, за медицинское обслуживание и уборку территории после проведения мирного собрания. Организатором массового мероприятия в течение года отныне не может выступать гражданин, который ранее был привлечен к административной ответственности за нарушение порядка организации и проведения массового мероприятия.

Соответственно, Республика Беларусь и далее не сможет обеспечивать каждому реализацию его права на свободу выражения своего мнения и свободу проведения мирного собрания по смыслу статей 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку в нарушение своих обязательств, предусмотренных статьей 2 (пункты 2 и 3) Пакта на уровне национального закона, не предпринимает никаких мер, которые являются необходимыми для осуществления прав, признаваемых в Пакте.

Таким образом, все возможные эффективные внутренние средства правовой защиты в Республике Беларусь нами были исчерпаны, а мы

остались жертвами нарушений статей 19 и 21 в совокупности с пунктами 2 и 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Руководствуясь правилами, изложенными в Факультативном протоколе к Международному пакту о гражданских и политических правах,

ПРОСИМ:

1. Признать настоящую жалобу приемлемой, рассмотреть ее по существу, установив факт нарушения со стороны Республики Беларусь наших прав, гарантированных статьями 19 и 21 в совокупности с пунктами 2 и 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах.
2. Рекомендовать правительству Республики Беларусь привести нормы положения национального закона “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь”, а также нормы решения Гомельского городского исполнительного комитета от 2 апреля 2008 г. № 299 “О массовых мероприятиях в городе Гомеле” в соответствие с международными обязательствами, а именно в соответствие со статьями 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах».

Из приведенной выше индивидуальной жалобы в Комитет ООН по правам человека видно, как именно рядовые граждане доводят до международных экспертов правовую проблематику в стране, тем самым побуждая власть каким-то образом реагировать на возрастающее с каждым годом количество жалоб из Беларуси в международные инстанции.

Александр Процко против Беларуси (дело № 1919/2009)

Привлекая к административной ответственности общественного активиста, суд Брагинского района Гомельской области свое постановление мотивировал исключительно нормами национального законодательства, хотя в качестве правовой аргументации автор заявлял суду о нарушении его прав на свободу распространения информации и свободу проведения мирного собрания, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах (статьи 19 и 21).

Рассматривая жалобу автора, Гомельский областной суд отметил: «В своей жалобе Процко указал, что им было реализовано его конституционное право на свободу собраний, митингов и т.д., которое, по его мнению, не требовало специального разрешения. Также, по его мнению, суд не верно применил материальный закон, не приняв во внимание ратифицированные Республикой Беларусь нормы международного права». Верховный Суд по этому делу так прокомментировал

правовую аргументацию автора: «Органами, ведущими административный процесс, не были нарушены ваши права, предусмотренные как национальным, так и международным законодательством».

Жалоба находится на рассмотрении в Комитете по правам человека.

Кузнецов и другие против Беларуси (дело № 1976/2010)

Привлекая к административной ответственности общественных активистов, суд Центрального района Гомеля свое постановление мотивировал исключительно нормами национального законодательства, хотя в качестве правовой аргументации авторы заявляли суду о нарушении их права на свободу проведения мирного собрания и, как следствие, на свободу выражения своего мнения, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах (статьи 19 и 21).

Рассматривая жалобы авторов, Гомельский областной суд указал: «Доводы жалобы о противоречии вмененного правонарушения нормам международного права и Конституции Республики Беларусь являются надуманными и объективно ничем не подтверждены». Верховный Суд по этому делу так отреагировал на правовую аргументацию авторов: «Конституция Республики Беларусь и Международный пакт о гражданских и политических правах гарантируют право на проведение массовых мероприятий, а порядок реализации этого права определен законом “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь”. Следовательно, к административной ответственности вы привлечены обоснованно». Жалоба находится на рассмотрении в Комитете по правам человека.

Василий Поляков против Беларуси (дело № 2030/2011)

Привлекая к административной ответственности общественного активиста, суд Советского района Гомеля свое постановление мотивировал исключительно нормами национального законодательства, хотя в качестве правовой аргументации автор заявлял суду о нарушении его права на свободу распространения информации, гарантированного Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 19).

Рассматривая жалобу автора, Гомельский областной суд указал: «Считает, что были нарушены его законные права и свободы, гарантированные ему Конституцией Республики Беларусь и международными правовыми актами. Нельзя признать обоснованными доводы о нарушении возбуждением административного процесса прав и законных свобод гражданина, поскольку реализация каких бы то ни было прав и свобод производится гражданами лишь в соответствии с действующим законодательством». Верховный Суд по этому делу так прокомментировал правовую аргументацию автора: «Доводы вашей жалобы о том, что были нарушены ваши права, предусмотренные пунктом 2 статьи 19

Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения, нельзя признать состоятельными. Согласно части 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом. В Республике Беларусь установлена административная ответственность за нарушение законодательства о средствах массовой информации, что не противоречит нормам международного права и не ущемляет ваши права, предоставленные как национальным, так и международным законодательством». Жалоба находится на рассмотрении в Комитете по правам человека.

*Леонид Судаленко и Анатолий Поплавный против Беларуси
(дело № 2190/2012)*

Отказывая общественным активистам в удовлетворении их жалобы на решение Гомельского горисполкома о запрете проведения массового мероприятия, суд Центрального района Гомеля в решении был вынужден изложить правовую аргументацию авторов жалобы: «Отмечаем, что нам не понятно, почему возложение на организаторов мирных собраний граждан дополнительных и несоразмерных обязанностей по заключению возмездных договоров с городскими спецслужбами может являться соразмерным и достаточным основанием для законного ограничения прав граждан на свободу проведения мирных собраний и на свободу выражения своего мнения. В отсутствие какого-либо обоснованного разъяснения, оправдывающего эти выводы, считаем, что отказ в проведении мирных собраний граждан нельзя рассматривать в качестве мер, необходимых в демократическом обществе в интересах общественного порядка или защиты прав и свобод других лиц. Равным образом считаем, что установление одного-единственного места в городе для проведения массовых мероприятий, а также возложение дополнительных и несоразмерных обязанностей на граждан по заключению возмездных договоров с городскими спецслужбами не только ставит под сомнение, но и недопустимо ограничивает право каждого на проведение мирных собраний и, как следствие, на свободу выражения своего мнения. Поэтому мы делаем вывод о том, что в данном конкретном случае наши права, предусмотренные статьями 23, 33 и 35 Конституции Республики Беларусь, статьями 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, были нарушены.

Принимая во внимание тот факт, что мирные собрания граждан являются одной из основ действующей демократии, а защита свободы

собраний необходима для создания толерантного общества, в котором могут мирно существовать группы с различными убеждениями, нормами поведения или принципами, решения Гомельского городского исполнительного комитета от 2 апреля 2008 г. № 299 “О массовых мероприятиях в городе Гомеле” и от 17 августа 2011 г. № 919 “Об отказе в проведении пикетов” считаем недопустимым ограничением наших прав на свободу выражения своего мнения и проведения массовых мероприятий по смыслу статей 23, 33 и 35 Конституции Республики Беларусь, а также статей 19 и 21 Международного пакта о гражданских и политических правах».

Судебная коллегия по гражданским делам Гомельского областного суда, которая рассматривала кассационную жалобу авторов, повторила вышеприведенную правовую аргументацию авторов, указав при этом, что «доводы кассаторов, изложенные в кассационной жалобе, являются несостоятельными, поскольку решение об отказе в проведении массовых мероприятий принято в соответствии с законом “О массовых мероприятиях в Республике Беларусь”».

Председатели Гомельского областного суда и Верховного Суда Республики Беларусь, куда авторы обращались с надзорными жалобами по указанному делу, оценки правовой аргументации авторов со ссылкой на нормы международного права вообще не дали. Жалоба находится на рассмотрении в Комитете по правам человека.

2. Решения Комитета по правам человека

К настоящему времени накопилось достаточное количество дел, в которых Комитет по правам человека установил нарушения прав белорусских граждан как в связи с выражением мнения, так и в связи с правом на свободу проведения мирных собраний. Следует также отметить, что имеются дела, в которых Комитет по правам человека кроме установления конкретных нарушений прав на свободу выражения мнения и свободу проведения мирных собраний рекомендовал правительству Беларуси изменить нормы национального законодательства, ведущие на практике к системным нарушениям гражданских и политических прав, гарантированных Международным пактом (*Виктор Корнеев против Беларуси* (сообщение № 1226/2003), *Владимир Шумилин против Беларуси* (сообщение № 1784/2008)).

Виктор Корнеев против Беларуси
(сообщение № 1226/2003)

По своему существу это дело касается мониторинга выборов наблюдателями от гражданского общества. На автора сообщения был наложен штраф, а у возглавляемого им общественного объединения конфиско-

вано компьютерное оборудование именно по той причине, что это оборудование использовалось организацией для проведения мероприятий, которые защищаются статьей 19 Пакта. Осуществление автором в ассоциации с другими права искать, получать и распространять информацию и идеи привело к применению санкций, то есть фактическому вмешательству со стороны государства.

После такого «вмешательства» в права индивида и ассоциации именно на государство возлагалась обязанность обосновать, почему к автору жалобы и ассоциации применены такие санкции, которые в данной конкретной ситуации могут являться «необходимыми» для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

В своих возражениях Комитету правительство Беларуси в основном повторило хронологию дела; государство также подтвердило, что имелись веские основания для привлечения автора к административной ответственности на основании внутригосударственного законодательства, в частности Декрета № 8 Президента Беларуси.

Рассматривая данное дело, Комитет отметил, что деятельность, за которую автор был привлечен к ответственности, а именно использование компьютерного оборудования, полученного в качестве иностранной безвозмездной помощи для наблюдения за выборами и сопутствующей общественной деятельностью, также подпадает под сферу действия параграфа 2 статьи 19 Пакта, которая, *inter alia*, гарантирует свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи. Комитет далее должен рассмотреть вопрос о том, являются ли вышеуказанные ограничения, наложенные на автора, обоснованными согласно параграфу 3 статьи 19 Пакта, т.е. предусмотрены ли они законом и являются ли необходимыми для: (a) для уважения прав и репутации других лиц; (b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения.

В этой связи Комитет напомнил о своих Замечаниях общего порядка № 34, в которых он постановил, *inter alia*, что свобода мнений и свобода выражения убеждений являются неотъемлемым условием полного развития личности, что они являются необходимыми для любого общества и что они представляют собой краеугольный камень для каждого свободного и демократического общества. Любые ограничения на их осуществление должны соответствовать жестким требованиям необходимости и пропорциональности и «могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют».

Комитет отметил, что в данном случае, несмотря на предоставленную ему возможность, правительство Беларуси не сослалось ни на

какие конкретные основания, по которым ограничения, наложенные на деятельность автора, были бы *необходимы* для достижения одной из легитимных целей, изложенных в параграфе 3 статьи 19 Пакта. Комитет напомнил, что бремя доказывания необходимости ограничений, налагаемых на права автора по статье 19, лежит на государстве-участнике и что даже если государство-участник учреждает систему, стремящуюся установить баланс между свободой личности на распространение информации и общими интересами по защите общественного порядка в какой-либо сфере, то такая система не должна действовать способом, несовместимым со статьей 19 Пакта. Комитет посчитал, что в отсутствие каких-либо внятных объяснений со стороны Республики Беларусь ограничения на осуществление свободы автора искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи хоть и разрешены национальным законодательством, но не могут считаться необходимыми для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre-public*) или для уважения прав и репутации других лиц.

В свете представленной информации и в отсутствие каких-либо внятных объяснений в этой связи со стороны правительства Беларуси, Комитет в этом деле заключил, что наложение штрафа на автора за использование организацией компьютерного оборудования, полученного в качестве иностранной безвозмездной помощи, для подготовки наблюдения за выборами и сопутствующей общественной деятельностью, а также конфискация вышеуказанного компьютерного оборудования нарушили права автора, в том числе и по параграфу 2 статьи 19 Пакта. Высказывая свои соображения относительно устранения нарушений прав автора, Комитет в этом деле возложил на правительство Беларуси обязанность обеспечения соответствия спорных положений Декрета № 8 Президента Республики Беларусь статьям 19, 22 и 25 Пакта.

Приведенное дело представляет интерес еще одной особенностью. В начале 2012 г. правительство Беларуси заявило в отношении данного сообщения и еще около 60 других сообщений белорусских граждан, что, став участником Факультативного протокола, оно признало компетенцию Комитета по статье 1. Данное признание компетенции осуществляется наряду с другими положениями Факультативного протокола, включая и те, которые устанавливают критерии в отношении заявителей и приемлемости их сообщений, в частности, наряду со статьями 2 и 5 Факультативного протокола.

Здесь же правительство заявило, что согласно Факультативному протоколу государства-участники не имеют обязательств по признанию правил процедуры Комитета и его толкованию положений Пакта, которые «могут быть эффективными лишь тогда, когда исполняются наряду с Венской конвенцией о праве международных договоров».

Далее правительство заявило, что «в отношении процедуры подачи и рассмотрения жалоб государства-участники должны в первую очередь опираться на положения Факультативного протокола» и что «ссылки на длительную практику Комитета, методы его работы и прецеденты не являются частью Факультативного протокола».

Правительство далее отметило, что «любое сообщение, зарегистрированное в нарушение положений Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, будет рассматриваться государством-участником как несовместимое с Протоколом и будет отклонено без каких-либо комментариев по его приемлемости или существу». В конце правительство Беларуси заявило, что решения, принятые Комитетом по таким «отклоненным сообщениям», будут рассматриваться его властями как «недействительные».

Комментируя перечисленные заявления правительства Беларуси, автор в рассматриваемом деле заявил, что, став участником Факультативного протокола, Республика Беларусь признала компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта. Республика Беларусь также взяла на себя обязанность по обеспечению всех граждан на ее территории или под ее юрисдикцией правами, гарантированными Пактом, и предоставлению эффективных и осуществимых мер правовой защиты в случаях, когда нарушение имело место. В связи с этим правительство Беларуси обязано не только исполнять соображения Комитета, но и признавать стандарты, практику, методы работы и решения Комитета.

Комитет в этом деле напомнил, что параграф 2 статьи 39 Пакта уполномочивает его устанавливать собственные правила процедуры, которые государства-участники договорились признавать. Комитет далее отметил, что, присоединяясь к Факультативному протоколу, государство-участник Пакта признало компетенцию Комитета по правам человека получать и рассматривать сообщения от лиц, заявляющих о том, что они стали жертвами нарушений какого-либо из прав, установленных Пактом (преамбула и статья 1). При присоединении государства к протоколу подразумевается также и обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом для того, чтобы позволить и дать ему возможность рассматривать такие сообщения и после их рассмотрения направлять свои соображения государству-участнику и индивиду (параграфы 1 и 4 статьи 5). Осуществление государством-участником каких-либо действий, которые будут препятствовать или срывать рассмотрение Комитетом сообщения и принятие им соображений, является несовместимым с данными обязательствами. Выбор, регистрировать ли сообщение, остается за Комитетом. Комитет отмечает, что непринятие компетенции Комитета определять, стоит ли регистрировать какое-либо сообщение и предварительное заявление о непризнании государством-участником

рассмотрения Комитетом приемлемости и существа сообщений, является нарушением обязательств государства-участника согласно статье 1 Факультативного протокола к Пакту (пункт 8.2 сообщений).

Данное дело является первым белорусским делом, в котором Комитет по правам человека дал оценку подобному заявлению правительства Беларуси: отказ страны признавать стандарты, практику, методы и решения Комитета являются нарушением статьи 1 Факультативного протокола к Пакту.

*Владимир Шумилин против Беларуси
(сообщение № 1784/2008)*

Это дело касается права белорусского гражданина на свободу распространения информации о предстоящем «несанкционированном» мирном собрании граждан. Автор сообщения был привлечен к административной ответственности за распространение информации о предстоящем массовом мероприятии до момента получения официального разрешения на его проведение.

После такого «вмешательства» в права индивида снова именно на государство возлагалась обязанность обосновать, почему к автору жалобы применены такие санкции, которые в данной конкретной ситуации могут являться «необходимыми» для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

В своих возражениях Комитету правительство Беларуси в основном повторило хронологию дела; государство также заявило о неприемлемости данного сообщения, поскольку автор не исчерпал все внутренние средства правовой защиты (не обращался с надзорными жалобами к председателю Верховного Суда и Генеральному прокурору).

В последующем сообщении правительство Беларуси утверждало, что заявление автора о том, что решение о привлечении его к административной ответственности не было оправдано согласно параграфу 3 статьи 19 Пакта, является необоснованным. Закон о массовых мероприятиях регулирует организацию и проведение собраний, митингов, демонстраций, уличных шествий, пикетирования и т.д. В его преамбуле четко сказано, что целью утверждения такого правопорядка является создание условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечение общественной безопасности и порядка при проведении подобных мероприятий на улицах, площадях и в иных общественных местах. Автор нарушил ограничения, налагаемые статьей 23.24 Кодекса об административных правонарушениях и статьей 8 закона «О массовых мероприятиях», которые необходимы для защиты общественной безопасности и правопорядка в ходе проведения собраний, митингов, уличных шествий и т.д.

Правительство добавило, что право на свободное выражение мнений гарантируется статьей 19 Пакта всем гражданам государств-участников Пакта. Оно объясняет, что, будучи участником Пакта, Беларусь полностью признает и соблюдает свои обязательства по нему. Статья 33 Конституции Беларуси гарантирует свободу мнений и убеждений и их свободное выражение. Даже если право на свободу выражения считается одним из основных прав человека, оно не является абсолютным. Статья 19 Пакта не включена в список статей, указанный в статье 4 Пакта, от которых нельзя отступать ни при каких обстоятельствах. Таким образом, осуществление этих прав может быть ограничено государством-участником при условии, что данные ограничения предусмотрены законом, преследуют законную цель и необходимы в демократическом обществе.

В соответствии со статьей 23 Конституции Беларуси ограничения прав и свобод допустимы только в том случае, если они предусмотрены законом и налагаются в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Схожим образом параграф 3 статьи 19 Пакта предусматривает, что права, указанные в параграфе 2 этой же статьи, налагают особые обязанности и особую ответственность. Осуществление этих прав может, таким образом, быть ограничено, но ограничения должны быть предусмотрены законом и должны быть необходимы для уважения прав и репутации других лиц, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Автор повторил в Комитете по правам человека, что, по его мнению, жалобы в рамках надзорной процедуры не являются эффективным средством правовой защиты, так как их рассмотрение предоставлено одному должностному лицу, и что даже если жалоба признана допустимой, то она не приводит к рассмотрению фактов и доказательств. Автор отметил, что Комитет рассматривал этот вопрос неоднократно и постановил, что для достижения целей параграфа 2 (б) статьи 5 Факультативного протокола обжалование в рамках надзорной процедуры не является обязательным. Автор также отметил, что существующее законодательство в стране не позволяет лицам подавать жалобы в Конституционный Суд. Автор также не согласился с возражением правительства на его утверждение о том, что его административное дело не было основано ни на каком из допустимых ограничений, перечисленных в параграфе 3 статьи 19 Пакта, и пояснил, что решения судов по делу не содержат подобной аргументации. В решениях по его делу судьи ссылались лишь на национальное законодательство и полностью проигнорировали обязательства страны по международному праву. Со ссылкой на юриспруденцию Комитета автор отметил, что в одном из рассмотренных дел Комитет по-

становил, что предоставление приоритета применению национального законодательства над положениями Пакта является несовместимым с обязательствами государства-участника по Пакту.

Рассматривая данное дело, Комитет напомнил о своих Замечаниях общего порядка № 34, в которых он помимо прочего постановил, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности, что они имеют ключевое значение для любого общества и что они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Любые ограничения свободы выражения должны соответствовать строгим требованиям необходимости и пропорциональности и «должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют».

Комитет напомнил, что бремя доказывания необходимости наложения ограничений на права автора по статье 19 Пакта лежит на государстве-участнике и что даже в том случае, если государство-участник устанавливает порядок, стремящийся сбалансировать свободу лица на распространение информации и общий интерес по поддержке общественного порядка в какой-либо сфере, то такой порядок не должен осуществляться в нарушение статьи 19 Пакта. В свете отказа Гомельского областного суда рассмотреть вопрос о том, было ли ограничение права автора на распространение информации необходимым, и в отсутствие какой-либо другой релевантной информации в деле в оправдание решений должностных лиц по параграфу 3 статьи 19 Пакта, Комитет считает, что ограничение прав автора в данном деле было несовместимым с требованиями данного положения Пакта. Он, таким образом, заключил, что автор является жертвой нарушения государством-участником его прав по параграфу 2 статьи 19 Пакта.

Высказывая свои соображения относительно устранения нарушений прав автора, Комитет в этом деле возложил на правительство Беларуси обязанность пересмотреть свое законодательство, в частности закон «О массовых мероприятиях» и практику его применения, чтобы обеспечить его соответствие требованиям статьи 19 Пакта. Приведенное дело является первым белорусским делом, в котором Комитет по правам человека высказал свою позицию относительно исчерпания такого внутригосударственного средства правовой защиты по административному делу, как обращение с надзорной жалобой не только в прокуратуру, но и к председателю Верховного Суда.

Приведенное дело также представляет интерес тем, что впервые в решении Комитет по правам человека предложил правительству Беларуси пересмотреть свое законодательство и практику его применения в области обеспечения права каждого на свободу выражения мнения и свободу проведения мирных собраний граждан.

*Владимир Лапцевич против Беларуси
(сообщение № 780/1997)*

Позиция автора. Автор распространял листовки, посвященные годовщине провозглашения независимости Белорусской Народной Республики. Во время распространения листовок к нему подошли сотрудники милиции, конфисковавшие у автора 37 оставшихся экземпляров листовок, а затем предъявили автору обвинение по статье 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях за распространение листовок, не имеющих выпускных данных. На основании этого обвинения административная комиссия впоследствии оштрафовала автора на сумму 390 000 рублей.

Позиция государства. Комментируя жалобу автора в Комитет ООН по правам человека, правительство Беларуси отметило, что автор не оспаривает того факта, что он распространял печатные листовки, содержащие не все выходные данные, требуемые по Закону о печати. При этом он совершил правонарушение в соответствии со статьей 172, часть 3, Кодекса об административных правонарушениях. Правительство обращает внимание на то, что исключения из требования указывать выходные данные для тиража менее 300 экземпляров на листовки не распространяются. И в заключение государство утверждало, что белорусское законодательство и правоприменительная практика в данной области полностью соответствуют обязательствам государства-участника по статье 19 Пакта.

Позиция Комитета по правам человека. Рассматривая данное дело, Комитет по правам человека отметил, что в соответствии с белорусским законом издатели периодических изданий обязаны указывать некоторые выходные данные, в том числе индекс и регистрационный номер, которые могут быть получены только у административных органов. Комитет посчитал, что, введя такие требования в отношении листовок тиражом в 200 экземпляров, Республика Беларусь установила препятствия, которые ограничивают право автора распространять информацию, закрепленную в пункте 2 статьи 19 Пакта. Даже если введенные против автора санкции на основании внутригосударственного законодательства допускаются, государство должно доказать, что они необходимы для достижения одной из законных целей, предусмотренных пунктом 3 статьи 19. Право на свободное выражение мнения имеет первостепенное значение в любом демократическом обществе, поэтому любые ограничения на осуществление этого права должны быть полностью обоснованы.

*Александр Дергачев против Беларуси
(сообщение № 921/2000)*

Позиция автора. В 1999 г. автор, являющийся членом Народного фронта Беларуси – политической партии в Республике Беларусь – во время организованного им пикета развернул плакат со следующей надписью: «Последователи нынешнего режима! За пять лет вы довели народ до нищеты. Хватит слушать ложь! Присоединяйтесь к борьбе, которую ведет ради вас Народный фронт Беларуси!». За это автора судили в районном суде города Сморгонь. По мнению суда, текст плаката являлся призывом к неподчинению существующей власти и/или к уничтожению конституционного порядка Белорусской Республики. Соответственно он постановил, что развертывание данного плаката явилось административным нарушением в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Беларуси (пункт 2 статьи 167). Поэтому автор был осужден и оштрафован на 5 млн белорусских рублей. Суд также приказал конфисковать плакат.

Позиция государства. Комментируя жалобу автора в Комитет ООН по правам человека, правительство Беларуси сообщило, что председатель Верховного Суда Республики Беларусь отменил все постановления, принятые ранее в отношении автора, и закрыл его дело, соответственно отсутствует какое-либо основание для дальнейшего рассмотрения сообщения.

Позиция Комитета по правам человека. Преследуя автора в административном порядке, правительство Беларуси не заявило о том, что применяются какие-либо из ограничений, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта. В этой связи Комитет посчитал, что осуждение автора за выражение его мнений является нарушением его прав по статье 19 Пакта.

*Леонид Светик против Беларуси
(сообщение № 927/2000).*

Позиция автора. Газета «Народная Воля» опубликовала заявление, в котором критиковалась политика белорусских властей. Заявление было составлено и подписано представителями сотен белорусских региональных политических и неправительственных организаций (НПО), в том числе автором сообщения, который проживал в г. Кричев. В тексте заявления содержался призыв к бойкотированию готовившихся выборов в местные органы власти в знак протеста против законодательства о выборах. Впоследствии автор был привлечен к административной ответственности за призывы избирателей к бойкоту выборов.

Позиция государства. Комментируя жалобу автора в Комитет по правам человека, правительство Беларуси разъяснило, что на момент вынесения постановления по делу автора действовавшее в тот период

законодательство предусматривало административное взыскание за публичные призывы к бойкотированию выборов (статья 167-3 КоАП). Рассматриваемая газетная статья содержала такой призыв, и этот факт не оспаривался автором в суде. Данное законодательство полностью соответствует пункту 3 статьи 19 Пакта, в котором говорится, что пользование правами, предусмотренными в пункте 2 статьи 19 Пакта, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом. Государство также добавило, что в противоположность ранее действовавшему законодательству о выборах статья 49 белорусского Избирательного кодекса не содержит прямого положения, регулирующего ответственность отдельных лиц, призывающих к бойкотированию выборов, и в КоАП были внесены соответствующие поправки. Государство далее отметило, что статья 38 КоАП предусматривает, что если лицо, подвергнутое административному взысканию, в течение года со дня окончания исполнения взыскания не совершило нового административного правонарушения, то это лицо считается не подвергавшимся административному взысканию. По мнению государства, не имелось оснований для отмены постановления суда по делу г-на Светика, поскольку он считается лицом, не подвергавшимся административному взысканию. Соответственно административное взыскание, наложенное на г-на Светика, не имело для него каких-либо негативных последствий.

Позиция Комитета по правам человека. В принятых по данному делу соображениях Комитет по правам человека отметил, что подписанное автором заявление не повлияло на возможность избирателей свободно принимать решение о том, участвовать или не участвовать в выборах. Комитет пришел к выводу, что с учетом обстоятельства этого дела ограничение свободы выражения мнения не было законно оправданным на основании одной из причин, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта, и что права автора, предусмотренные в пункте 2 статьи 19 Пакта, были нарушены.

*Владимир Щетко против Беларуси
(сообщение № 1009/2001)*

Позиция автора. Суд Первомайского района г. Бобруйска приговорил каждого из авторов к уплате штрафа в размере 10 000 белорусских рублей. Эта административная санкция была применена в их отношении на том основании, что они распространяли листовки, призывающие бойкотировать парламентские выборы. Автор и его сын были привлечены к ответственности на основании Кодекса об административных правонарушениях, запрещающего публичные призывы к бойкотированию выборов.

Позиция государства. В рассматриваемом деле государство лишь заявило о том, что ограничения прав авторов были предусмотрены законом, не представив никаких обоснований этих ограничений.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет напомнил о том, что в соответствии со статьей 19 допускаются лишь такие ограничения, которые установлены законом и являются необходимыми а) для уважения прав и репутации других лиц и б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. В этой связи Комитет вновь отметил, что право на свободное выражение мнений имеет огромное значение в любом демократическом обществе и что любые ограничения в отношении его осуществления должны быть оправданы в соответствии со строгими критериями. Комитет напомнил о том, что в соответствии со статьей 25 (b) каждый гражданин имеет право голосовать и что для защиты этого права государства-участники Пакта должны запретить запугивание или принуждение избирателей. Однако запугивание и принуждение избирателей следует отличать от поощрения избирателей к бойкотированию выборов без какой-либо формы запугивания. Имеющиеся в распоряжении Комитета материалы не свидетельствуют о том, что действия авторов каким-либо образом повлияли на возможность избирателей свободно принимать решения о том, участвовать или не участвовать в данных выборах. Поэтому он пришел к выводу о том, что права авторов в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта были нарушены.

*Владимир Величкин против Беларуси
(сообщение № 1022/2001)*

Позиция автора. Автор утверждал, что его право на свободное распространение информации, предусмотренное пунктом 2 статьи 19 было нарушено во время распространения текста ВДПЧ в центре г. Бреста. Он был арестован и впоследствии оштрафован в административном порядке. Из материалов, представленных в Комитет, вытекало, что действия автора были квалифицированы судами как «участие в несанкционированном митинге», а не как «передача информации».

Позиция государства. В своем комментарии государство отмечает, что Брестский горисполком разрешил автору организовывать этот митинг на стадионе «Строитель», однако, несмотря на это, в нарушение решения городской администрации г-н Величкин незаконно организовал митинг («пикет») на одной из главных улиц Бреста (проспект Машерова). Он отказался исполнять многочисленные требования милиции о прекращении митинга. В свете вышеупомянутых фактов внутренние суды приняли правильные решения о том, что действия автора содержат элементы административного правонарушения статей 167-1 (нарушение

порядка организации и проведения собраний, встреч, уличных шествий и демонстраций) и 166 (неповиновение законному требованию милиционера при исполнении им обязанности защищать общественный порядок) Кодекса об административных правонарушениях (КоАП).

Позиция Комитета по правам человека. По мнению Комитета, вышеупомянутое действие властей, независимо от его юридической квалификации, составляет де факто ограничение прав автора по пункту 2 статьи 19 Пакта. В рассматриваемом случае правительство Беларуси не привело достаточных аргументов для обоснования ограничений, наложенных на деятельность автора, которая, независимо от того, действительно ли это имело место во время проведения митинга, безусловно, не ставит под угрозу общественный порядок, что предусматривается пунктом 3 статьи 19 Пакта. В этом деле интересным представляется особое мнение одного из членов Комитета, что в этом деле было нарушение и статьи 21 Пакта, а именно права автора на организацию мирного собрания, что государство может наложить разумные ограничения на мирные собрания в интересах общественной безопасности, общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц. В данном же случае Беларусь не попыталась привести какое-либо объяснение запрещения Брестскими властями всех общественных протестов и собраний, даже немногочисленных, в центре города.

*Владимир Кацора против Беларуси
(сообщение № 1377/2005)*

Позиция автора. Автор, являющийся членом политической партии, был подвергнут в г. Жлобин судебному преследованию и оштрафован за перевозку листовок с логотипом ассоциации, которая не была должным образом зарегистрирована в Министерстве юстиции. Суд Жлобинского района также вынес решение об уничтожении 14 000 листовок, озаглавленных «Пять шагов к лучшей жизни». Суд пришел к выводу, что, перевозя листовки с эмблемой общественной ассоциации «V-плюс», которая не была надлежащим образом зарегистрирована в Едином государственном реестре Министерства юстиции, автор занимался деятельностью от имени незарегистрированной общественной ассоциации.

Позиция государства. Государство заявило, что постановление суда было основано на нормах действующего в то время национального законодательства. На конфискованных у автора листовках имелась эмблема коалиции «V-плюс», которая согласно информации, полученной от Министерства юстиции, не была должным образом зарегистрирована в качестве общественной организации в Едином государственном реестре.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет счел, что, даже если примененные в отношении автора санкции были разрешены в со-

ответствии с национальным законодательством, государство-участник не представило ни одного аргумента с целью обоснования того, почему они являлись необходимыми для достижения одной из законных целей, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта, и почему нарушение требования о регистрации избирательного блока «V-плюс» в Министерстве юстиции повлекло за собой применение не только санкции в виде уплаты штрафа, но и конфискацию и уничтожение листовок. Комитет пришел к выводу о том, что в отсутствие любых надлежащих разъяснений со стороны государства-участника ограничение осуществления права автора на распространение информации не могло быть сочтено необходимым для защиты национальной безопасности или общественного порядка (*ordre public*) или для обеспечения уважения прав или репутации других лиц. Поэтому Комитет постановил, что права автора, предусмотренные в пункте 2 статьи 19 Пакта, были нарушены.

*Виктор Корнеев и Александр Милинкевич против Беларуси
(сообщение № 1553/2007)*

Позиция авторов. Виктор Корнеев, являясь на президентских выборах 2006 г. доверенным лицом кандидата Александра Милинкевича, перевозил из Минска в Гомель в своем автомобиле одну четвертую часть официального тиража предвыборных листовок кандидата (28 тыс.). Он имел все необходимые документы для транспортировки избирательных материалов. Его автомобиль был остановлен в г. Жлобин и обыскан транспортной полицией, в результате чего избирательные рекламные листки были изъяты. Суд привлек автора не только к административному штрафу, но также постановил изъять и уничтожить все 28 тыс. предвыборных материалов кандидата в президенты.

Позиция государства. Правительство Беларуси подтвердило, что Жлобинский районный суд Гомельской области оштрафовал г-на Корнеева в соответствии со статьей 167-3 Кодекса об административных правонарушениях за нарушение избирательного законодательства. Он был признан виновным в перевозке для целей их распространения 28 тыс. листовок, которые не соответствовали требованиям статьи 45 Избирательного кодекса, решение суда первой инстанции об уничтожении изъятых листовок как предмета правонарушения было обоснованным. Президентские выборы 2006 г. соответствовали критериям проведения демократических выборов. Выборы проходили в установленные сроки, т.е. их периодичность была соблюдена, и они были всеобщими. Право на избирательное равенство уважалось. Голосование было тайным, избирательные бюллетени подсчитывались членами избирательных комиссий. Все лица, представившие необходимое число подписей в под-

держку, были зарегистрированы в качестве кандидатов. Все кандидаты получили равный доступ к государственным средствам.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет по правам человека в этом деле посчитал, что, конфисковав и уничтожив без достаточных оправданий незадолго до выборов одну четверть предвыборных материалов кандидата в президенты, государство нарушило право на свободу выражения мнения г-на Корнеевко и г-на Милинкевича в соответствии со статьей 19 Пакта. Комитет напомнил, что право на свободу выражения мнения не абсолютно и что оно может подлежать некоторым ограничениям в соответствии со статьей 19 Пакта. Однако такие ограничения являются допустимыми только тогда, когда они предусмотрены законом и необходимы (а) для уважения прав или репутаций других; (b) для защиты национальной безопасности или общественного порядка, здравоохранения или морали. Комитет повторяет в этом контексте, что право на свободу выражения является первостепенно важным в любом демократическом обществе и что любые ограничения на его осуществление должны быть строго оправданными.

*Елена Залесская против Беларуси
(сообщение № 1604/2007)*

Позиция автора. Автор жалобы вместе с иными людьми, идя по тротуару, распространяли в г. Витебске газеты «Товарищ» и «Народная воля». Они были обвинены в нарушении порядка организации массового мероприятия и привлечены к административному штрафу.

Позиция государства. Правительство Беларуси подтвердило, что в отношении автора был составлен протокол о совершении им административного правонарушения согласно части 1 статьи 167 КоАП. Согласно протоколу, автор организовала несанкционированное массовое мероприятие – уличное шествие группы граждан, которые двигались от площади Свободы к улице Ленина в г. Витебске с целью публичного выражения своих общественно-политических убеждений и распространяли печатные материалы в виде газеты «Народная Воля» и газеты «Товарищ». Далее правительство утверждает, что автору неоднократно объяснялось, что распространение печатной продукции во время уличного шествия является правонарушением, а правовые нормы и оценка доказательств этого дела являются вопросом суверенного права каждого государства.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет по правам человека отметил, что независимо от юридической квалификации белорусскими властями действий автора жалобы привлечение ее к административной ответственности в данном случае де факто равнозначно ограничению права на свободу распространения информации, поскольку государство

не привело ни одного аргумента, предусмотренного частью 3 статьи 19 пакта. А поскольку автор была обвинена в нарушении порядка проведения массового мероприятия, в этом деле Комитет ООН по правам человека дополнительно констатировал, что, привлекая автора за нарушение законодательства о мирных собраниях граждан, государство обязано доказать, почему оно ограничивает это право автора, исходя из допустимых критериев, изложенных в статье 21 Пакта.

Леонид Судаленко против Беларуси (сообщение 1750/2008)

Позиция автора. В 2004 г. окружная избирательная комиссия Хойникского избирательного округа № 49 отказалась зарегистрировать автора в качестве кандидата в Палату представителей Национального собрания (парламент). Несмотря на отказ зарегистрировать автора в качестве кандидата, он продолжал свою «пропагандистскую и информационную работу» среди своих сторонников, чтобы проинформировать их о причинах отказа в регистрации его кандидатуры и о своем мнении о предстоящих политических событиях в стране (референдум 2004 г.). По пути в г. Хойники автомашина автора была остановлена и обыскана дорожной полицией под тем предлогом, что его машина украдена и находится в розыске. Автор был доставлен в Хойникское районное управление внутренних дел, где у него были изъяты следующие печатные материалы: 1) листовка под названием «Дорогие соотечественники!» (в количестве 479 экземпляров); 2) ксерокопия статьи из газеты «Народная воля» (479 копий); 3) листовка под названием «Пять шагов к лучшей жизни» (479 копий). 10 октября 2004 г. автор вместе с главой инициативной группы г-ном Н.И. был задержан полицейскими в г. Хойники, где он распространял печатные материалы. На этот раз автор был снова доставлен в Хойникское управление внутренних дел, где у него изъяли еще 310 копий каждого из упомянутых в пункте 2.3 печатных материалов, а также 310 экземпляров газеты «Неделя». Впоследствии Хойникский районный суд привлек автора к административному штрафу за незаконное распространение продукции средств массовой информации.

Позиция государства. Государство подтверждает, что Хойникский районный суд Гомельской области признал автора виновным в совершении административного правонарушения по части 8 статьи 172-1 Кодекса об административных правонарушениях и постановил взыскать с него штраф в размере 144 000 рублей (равный шести базовым величинам). В административном протоколе также приводятся документальные доказательства, что в нарушение законодательства о печати и других массовых средствах информации автор незаконно распространял экземпляры газет и листовок. Кроме того, автор не отрицал, что занимался производством и распространением данных печатных

материалов. Поэтому на основе имеющихся в его распоряжении доказательств принятое судьей решение по признанию автора виновным в совершении административного правонарушения является вполне обоснованным. Согласно статьям 28 и 244 этого же Кодекса предметы, представляющие собой прямой объект административного правонарушения, могут быть изъяты и затем конфискованы. Таким образом, доставка автора в отделение полиции с целью составления административного протокола, а также изъятие и последующая конфискация печатных материалов, представляющих собой прямой объект административного правонарушения, являются законными и обоснованными.

Позиция Комитета по правам человека. В этом деле Комитет по правам человека напомнил свое Замечание общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и свободе их выражения, что, как констатировал Комитет, является неотъемлемым условием всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества и являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Любые ограничения этих свобод должны строго отвечать требованию необходимости и соразмерности и «устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют».

Сергей Белязека против Беларуси (сообщение № 1772/2008)

Позиция автора. Автор вместе с другими 30 жителями Витебска, родственники которых были замучены в сталинских лагерях в советской России, приняли участие в гражданской панихиде. Маршрут этого мероприятия предполагал поездку на место расстрела некоторых жертв политических репрессий в районе деревни Поляи с заездом на два кладбища, расположенные вблизи от деревень Вороны и Копти, а также возложение венков и установление креста. Когда участники прибыли на автостоянку, расположенную вблизи от места гражданской панихиды в деревне Поляи, сотрудники милиции потребовали прекратить ее проведение, поскольку присутствовавший там заместитель начальника Витебского районного отдела внутренних дел квалифицировал ее как неразрешенное массовое мероприятие, т.е. «пикетирование». Всех участников доставили в Витебский районный отдел внутренних дел, где на автора сообщения был составлен административный протокол. Он был обвинен в совершении административного правонарушения и привлечен к административной ответственности согласно части 3 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях (нарушение установленного порядка организации или проведения массовых мероприятий или «пикетирования»).

Позиция государства. Правительство Беларуси в этом деле заявило, что суд имел все основания для принятия решения о том, что автор участвовал в публичном выражении личного и иного интереса на стоянке автомашин, расположенной на автодороге Витебск – Лиозно вблизи от деревни Поляи, не обращая должного внимания на порядок проведения массовых мероприятий, предусмотренный в законе «О массовых мероприятиях». Его участие в упомянутом массовом мероприятии подтверждается свидетельскими показаниями и видеозаписью данного мероприятия. Государство также утверждает, что проведение вышеуказанного массового мероприятия не было разрешено ни руководителем, ни заместителем руководителя местного органа исполнительной власти. Оно добавляет, что положения закона «О массовых мероприятиях» направлены на создание условий для осуществления конституционных прав и свобод граждан и что соблюдение этих положений выступает в качестве гарантий защиты общественной безопасности и порядка во время проведения таких массовых мероприятий. Государство-участник делает вывод о том, что заявление автора о нарушении его конституционных прав и международных обязательств Беларуси является необоснованным.

Позиция Комитета по правам человека. В этом деле Комитет принял к сведению утверждения автора о том, что, прервав проведение гражданской панихиды в память жертв сталинских репрессий советской России, власти государства-участника нарушили его право на свободное выражение своего мнения согласно пункту 2 статьи 19 и статьи 21 Пакта, поскольку он был увезен с места проведения этого мероприятия и впоследствии был подвергнут штрафу в размере 620 000 белорусских рублей за публичное выражение личного и иного интереса в ходе несанкционированного «пикетирования». Он отмечает далее утверждение государства-участника о том, что автор был привлечен к административной ответственности в соответствии с положениями части 3 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях за нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник привело довод о том, что положения закона «О массовых мероприятиях» направлены на создание условий для осуществления конституционных прав и свобод граждан и защиты общественной безопасности и общественного порядка в ходе проведения таких массовых мероприятий. Комитет также отмечает утверждение автора, что положения статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях не применяются в его отношении, поскольку они не предусматривают административную ответственность всего лишь за участие в том или ином массовом мероприятии. В этой связи Комитет отмечает, что автор и государство-участник расходятся во мнении о том, является ли данная гражданская панихида «массовым

мероприятием», на которое распространяются положения о «порядке проведения массовых мероприятий», установленном на основании закона «О массовых мероприятиях», запрещают ли положения статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях простое участие в массовом мероприятии и устанавливал ли автор какие-либо флаги или другие символы или пропагандистские материалы. Тем не менее, если даже санкции, примененные в отношении автора, допускаются национальным законодательством, Комитет отмечает, что государство-участник никак не пояснило, почему они являлись необходимыми с точки зрения одной из законных целей, предусмотренных в пункте 3 статьи 19 Пакта, и какую опасность могли бы создать публичные высказывания автора о его негативном отношении к сталинским репрессиям в советской России. Комитет делает вывод о том, что в отсутствие соответствующих разъяснений со стороны государства-участника ограничения, введенные на осуществление права автора на свободу выражения своих мнений, не могут считаться необходимыми для защиты государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*) либо для обеспечения уважения прав или репутации других лиц. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что в данном случае права автора, предусмотренные в пункте 2 статьи 19 Пакта, были нарушены. В этом же контексте Комитет напомнил о том, что права и свободы, изложенные в статье 21 Пакта, не являются абсолютными, а могут подвергаться ограничениям в некоторых ситуациях. Требования второго предложения статьи 21 Пакта предусматривают, что пользование правом на мирное собрание не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются 1) в соответствии с законом и 2) необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. В настоящем деле Комитет должен рассмотреть вопрос о том, оправданными ли являются ограничения, введенные в отношении права автора сообщения на свободу собраний, согласно любому из критериев, изложенных во втором предложении статьи 21 Пакта. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что данные ограничения были введены в соответствии с законом. Однако государство-участник не представило какой-либо информации о том, каким образом на практике почтение памяти жертв сталинских репрессий ущемляет изложенные в статье 21 Пакта интересы государственной или общественной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Соответственно, Комитет делает вывод о том, что в настоящем случае государство-участник также нарушило право автора, предусмотренное статьей 21 Пакта.

*Мария Тульженкова против Беларуси
(сообщение № 1838/2008)*

Позиция автора. Автор распространяла листовки с информацией о предстоящем мирном собрании в Гомеле. Она была арестована сотрудниками органов внутренних дел, и по этому факту был составлен протокол о совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях Беларуси. Указанная статья определяет административную ответственность за нарушение установленного порядка организации или проведения собраний, митингов, демонстраций, уличных шествий и других массовых мероприятий. Автор сообщает, что организация массовых мероприятий регламентируется Законом о массовых мероприятиях в Республике Беларусь. В соответствии со статьей 8 Закона до получения разрешения на проведение массового мероприятия его организатор (организаторы), а также иные лица не вправе сообщать в средствах массовой информации о дате, месте и времени его проведения, изготавливать и распространять с этой целью листовки, плакаты и иные материалы. Поскольку автор сообщения распространяла листовки с информацией о предстоящем мирном собрании, на проведение которого она еще не получила разрешения, сотрудники органов внутренних дел посчитали, что она нарушила закон. Суд Центрального района г. Гомеля признал автора виновной в совершении административного правонарушения в соответствии с частью 1 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях и назначил штраф в размере 350 000 рублей. Суд особенно подчеркнул, что автор объявила о проведении массового мероприятия до получения соответствующего разрешения от властей и тем самым нарушила установленный порядок организации и проведения массовых мероприятий.

Позиция государства. Государство сообщает, что г-жа Тульженкова была привлечена к административной ответственности в соответствии с частью 1 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях Беларуси за нарушение установленного порядка организации и проведения массовых мероприятий. Согласно статье 8 Закона о массовых мероприятиях, до получения разрешения на проведение массового мероприятия его организатор (организаторы), а также иные лица не вправе объявлять в средствах массовой информации о дате, месте и времени его проведения, изготавливать и распространять с этой целью листовки, плакаты и иные материалы. Во время распространения г-жой Тульженковой листовок, в которых содержалась информация о проведении массового мероприятия 25 марта 2008 г., соответствующее разрешение получено не было. Поэтому г-же Тульженковой было назначено административное наказание в соответствии с требованиями национального законодательства.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет в этом деле отметил, что назначенное автору административное наказание за распространение листовок с информацией о предстоящем мирном собрании до получения разрешения на его проведение в соответствии с требованием национального законодательства является необоснованным ограничением ее свободы распространять информацию, которая защищается пунктом 2 статьи 19 Пакта. Комитет также отметил, что в данном случае государство-участник привело довод о том, что положения национального Закона о массовых мероприятиях направлены на создание условий для осуществления конституционных прав и свобод граждан и защиты общественной безопасности и общественного порядка во время проведения таких мероприятий на улицах, площадях и в других общественных местах. Вместе с тем в этом деле государство-участник не представило никаких конкретных пояснений относительно того, какую опасность может представлять заблаговременное распространение информации, содержащейся в листовках автора. Комитет считает, что с учетом обстоятельств данного дела государство-участник не доказало обоснованность назначенного автору штрафа и его соответствие какому-либо из критериев, перечисленных в пункте 3 статьи 19.

*Мечислав Гриб против Беларуси
(сообщение № 1875/2008)*

Позиция автора. Автор жаловался на отказ белорусских властей в выдаче ему лицензии адвоката на том основании, что он был оштрафован за участие в мирном митинге.

Позиция государства. Государство-участник поясняет, что административное правонарушение автора состояло в некотором поведении, несовместимом с функциями адвоката и противоречащем требованиям части 2 статьи 18 Закона об адвокатуре, а также нормам адвокатской этики, которые требуют, чтобы адвокаты действовали в рамках закона и постоянно следовали самым высоким профессиональным стандартам.

Позиция Комитета по правам человека. Комитет в этом деле напомнил, что свобода мнений и их свободное выражение являются необходимыми условиями для полного развития личности, что они необходимы для любого общества и что они являются краеугольным камнем каждого свободного и демократического общества. Права и свободы, закрепленные в статьях 19 и 21 Пакта, не являются абсолютными и могут подвергаться, в определенных обстоятельствах, некоторым ограничениям. Согласно пункту 3 статьи 19, такие ограничения должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц либо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Ана-

логичным образом второе предложение статьи 21 Пакта требует, чтобы использование права на мирные собрания не подлежало никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник ограничилось разъяснениями на тот счет, что штраф на автора был наложен законно в соответствии с положениями Кодекса об административных правонарушениях, что впоследствии привело к невыдаче ему лицензии адвоката в свете положений Закона об адвокатуре. Комитет отмечает, что в то же время государство-участник не представило никаких разъяснений относительно того, каким образом невыдача адвокатской лицензии автору являлась обоснованной и необходимой для целей пункта 3 статьи 19 и/или второго предложения статьи 21 Пакта. В обстоятельствах данного дела и в отсутствие какой-либо иной информации по данному вопросу Комитет считает, что в данном случае были нарушены права автора согласно пункту 2 статьи 19 и статье 21 Пакта.

* * *

В Республике Беларусь сложилась уникальная ситуация: внутригосударственные правоохранительная и судебная системы игнорируют обязательства страны на международном уровне в части обеспечения каждому его права на свободу проведения мирных собраний и свободу выражения мнения, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах. Именно отказ правоохранительной, и в первую очередь судебной, системы встать на защиту прав и свобод своих граждан побуждает потенциальных жертв нарушений обращаться за защитой своих прав в Комитет ООН по правам человека.

Только из Гомельского региона в настоящее время в Комитете ООН по правам человека зарегистрировано и ожидают своего рассмотрения о нарушении права на выражение своего мнения и проведение мирного собрания свыше десяти индивидуальных сообщений граждан (сообщения № 1785/2008 *Олешкевич против Беларуси*, 1836/2008 *Кацора против Беларуси*, 1851/2008 *Секерко против Беларуси*, 1919/2009 *Процко против Беларуси*, 1976/2010 *Кузнецов и другие против Беларуси*, 1982/2010 *Михальченко против Беларуси*, 2019/2010 *Поплавный против Беларуси*, 2103/2011 *Поляков против Беларуси*, 2114/2011 *Судаленко против Беларуси*, 2156/2012 *Непомнящих против Беларуси*, 2168/2012 *Корешков против Беларуси*, 2190/2012 *Судаленко и Поплавный против Беларуси*). Свыше 30 аналогичных сообщений из региона подано в Комитет ООН по правам человека и ожидают своей регистрации.

Роман Кисляк

**ОБРАЩЕНИЕ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СООБЩЕНИЕМ
КАК МЕТОД ПРОВЕДЕНИЯ ПОЗИТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
(ИНГА АБРАМОВА V. РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)**

Проведение в жизнь изменений, направленных на более полное уважение и соблюдение прав человека в государстве, – это всегда довольно сложная задача, которой занимаются многие правозащитные организации и учреждения. Для решения этой задачи используется широкий спектр действий: представление в комитеты ООН докладов, альтернативных регулярным отчетам государств, сбор фактов нарушений и проведение мониторингов, лоббирование принятия политических заявлений международными организациями, инициирование законодательных изменений внутри государства и т.д. Наряду с данными действиями, требующими усилия множества людей и организаций, имеется процедура, которая позволяет одному индивиду не только поднять конкретную системную проблему, но и нередко добиться ее решения. Эта процедура – рассмотрение индивидуальных сообщений (жалоб) в международных органах, которые созданы для контроля соблюдения государствами международных конвенций.

Такая процедура предусмотрена Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (Европейский суд по правам человека) в рамках Совета Европы. Аналогичные процедуры¹ рассмотрения индивидуальных сообщений предусмотрены отдельными конвенциями ООН в сфере защиты прав человека: Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах (Комитет по правам человека), статьей 14 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Комитет по ликвидации расовой дискриминации), статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Комитет против пыток), Факультативным протоколом к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин), Факультативным протоколом к Конвенции о правах инвалидов (Комитет по правам инвалидов), статьей 31 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных

¹ Всего на момент написания статьи было принято 8 процедур, из них 5 реально работают, остальные пока не вступили в силу, так как не набрали нужного количества ратификаций от государств.

исчезновений (Комитет по насильственным исчезновениям), третьим Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка (Комитет по правам ребенка), статьей 77 Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (Комитет по правам трудящихся-мигрантов), Факультативным протоколом к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах (Комитет по экономическим, социальным и культурным правам). Для белорусов в отношении обжалования нарушения своих прав белорусским государством на момент публикации данной статьи открыты пока только две процедуры обращения соответственно в два органа: Комитет по правам человека и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

В рамках такой процедуры один человек может выступить против целого государства. Впервые в международном праве индивид по своим процессуальным возможностям был приравнен к процессуальным возможностям государства, которое нарушило права данного человека. Индивид и государство после возбуждения дела по индивидуальному сообщению становятся равными сторонами, как в судебном процессе, согласно принципу *audiatur et altera pars*². Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы обеспечить процесс рассмотрения сообщения максимально приближенно к судебному разбирательству: беспристрастно.

Вышеназванные комитеты рассматривают индивидуальные сообщения несколько лет. Прежде всего, это связано с тем, что комитеты – это не постоянно действующие органы, они собираются на трехнедельные сессии три раза в год. Также длительность рассмотрения вызвана процедурой письменной коммуникации по делу. В конвенционных органах, как правило, нет устного разбирательства таких обращений³. Вся процедура коммуникации заключается в обмене письменными сообщениями (нотами, комментариями, возражениями) и по времени занимает от шести месяцев до нескольких лет. После завершения коммуникации соответствующий орган может приступить к рассмотрению сообщения с учетом всей полученной от сторон информации. Если Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин приступает к рассмотрению сообщения спустя непродолжительное время после завершения коммуникации и от регистрации сообщения до вынесения решения проходит примерно 2 года. В свою очередь у Комитета по правам человека существуют значительные задержки рассмотрения дел по причине их большого количества. В среднем дела рассматриваются 4–5 лет, хотя

² Пусть будет заслушана и другая сторона (лат.).

³ Такие слушания проходят по наиболее значимым делам в Большой палате Европейского суда по правам человека. В Комитете против пыток ООН в 2012 г. произошел единственный случай устного рассмотрения дела в отношении Казахстана.

есть случаи более длительного рассмотрения (до 9 лет) и более скорого рассмотрения в так называемом приоритетном порядке (примерно 2 года)⁴.

Возможности индивида добиваться восстановления своих прав в процессе индивидуального обращения можно рассмотреть на таком примере. В октябре 2007 г. был запланирован Европейский марш в г. Минске. Молодые люди из различных регионов в качестве распространения информации об этом марше развешивали синие ленточки. При развешивании таких синих ленточек 10 октября в г. Бресте были задержаны два общественных активиста: Юрий Бакур и Инга Абрамова. Так как само развешивание синих ленточек ни преступлением, ни административным правонарушением в Беларуси не является, сотрудники милиции оговорили данных молодых людей в том, что они якобы «ругались нецензурно», и поместили их в ИВС как административно задержанных. На следующий день суд назначил им соответственно 10 и 5 суток административного ареста с отбыванием взыскания в изоляторе временного содержания Ленинского РОВД г. Бреста.

То, что условия содержания в таких изоляторах достаточно жуткие, могут знать только те, кто попадает туда для отбытия взыскания.

Все предыдущие годы туда попадают исключительно либо «мелкие хулиганы» в связи с пьяными семейными конфликтами, которых «сдают» жены или матери, либо подозреваемые по уголовным делам, которые затем освобождаются под подписку или арестовываются и соответственно переводятся в следственный изолятор. Но с 2005 г. (начиная с преследования активистов Союза поляков на Беларуси) в изоляторы в массовом порядке начинают попадать активисты накануне выборов или массовых мероприятий. Такие явления получили названия «хапуны» или «превентивные задержания». По сути, это произвольные задержания (в нарушение пункта 1 статьи 9 МПГПП) с последующим обвинением в «нецензурной брани», которой не было, но о которой свидетельствовали сотрудники милиции и приглашенные ими гражданские лица. Дела фабриковались для того, чтобы интернировать в изоляторы активистов накануне массовых мероприятий с целью уменьшения количества активно протестующих на предстоящей акции. Данные указания, по всей видимости, спускались сверху в местные органы милиции, и если не было конкретных списков лиц, подлежащих такому интернированию, то, соответственно, сотрудники милиции оговаривали первого, кого удалось поймать, так сказать, для «галочки», чтобы продемонстрировать свою «работу» вышестоящему начальству. С 2005 г. общественные активисты стали все более в массовом порядке попадать в ИВС. И если «семейные

⁴ Исключительный случай: рассмотрение дела в течение менее 1 года – дело 2120/2011 *Владислав Ковалев и другие против Беларуси* (см. Приложение 9).

хулиганы» и подозреваемые по уголовным делам, как правило, не рассказывали, как обстоит дело в изоляторах, широкой публике, то общественные активисты, среди которых попадались и молодые начинающие журналисты, не молчали.

Инга Абрамова на момент отбытия 5 суток административного ареста была всего-навсего вчерашней школьницей, которая пробовала себя в журналистике. Для нее такие условия содержания в изоляторе и обращение его персонала стали настоящим шоком. Находясь там, она стала писать эссе о том, что с ней происходило с момента задержания до освобождения. По выходу из изолятора данное эссе было опубликовано местной газетой «Брестский курьер» под названием «Пять суток». Статья вызвала резонанс. Искренность и правдивость повествования заставили одного из членов белорусского парламента направить министру внутренних дел депутатский запрос: почему для отбывающих такие мелкие правонарушения созданы такие жестокие условия содержания? Также стало очевидно, что в подавляющем большинстве белорусских ИВС МВД в качестве персонала работают исключительно мужчины. Поэтому и так жестокие условия содержания для женщин становились еще более невыносимыми. Выяснилось, что проблему эту до сих пор никто ни в МВД, ни в обществе не поднимал. Инга Абрамова начала обжалование своих нарушенных прав, одновременно с ней жалобы стали подавать в Бресте и другие активисты, в том числе и другие девушки. Разбирательство по таким жалобам совпало с разбирательством в МВД по депутатскому запросу. Результаты обжалования активисты публиковали в местных и национальных СМИ.

Из решения по делу: «Автор утверждает, что в камере было холодно; нагреватели были отключены, хотя температура наружного воздуха составляла всего лишь 1 °С. Она утверждает, что содержание в таких условиях равносильно пытке. Камера была оборудована раковиной с холодной водой, а также туалетом. Туалет был расположен внутри камеры и отделен от остальной части камеры с одной стороны маленьким экраном размером 50 на 50 сантиметров. Поэтому если одна из заключенных сидела на кровати напротив туалета, то она могла видеть любого, кто им пользовался. Мужской персонал тюрьмы периодически наблюдал за заключенными через отверстие в двери. Поскольку этот экран не загораживал туалет с двери, они могли наблюдать, как автор пользовалась туалетом. Ей это было неприятно, и она стеснялась пользоваться туалетом в таких обстоятельствах. Она утверждает, что использование туалета, не отделенного должным образом от остальной части камеры, унижало ее достоинство. Она добавляет, что постельные принадлежности были грязными, а камера была полна пауков. Также камера была полна дыма, поскольку соседки являлись курильщицами, а вентиляция

не удаляла запах табака. Плохим являлось и освещение, окошко было маленьким, а стекло настолько грязным, что дневной свет через него не проникал. Она видела дневной свет только один раз за все пять дней ее заключения, когда ей разрешили 15-минутную прогулку снаружи. Свет от лампочки в камере был недостаточен для чтения, и ей приходилось вставать и стоять рядом с ним, чтобы иметь возможность читать. Свет горел круглые сутки, что мешало ей спать. Кормили ее только два раза в день. ...После первой ночи, проведенной в холодной камере, у нее появилась острая боль в спине. По ее просьбе приехала бригада скорой помощи и оказала ей медицинскую помощь. У нее также наблюдалась головная боль и лихорадка. Автор утверждает, что после содержания в таких условиях у нее появилось много проблем со здоровьем. ...До помещения в ИВС автора отвезли на железнодорожный вокзал для обыска. В ИВС не было сотрудниц-женщин для проведения обыска. В момент помещения в изолятор временного содержания один из охранников якобы потыкал в нее пальцем под предлогом проверки того, носит ли она пояс. Она сказала: «Уберите руки». Через секунду он стал тыкать своим пальцем в ее ягодицы. В ответ на ее второе «уберите руки» он заявил, что она должна сказать спасибо, что ее не раздели. Другой охранник якобы угрожал полностью раздеть ее. Охранники постоянно делали унижающие автора замечания. Например, видя, что она читает, стоя рядом с лампочкой, один из охранников заявил, что ей нужно «сходить к психиатру». Несколько раз охранники «шутили», что «ее выведут и застрелят». Кроме того, вместо того чтобы называть ее по имени, они просто выкрикивали «четвертая», поскольку это был номер ее кровати в камере. В какой-то момент тюремщик бросил в общую камеру мертвую крысу. Когда она и ее соседки по камере запрыгнули на свои кровати и стали кричать от страха, охранник засмеялся».

Одновременно с обжалованием несколько женщин направили запрос в УВД: почему в изоляторах нет женского персонала, несмотря на то что минимальные стандарты ООН обращения с заключенными предусматривают вход мужского персонала в «женские» блоки таких изоляторов только в сопровождении женского персонала. Ответ они получили следующий: «это не предусмотрено штатным расписанием изолятора». Таким образом, стало очевидно, что отсутствие женского персонала в ИВС – это результат стереотипа милицмейских руководителей – в подавляющем числе мужчин. «Женская» проблема ИВС МВД просто не замечалась соответствующими милицмейскими руководителями много лет, пока не была поднята Ингой Абрамовой (и некоторыми другими женщинами) сначала перед национальными учреждениями, а затем и на международном уровне, представив в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин индивидуальное сообщение в рамках Факультатив-

ного протокола к Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

**«МИНИМАЛЬНЫЕ СТАНДАРТНЫЕ ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ
С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ**

Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и социальным советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года.

Пункт 53:

1) В заведениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, на хранение которому должны сдаваться ключи, открывающие доступ ко всем помещениям данного отделения.

2) Сотрудники мужского пола допускаются в женское отделение только в сопровождении сотрудников женского пола.

3) Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских заведениях или отведенных для женщин отделениях других заведений».

Особенность настоящего дела в том, что Инга Абрамова подняла данный вопрос нарушения ее гражданских прав (как правило, это право заключенных лиц на гуманные условия содержания и право не подвергаться пыткам и иному жестокому бесчеловечному обращению и наказанию) через вопрос признания дискриминации ее как женщины.

Если ранее это было так называемое «мягкое» международное право, то после рассмотрения данного дела норма стала «жесткой» как гарантия отсутствия нарушения по Женской конвенции. По сути, норма Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН стала нормой договорного права, так как интерпретировалась через норму о запрете дискриминации женщин в рамках Конвенции.

Таким образом, все участники Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обязаны привести условия содержания женщин в соответствие с требованием пункта Минимальных стандартных правил для обеспечения отсутствия дискриминации женщин в нарушение вышеупомянутой Конвенции.

Что касается позитивных системных изменений, то они произошли еще до вынесения решения по делу: должностные лица государственных органов наконец-то «разглядели» эту проблему и в 2010 г. в ИВС, где со-

держалась Инга Абрамова, начали работать две сотрудницы-милиционера. И хотя на официальном уровне Беларусь отказывается признать наличие проблемы, фактически во властных структурах эту проблему увидели и предприняли определенные шаги, по крайней мере, в отношении отдельного изолятора⁵.

Необходимо отметить, что Комитет по ликвидации дискриминации женщин подошел очень серьезно к рассмотрению этой проблемы и выработал целый ряд рекомендаций по приведению в норму ситуации с содержанием женщин в ИВС системы МВД.

Из решения по делу № 23/2009 *Inga Abramova v. Belarus*:

«7.9 Действуя согласно пункту 1 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции, а также в свете всех вышеуказанных обстоятельств, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства согласно статьям 2 (a), (b), (d), (e) и (f), 3 и 5 (a), прочитанным совместно со статьей 1 Конвенции, и Общей рекомендации № 19 (1992) Комитета, и выносит государству-участнику следующие рекомендации:

1. В том, что касается автора сообщения:

Предоставить автору надлежащее возмещение вреда, включая надлежащую финансовую компенсацию, соответствующую тяжести нарушений ее прав.

2. Замечания общего характера:

а) принять меры к обеспечению физической и психологической безопасности женщин-заключенных во всех местах заключения, включая надлежащие помещения и материалы, необходимые для удовлетворения особых потребностей женщин в плане гигиены;

б) обеспечить доступ женщин-заключенных к учитывающему гендерную специфику медицинскому обслуживанию;

с) обеспечить эффективное расследование заявлений женщин-заключенных о дискриминационном, жестоком или унижающем человеческое достоинство обращении и судебное преследование и надлежащее наказание виновных лиц;

д) обеспечить гарантии защиты женщин-заключенных от всех форм злоупотребления, включая злоупотребления по признаку пола, и обеспечить, чтобы досмотр женщин-заключенных и надзор за ними обеспечивали надлежащим образом подготовленные женщины-сотрудники;

е) обеспечить, чтобы персонал, выделенный для работы с женщинами-заключенными, получал подготовку по вопросам потребностей женщин-заключенных и по вопросам их прав человека в соответствии с Конвенцией, а также Правилами Организации Объединенных Наций, ка-

⁵ ИВС Ленинского РОВД г. Бреста.

сающимися обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила);

f) разработать стратегии и всеобъемлющие программы, обеспечивающие удовлетворение потребностей женщин с точки зрения их достоинства и основных прав человека».

В настоящее время идет процедура последующей деятельности (follow up). Между государством и автором ведется коммуникация по поводу имплементации рекомендаций Комитета.

Инга Абрамова запросила сведения о наличии женского персонала в других изоляторах.

Наблюдатели отмечают в 2010 г. увеличение женского персонала и в следственных изоляторах. Если ранее конвоировать заключенных в СИЗО могли только мужчины, то теперь этим разрешено заниматься и женщинам-контролерам. К сожалению, официально эта информация пока не подтверждена ввиду закрытости системы для общества.

Таким образом, всего одна жалоба привела к осознанию необходимости проведения реформ в части содержания женщин в пенитенциарных заведениях нашей страны. И хотя пока не понятно, как будет реально реформирована эта система в Беларуси, очевидно, что процесс таких изменений начался. Пока самое главное достижение в том, что фактически наличие проблемы было признано (пока неофициально) и предприняты определенные шаги по исправлению этих недостатков в сфере содержания женщин в заключении.

Данное дело демонстрирует возможности для проведения системных изменений путем индивидуального обжалования. Очевидно, что этот способ реформирования в сфере прав человека требует наименьшего объема ресурсов и усилий. Одна жалоба (хорошо подготовленная и по наиболее интересному случаю) в соответствующий орган может изменить ситуацию.

Справедливости ради необходимо отметить, что далеко не все проблемы в сфере прав человека в Беларуси можно решить с помощью индивидуального сообщения в комитеты ООН. В рамках стратегической тяжбы решить можно⁶ такие проблемы, которые, с одной стороны, не затрагивают вопросы удержания и безопасного существования нынешней власти, с другой стороны, не требуют значительного давления на власти для изменения status quo. Именно декларирование властями тезиса, что с правами ребенка и правами женщин у нас все отлично и в этой сфере нет никаких проблем, по всей видимости, помогло в данном случае привести к позитивным изменениям. Несмотря на то что от боль-

⁶ Речь идет о Беларуси.

шинства проблем в сфере прав человека сложно избавиться использованием только индивидуальных сообщений в комитеты ООН, существует еще значительное число вопросов, для решения которых будет достаточно хорошо подготовленного и направленного в ООН дела.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖАЛОБ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В КОМИТЕТЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СООТВЕТСТВИИ С ФАКУЛЬТАТИВНЫМ ПРОТОКОЛОМ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ*

23 April 2012 / 23 avril 2012 / 23 апреля 2012 года

	Living cases				Views		
States parties	Pending	Admissible	Inadmissible	Discontinued	Violation (1)	No violation (2)	Total
Albania / Albanie / Албания	0	0	0	0	0	0	0
Algeria /Algérie /Алжир	25	0	1	1	15	0	42
Andorra / Andorre /Андорра	0	0	0	0	0	0	0
Angola /Angola /Ангола	0	0	0	1	2	0	3
Argentina /Argentine /Аргентина	2	0	5	0	4	0	11
Armenia /Arménie /Армения	0	0	1	0	0	0	1
Australia /Australie /Австралия	24	0	32	43	28	6	133
Austria /Autriche /Австрия	3	0	10	1	5	6	25
Azerbaijan /Azerbaidjan /Азербайджан	2	0	0	0	1	0	3
Barbados/Barbade/Барбадос	0	0	3	2	0	0	5
Belarus/Bélarus/Беларусь	81	0	8	9	29	2	129
Belgium/Belgique/Бельгия	1	0	2	0	1	3	7
Benin/Bénin/Бенин	1	0	0	0	0	0	1
Bolivia/Bolivie/Боливия	0	0	0	0	2	0	2
Bosnia & Herzegovina/Босния и Герцеговина	15	0	1	0	0	0	16
Brazil / Brésil / Бразилия	0	0	0	0	0	0	0
Bulgaria/Bulgarie/Болгария	3	0	3	0	0	0	6
Burkina Faso/Burkina Faso/Буркина-Фасо	0	0	0	0	1	0	1
Cameroon/Cameroun/Камерун	3	0	0	0	7	0	10
Canada/Canada/Канада	17	0	82	37	17	12	165
Cap Verde/Cap Vert/Кабо-Верде	0	0	0	0	0	0	0
Central African Republic/ЦАР	0	0	0	0	2	0	2
Chad/Tchad/Чад	0	0	0	0	0	0	0

* В таблице отражены последние опубликованные данные по состоянию на 23 апреля 2012 г. По данным УВКПЧ на 21 января 2013 г. в Комитете по правам человека всего зарегистрировано 2233 дела, а в отношении Беларуси – 145 дел.

Chile/Chili/Чили	0	0	7	2	0	0	9
Colombia/Colombie/Колумбия	8	0	9	6	18	0	41
Congo/Congo/Конго	0	0	0	0	0	0	0
Costa Rica/Costa Rica/Коста-Рика	1	0	1	2	0	0	4
Côte d'Ivoire/Côte d'Ivoire/Кот-д'Ивуар	0	0	1	0	1	0	2
Croatia/Croatie/Хорватия	1	0	1	0	2	0	4
Cyprus/Chypre/Кипр	0	0	4	1	0	0	5
Czech Republic/République tchèque/Республика Чехия	10	0	20	4	29	0	63
Democratic Republic of the Congo/Дем.респ. Конго	3	0	4	3	15	0	25
Denmark/Danemark/Дания	11	0	9	4	2	0	26
Djibouti/Djibouti/Джибути	0	0	0	0	0	0	0
Dominican Republic/Доминиканская Республика	0	0	0	0	3	0	3
Ecuador/Equateur/Эквадор	0	0	0	4	5	0	9
El Salvador/El Salvador/Сальвадор	0	0	0	0	0	0	0
Equatorial Guinea/Guinée équatoriale/Экваториальная Гвинея	0	0	0	0	4	0	4
Estonia/Estonie/Эстония	1	0	0	2	1	3	7
Finland/Finlande/Финляндия	1	0	15	3	5	9	33
France/France/Франция	4	0	45	11	9	12	81
Gambia/Gambie/Гамбия	0	0	0	0	0	0	0
Georgia/Géorgie/Грузия	0	0	0	2	5	0	7
Germany/Allemagne/Германия	0	0	17	1	1	1	20
Ghana/Ghana/Гана	0	0	0	0	0	0	0
Greece/Grece/Греция	0	2	3	0	3	2	10
Guatemala/Guatemala/Гватемала	0	0	0	0	0	0	0
Guinea/Guinée/Гвинея	0	0	0	0	0	0	0
Guyana/ Guyane / Гайана ³	0	0	0	2	10	0	12
Honduras / Honduras / Гондурас	0	0	0	0	0	0	0
Hungary/Hongrie/Венгрия	0	0	5	2	3	1	11
Iceland/Islande/Исландия	0	0	2	1	1	0	4
Ireland/Irlande/Ирландия	0	0	3	0	1	1	5
Italy/Italie/Италия	0	0	10	3	1	1	15
Jamaica / Jamaïque / Ямайка ¹	0	0	39	18	100	20	177
Kazakhstan / Kazakhstan / Казахстан	10	0	0	0	1	0	11
Kyrgyzstan/Kirghizistan/Кыргызстан	5	0	2	0	14	0	21
Latvia/Lettonie/Латвия	1	0	1	2	2	1	7
Lesotho/Lesotho/Лесото	0	0	0	0	0	0	0

Libyan Arab Jamahiriya/Lybie/ Ливия	8	0	1	0	11	0	20
Liechtenstein/Liechtenstein/Лих- тенштейн	0	0	0	0	0	0	0
Lithuania/Lituanie/Литва	3	0	1	1	2	0	7
Luxembourg/Luxembourg/Люк- сембург	0	0	0	0	0	0	0
Madagascar/Madagascar/Мада- гаскар	0	0	0	2	4	0	6
Malawi/Malawi/Малави	0	0	0	0	0	0	0
Maldives / Maldives / Мальдивы	0	0	0	0	0	0	0
Mali / Mali / Мали	0	0	0	0	0	0	0
Malta/Malte/Мальта	0	0	0	0	0	0	0
Mauritius/Maurice/Маврикий	0	1	4	1	1	0	7
Mexico/Mexique/Мексика	0	0	0	0	0	0	0
Moldova / Moldavie / Молдова	0	0	0	0	0	0	0
Mongolia/Mongolie/Монголия	0	0	0	0	0	0	0
Montenegro / Montengro / Черно- гория	0	0	0	0	0	0	0
Namibia/Namibie/Намибия	0	0	1	0	2	0	3
Nepal/Népal/Непал	8	1	0	0	3	0	12
Netherlands/Pays-Bas/Нидер- ланды	6	0	61	3	9	20	99
New Zealand/Nouvelle-Zélande/ Новая Зеландия	2	0	10	8	4	8	32
Nicaragua/Nicaragua/Никарагуа	0	0	1	3	1	0	5
Niger/Niger/Нигер	0	0	0	0	0	0	0
Norway/Norvege/Норвегия	2	0	9	0	3	3	17
Panama/Panama/Панама	0	0	4	7	2	0	13
Paraguay/Paraguay/Парагвай	0	0	0	0	3	0	3
Peru/Pérou/Перу	0	0	0	4	15	1	20
Philippines/Philippines/Филиппины	0	0	2	10	12	2	26
Poland/Pologne/Польша	0	0	4	2	1	2	9
Portugal/Portugal/Португалия	0	0	3	1	2	1	7
Republic of Korea/République de Corée/Республика Корея	3	0	1	1	119	2	126
Romania/Roumanie/Румыния	0	0	0	0	1	1	2
Russian Federation/Fédération de Russie/Российская Федерация	25	1	16	7	15	3	67
Saint Vincent & the Grenadines/ Сент-Винсент и Гренадины	0	0	0	0	1	0	1
San Marino/Saint-Marin/Сан Марино	0	0	0	0	0	0	0
Senegal/Sénégal/Сенегал	0	0	0	0	1	0	1
Serbia/Serbie/Сербия ⁴	0	0	1	0	2	0	3
Seychelles/Seychelles/Сейшелы	0	0	0	0	0	0	0

Sierra Leone/Sierra Leone/Сьерра-Леоне	0	0	0	0	3	0	3
Slovak Republic/Slovaquie/Словакия	2	0	4	0	1	0	7
Slovenia/Slovénie/Словения	0	0	0	0	0	0	0
Somalia/Somalie/Сомали	0	0	0	0	0	0	0
South Africa/Afrique du Sud/Южно-африканская Республика	0	0	0	0	1	1	2
Spain/Espagne/Испания	7	0	70	7	22	13	119
Sri Lanka/Sri Lanka/Шри-Ланка	1	0	5	0	14	0	20
Suriname/Suriname/Суринам	0	0	0	0	8	0	8
Sweden/Suède/Швеция	1	0	5	2	2	6	16
Tajikistan/Tadjikistan/Таджикистан	3	0	2	2	22	0	29
The former Yugoslav Republic of Macedonia	0	0	0	1	0	0	1
Togo/Togo/Toro	0	0	0	0	4	1	5
Trinidad and Tobago/Тринидад и Тобаго ²	0	0	15	8	22	3	48
Tunisia/ Тунис	1	0	0	0	0	0	1
Turkey / Turquie / Турция	0	0	0	0	2	0	2
Turkmenistan/Turkménistan/Туркменистан	4	0	0	1	4	0	9
Uganda/Ouganda/Уганда	0	0	0	0	0	0	0
Ukraine/Ukraine/Украина	4	0	2	5	4	1	16
Uruguay/Uruguay/Уругвай	2	0	6	28	49	1	86
Uzbekistan/Ouzbékistan/Узбекистан	6	0	3	43	32	3	87
Venezuela/Venezuela/Венесуэла	2	0	1	0	1	0	4
Zambia/Zambie/Замбия	2	0	4	3	9	0	18
115	325	5	582	317	764	152	2145*
	330		582	317	916		

330 living cases/cas ouverts/casos vivos

(1) Disclose a Violation / Le Comité a déterminé qu'il y a eu violation / El Comité determinó que hubo violación

(2) Disclose No Violation / Le Comité a déterminé qu'il n'y a pas eu violation / El Comité determinó que no hubo violación

* 2034 registered communications with respect to 84 countries. / 2034 communications enregistrées relatives à 84 pays. / 2034 comunicaciones

Notes

¹ Denunciation by Jamaica took effect on 23 January 1998.

² Denunciation by Trinidad and Tobago of the Optional Protocol took effect on 27 June 2000.

³ The Government of Guyana had initially acceded to the Optional Protocol on 10 May 1993. On 5 January 1999, the Government of Guyana notified the Secretary-General that it had decided to denounce the said Optional Protocol with effect from 5 April 1999. On that same date, the Government of Guyana re-acceded to the Optional Protocol with a reservation.

⁴ The Republic of Serbia succeeded the Republic of Serbia and Montenegro, after the declaration of independence of Montenegro on 3 June 2006.

Приложение 2

СПИСОК ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РАССМОТРЕННЫХ КОМИТЕТОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА Cases v. Belarus

	№ дела	№ по Беларуси	Сессия Комитета	Имя жертвы	Итоговое решение	Устан. нарушение	Номера статей Пакта, о нарушении которых было заявлено
1	780/1997	BLR(01)	68	Laptsevich v. Belarus	views	yes	19(2)
2	921/2000	BLR(06)	74	Dergachev	views	yes	2,14,19
3	886/1999	BLR(04)	77	Schedko	views	yes	6,7,14
4	887/1999	BLR(05)	77	Staselovich	views	yes	6,7,14
5	814/1998	BLR(02)	78	Pastukhov	views	yes	14(1), 25(c)
6	927/2000	BLR(07)	81	Svetik	views	yes	14(3g), 19
7	1207/2003	BLR(21)	84	Malakhovsky & Pikul	views	yes	18(1,3), 22(1,2)
8	1039/2001	BLR(11)	85	Zvozkov et al.	views	yes	2(1),22(1,2),26
9	1274/2004	BLR(24)	86	Korneenko	views	yes	14(1),22(1,2),26
10	1009/2001	BLR(09)	87	Shchetko	views	yes	19(2,3),25
11	1022/2001	BLR(10)	87	Velichkin	views	yes	19(2)
12	1047/2002	BLR(12)	88	Sinitsin	views	yes	25(b) в связи с 2
13	1100/2002	BLR(13)	88	Bandajevski	views	yes	9,10,14,19
14	1342/2005	BLR(28)	88	Gavrilin	views	no	2 (1,2), 9 (1,4), 11, 14, 15 (1), 26
15	1296/2004	BLR(25)	90	Belyatsky et al.	views	yes	14(1),22(1,2),26
16	1178/2003	BLR(20)	94	Smantser	views	yes	7,10(1),9(1,2,3,4), 14(1,2,3b,3c,3d)
17	1553/2007	BLR(37)	95	Korneenko & Milinkevich	views	yes	14(1),19,25,26
18	1311/2004	BLR(26)	96	Osiyuk Ivan	views	yes	14(3b,3d,3e)
19	1392/2005	BLR(34)	97	Loukyanchik	views	yes	2,14(1),25(b)
20	1502/2006	BLR(35)	99	Marinich	views	yes	7,9(1), 10, 14(1,2,3a,3b), 15, 17, 19, 22
21	1377/2005	BLR(32)	99	Katsora	views	yes	14(1),19(1,2),26
22	1354/2005	BLR(30)	100	Sudalenko	views	yes	2,14(1),25(a,b),26
23	1383/2005	BLR(32)	100	Katsora et al.	views	yes	14(1),22,26
24	1390/2005	BLR(33)	100	Koreba	views	yes	2(3), 7, 10(2b), 14(2,3e,3g,4)

25	1604/2007	BLR(39)	101	Zalesskaya	views	yes	19(2,3), 21, 26
26	1812/2008	BLR(52)	102	Levinov	views	no	7, 10, 9(3), 14(1,2,3b), 19, 26
27	1316/2004	BLR(27)	103	Gryb	views	yes	2, 14, 19, 21, 26
28	1838/2008	BLR(59)	103	Tulzhenkova	views	yes	19(2)
29	1772/2008	BLR(45)	104	Belyazeka	views	yes	19(2),21
30	1820/2008	BLR(54)	104	Krasovskaya et al.	views	yes	2(3),6,7
31	1750/2008	BLR(44)	104	Sudalenko	views	yes	19(2)
32	1226/2003	BLR(22)	105	Korneenko	views	yes	19,22,25
33	1784/2008	BLR(47)	105	Shumilin	views	yes	19(2)
34	1790/2008	BLR(50)	105	Govsha, Syritsa & Mezyak	views	yes	19, 21
35	1867/2009, 1936, 1975, 1977-1981, 2010/2010	BLR(63, 74, 80, 82-86,101)	105	Levinov	views	yes	19(2)
36	2120/2011	BLR(125)	106	Kovalev et al.	views	yes	6, 7, 9(3), 14(1,2,3b,3g,5)
37	1836/2008	BLR(57)	106	Katsora	views	yes	2,19,21
38	1830/2008	BLR(55)	106	Pivonos	views	yes	19(2),21

views: 38

decisions

Inadmissible

1	1161/2003	BLR(19)	91	Kharkhal v. Belarus	decision	6(1),14(5)
2	1358/2005	BLR(30)	92	Korneenko	decision	14(1),25,26
3	1537/2006	BLR(36)	97	Gerashchenko	decision	14,26
4	1994/2010	BLR(98)	101	I.S.	decision	8(3a), 14(1)
5	1814/2008	BLR(53)	102	P.L.	decision	2,5,14(1),19,26
6	1749/2007	BLR(43)	103	V.S.	decision	18, 14(1)
7	1634/2007	BLR(42)	104	Korneenko	decision	2,14,22
8	1606/2007	BLR(40)	104	E.I.	decision	2,7,9,14
9	2169/2012	BLR(136)	106	S.K.	decision	14,19

decision: 9

Актуально на 16.12.2012

Обзор подготовил Роман Кисляк

38 Соображений (36:2)

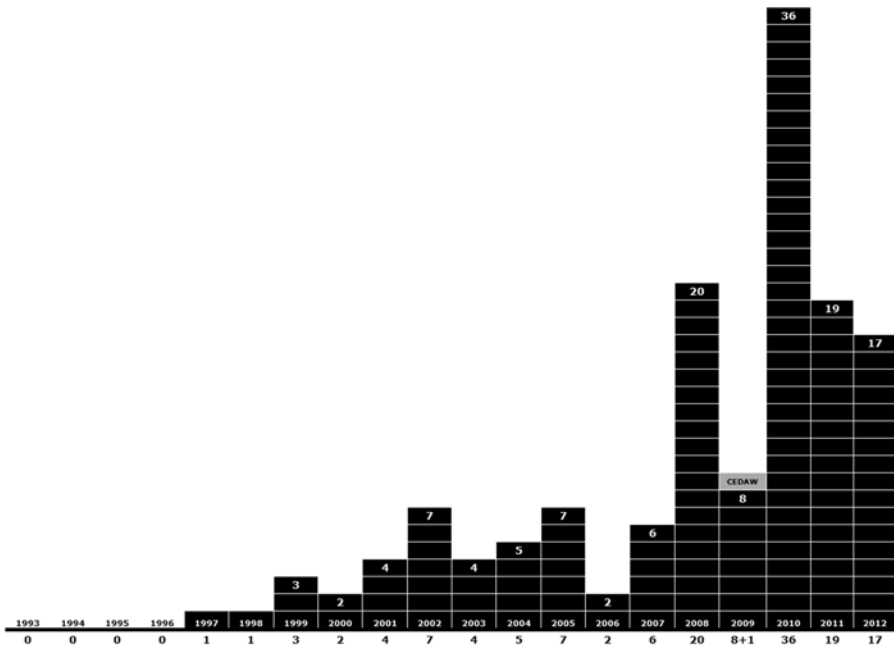
46 Дел, рассмотренных по
существу (44:2)

9 Решений о неприемлемости

9 Прекращенных дел

ДИНАМИКА РЕГИСТРАЦИИ ДЕЛ ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СООБЩЕНИЯМ В ДОГОВОРНЫХ ОРГАНАХ ООН В ОТНОШЕНИИ БЕЛАРУСИ ПО ГОДАМ

(в Комитете ООН по правам человека и в Комитете ООН
по ликвидации дискриминации в отношении женщин)

По состоянию на 5 ноября 2012 года 142 дела зарегистрировано в HRC. Из них 17 дел зарегистрировано в 2012 году.

Одно дело в отношении Беларуси было зарегистрировано в Комитете по ликвидации дискриминации женщин (CEDAW).

Обзор подготовил
правозащитник *Роман Кисляк*

**КОЛИЧЕСТВО
ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ И РАССМОТРЕННЫХ ДЕЛ
В КОМИТЕТЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН
В ОТНОШЕНИИ БЕЛАРУСИ ПО ГОДАМ
(по состоянию на 5 ноября 2012 года)¹**

Годы	Количество зарегистрированных дел	Количество рассмотренных дел ¹
1992	—	—
1993	—	—
1994	—	—
1995	—	—
1996	—	—
1997	1	—
1998	1	—
1999	3	—
2000	2	1
2001	4	—
2002	7	1
2003	4	3
2004	5	1
2005	7	2
2006	2	6
2007	6	2
2008	20	2
2009	8	4
2010	36	5
2011	19	7
2012	17	21
ВСЕГО	142	55

Рассмотрено по существу (views)²: 46 дел.

Признано неприемлемыми (decisions): 9 дел.

Прекращено с вынесением непубличных решений: 9 дел.

Всего законченных (рассмотренных или прекращенных): 64 дела.

Всего «живых»: 78 дел.

ИТОГО: всех зарегистрированных: 142 дела.

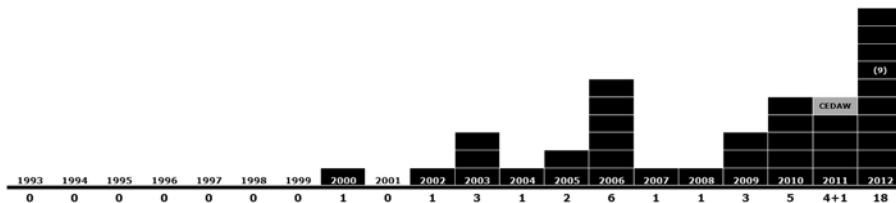
Обзор подготовил правозащитник *Роман Кисляк*

¹ В данной колонке таблицы приведены только дела, по которым вынесены окончательные публичные решения: по существу (views) – 46 и о неприемлемости (decisions) – 9. В колонке не учитываются дела, по которым приняты непубличные решения Комитета: о приемлемости и о прекращении дела – 9. Данные по состоянию на 19.09.2012 года.

² На 105-й сессии 9 дел были объединены и рассмотрены совместно с вынесением одного общего решения: *Павел Левинов против Беларуси*. Поэтому количество дел, рассмотренных по существу (46), и вынесенных соображений (38) не совпадает.

ДИНАМИКА РАССМОТРЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СООБЩЕНИЙ ПО СУЩЕСТВУ В КОМИТЕТАХ ООН В ОТНОШЕНИИ БЕЛАРУСИ ПО ГОДАМ

(в Комитете ООН по правам человека и в Комитете ООН
по ликвидации дискриминации в отношении женщин)

Всего рассмотрено 46 дел по существу в Комитете по правам человека (по двум делам не установлены нарушения, в остальных 44 установлены нарушения Пакта) и одно дело в Комитете по ликвидации дискриминации в отношении женщин (установлены нарушения Конвенции).

В одном деле, рассмотренном в 2012 году на 105-й сессии, были объединены 9 дел одного и того же автора (9 зарегистрированных индивидуальных сообщений): 1867/2009, 1936/2010, 1975/2010, 1977/2010, 1978/2010, 1979/2010, 1980/2010, 1981/2010 и 2010/2010 *Павел Левин* против Беларуси.

9 дел признано неприемлемыми Комитетом по правам человека с вынесением публичных решений и 9 дел было прекращено без вынесения публичных решений (не приводятся в таблице).

Обзор подготовил
правозащитник *Роман Кисляк*

**ЗАМЕЧАНИЕ ОБЩЕГО ПОРЯДКА № 31 [80]
ХАРАКТЕР ОБЩЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА,
НАЛАГАЕМОГО НА ГОСУДАРСТВА-УЧАСТНИКИ ПАКТА**

Организация Объединенных Наций

CCPR/C/21/Rev. 1/Add. 13

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
27 May 2012
Russian
Original: English

**Комитет по правам человека
Восмидесятая сессия**

**Замечание общего порядка № 31 [80]
Характер общего юридического обязательства, налагаемого
на государства-участники Пакта**

Принято 29 марта 2004 года (2187-е заседание)

1. Настоящее Замечание общего порядка заменяет собой Замечание общего порядка № 3, отражая и развивая его принципы. Содержащиеся в пункте 1 статьи 2 Пакта общие положения о недискриминации затрагивались в Замечании общего порядка № 18 и Рамечании общего порядка № 28, и данное Замечание общего порядка подлежит совместному с ними прочтению.

2. Если даже статья 2 сформулирована в выражениях, предполагающих наличие обязательств государств-участников перед отдельными лицами как правообладателями по настоящему Пакту, верно и то, что каждое государство-участник с юридической точки зрения заинтересовано в выполнении всеми другими государствами-участниками своих обязательств. Это проистекает из того факта, что «нормы, касающиеся основных прав человеческой личности», являются обязательствами *erga omnes* и что, как указывается в четвертом пункте преамбулы Пакта, по Уставу Организации Объединенных Наций государства обязаны поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека. Кроме того, согласительный характер договора подразумевает, что любое государство-участник договора несет перед каждым другим государством-участником обязательство выполнять свои обязанности по Договору. В

этой связи Комитет напоминает государствам-участникам о желательности с их стороны заявления, предусмотренного в статье 41. Он также напоминает тем государствам-участникам, которые уже сделали такое заявление, о потенциальном значении использования процедуры, предусмотренной этой статьей. Однако тот простой факт, что к государствам-участникам, сделавшим заявление в соответствии со статьей 41, может применяться официальный межгосударственный механизм подачи жалоб в Комитет по правам человека, не означает, что данная процедура представляет собой единственный метод, с помощью которого государства-участники могут настаивать на своей заинтересованности в соблюдении положений Пакта другими государствами-участниками. Напротив, предусмотренную статьей 41 процедуру следует рассматривать как подкрепляющую, а не ослабляющую заинтересованность государств-участников в выполнении другими государствами-участниками своих обязательств. Исходя из этого, Комитет рекомендует государствам-участникам учесть то соображение, что нарушения предусмотренных Пактом прав каким-либо государством-участником заслуживают их внимания. Привлечение внимания к возможным нарушениям установленных Пактом обязательств другими государствами-участниками и предложение соблюдать их обязательства по Пакту следует рассматривать как отражение всеобщей законной заинтересованности, а отнюдь не как недружественный акт.

3. В статье 2 определяется сфера охвата юридических обязательств, принимаемых на себя государствами-участниками Пакта. На государства-участники налагается общее обязательство уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте (см. пункт 10 ниже). Согласно принципу, сформулированному в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров, государства-участники обязаны добросовестно выполнять свои обязательства по Пакту.

4. Обязательства по Пакту в целом и по статье 2 в частности являются юридически обязательными для каждого государства-участника в целом. Действия всех ветвей государственного управления (исполнительной, законодательной и судебной) и других органов государственной или правительственной власти любого уровня (национального, областного или местного) могут повлечь за собой ответственность государства-участника. Исполнительная ветвь государственной власти, которая обычно представляет государство-участника на международном уровне, в том числе и в Комитете, не может ссылаться на то обстоятельство, что действие, несовместимое с положениями Пакта, было осуществлено другой

ветвью власти в качестве оправдания для освобождения государства-участника от ответственности за указанное действие и имевшее в результате этого место нарушение Пакта. Такое понимание проистекает непосредственно из содержащегося в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров принципа, согласно которому государство-участник «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». Хотя в пункте 2 статьи 2 государствам-участникам разрешается осуществлять признаваемые в Пакте права в соответствии со своими конституционными процедурами, этот же принцип работает и на то, чтобы не дать государствам-участникам возможности ссылаться на положения конституционного права или других отраслей внутреннего права для оправдания несоблюдения или невыполнения обязательств по договору. В этом отношении Комитет напоминает государствам-участникам, имеющим федеративную структуру, положения статьи 50 Пакта, согласно которым его постановления «распространяются на все части федеративных государств без каких бы то ни было ограничений или изъятий».

5. Предусмотренное в пункте 1 статьи 2 обязательство уважать и обеспечивать права, признаваемые в Пакте, имеет прямое действие для всех государств-участников. В пункте 2 статьи 2 обеспечивается арочная структура, в рамках которой должны поощряться и защищаться права, перечисленные в Пакте. Исходя из этого, Комитет ранее указал в своем Замечании общего порядка № 24, что оговорки к статье 2 будут несовместимы с Пактом с точки зрения его объекта и целей.

6. Юридическое обязательство по пункту 1 статьи 2 является одновременно негативным и позитивным по своей природе. Государства-участники обязаны воздерживаться от нарушения прав, признаваемых в Пакте, и любое ограничение любого из этих прав должно быть допустимым соответствующими положениями Пакта. Когда такие ограничения имеют место, государства обязаны доказывать их необходимость и принимать только такие меры, которые требуются для достижения законных целей с точки зрения обеспечения непрерывной и эффективной защиты прав по Пакту. Ни при каких обстоятельствах ограничения не могут применяться или осуществляться таким образом, чтобы это нарушало существо признанного в Пакте права.

7. Статья 2 содержит требование о том, чтобы государства-участники принимали законодательные, судебные, административные, просветительные и иные соответствующие меры для выполнения своих юридических обязательств. Комитет считает важным повышать уровень ос-

ведомленности о Пакте не только государственных должностных лиц и государственных служащих, но также и всего населения.

8. Предусмотренные в пункте 1 статьи 2 обязательства юридически связывают государства-участники и как таковые не имеют прямой горизонтальной силы с точки зрения международного права. Пакт нельзя рассматривать как замену внутреннего уголовного или гражданского законодательства. Однако позитивные обязательства государств-участников по обеспечению соблюдения предусмотренных Пактом прав будут выполнены полностью только в том случае, если люди будут защищены государством не только от нарушения предусмотренных Пактом прав представителями государства, но и от актов, совершаемых частными лицами или негосударственными образованиями, наносящими ущерб осуществлению предусмотренных Пактом прав в той мере, в какой они могут применяться в отношениях между частными лицами или негосударственными образованиями. Могут иметь место такие обстоятельства, при которых необеспечение признаваемых в Пакте прав, как это требуется положениями статьи 2, приведет к нарушениям государствами-участниками этих прав в результате попустительства со стороны государств-участников, или непринятия ими необходимых мер, или неосуществления должной предусмотрительности в целях предупреждения, наказания, расследования или компенсации вреда, причиненного такими действиями со стороны частных лиц или негосударственных образований. Государствам надлежит помнить о взаимосвязи между позитивными обязательствами, налагаемыми статьей 2, и необходимостью обеспечить в соответствии с пунктом 3 статьи 2 эффективные средства судебной защиты в случае нарушений. В некоторых статьях самого Пакта предусматриваются определенные области существования позитивного обязательства государств-участников, касающегося регулирования деятельности физических лиц или негосударственных образований. Например, защиты со стороны закона требует гарантированное в статье 17 невмешательство в личную жизнь. Аналогичным образом из статьи 7 непрямо вытекает, что государства-участники должны принимать позитивные меры, для того чтобы частные лица или негосударственные образования не подвергали пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию других подвластных им лиц. По смыслу статьи 26 подлежат защите от различных видов дискриминации лица в областях, касающихся основных аспектов текущей жизни, таких как трудовые отношения или право на жилище.

9. Бенефициарами прав, признаваемых в Пакте, являются отдельные лица. Хотя, за исключением статьи 1, в Пакте не перечислены права юри-

дических лиц или сходных с ними образований или сообществ, многие из прав, признанных в Пакте, таких как свобода иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору (статья 18), свобода ассоциации с другими (статья 22) или права представителей меньшинств (статья 27), могут реализовываться сообща с другими лицами. Тот факт, что компетенция Комитета получать и рассматривать сообщения ограничивается теми из них, которые представляются отдельными лицами или от их имени (статья 1 Факультативного протокола), не мешает таким лицам утверждать, что действия или бездействие, затрагивающие юридических лиц и сходные с ними образования, представляют собой нарушение их собственных прав.

10. Согласно пункту 1 статьи 2, от государств-участников требуется уважать и обеспечивать признаваемые в Пакте права всем лицам, находящимся в пределах их территории, и всем лицам, находящимся под их юрисдикцией. Это означает, что государство-участник обязано уважать и обеспечивать любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, права, признаваемые в Пакте, даже если лицо не находится на территории государства-участника. Как указывается в Замечании общего порядка № 15, принятом на двадцать седьмой сессии (1986 год), возможность пользоваться предусмотренными в Пакте правами имеют не только граждане государств-участников, но и все лица независимо от их гражданства или отсутствия такового, которые могут оказаться на территории или под юрисдикцией государства-участника, т.е. такие лица, как просители убежища, беженцы, трудящиеся-мигранты или иные категории лиц. Этот принцип применим также к лицам, находящимся в рамках компетенции или под эффективным контролем сил государства-участника, действующих за пределами его территории, независимо от обстоятельств, при которых была установлена такая компетенция или эффективный контроль, как, например, в случае сил, представляющих собой национальный контингент государства-участника, выделенный для участия в международной операции по поддержанию или укреплению мира.

11. Как указывается в Замечании общего порядка № 29¹, положения Пакта применяются также и в ситуациях вооруженного конфликта, к которым применимы нормы международного гуманитарного права. Даже если в отношении некоторых предусмотренных Пактом прав может быть уместно применение более конкретных норм международного гумани-

¹ Замечание общего порядка № 29 о чрезвычайном положении, принято 24 июля 2001 года; воспроизводится в Годовом докладе за 2001 год, A/56/40, приложение VI, пункт 3.

тарного права для целей толкования прав, закрепленных в Пакте, эти две правовые сферы являются взаимодополняющими, а не исключающими друг друга.

12. Кроме того, предусмотренное в статье 2 обязательство государств-участников уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах их территории и под их контролем лицам признаваемые Пактом права влечет за собой обязательство не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта, будь то в страну, в которую планируется выдворить данное лицо, или в любую страну, в которую данное лицо может быть выслано впоследствии. Соответствующие судебные и административные власти должны быть поставлены в известность о необходимости обеспечения соблюдения устанавливаемых Пактом обязательств в подобных вопросах.

13. Пункт 2 статьи 2 налагает на государства-участники обязательство предпринимать необходимые шаги для обеспечения соблюдения признаваемых в Пакте прав во внутреннем законодательстве. Это означает, что, если только признаваемые в Пакте права уже не защищены во внутреннем законодательстве или практике государств-участников, от них требуется при ратификации Пакта внести во внутреннее законодательство и практику такие изменения, которые необходимы для обеспечения их соответствия положениям Пакта. Статья 2 требует, чтобы в случае наличия расхождений между положениями внутреннего законодательства и Пакта внутреннее законодательство или практика были изменены таким образом, чтобы они соответствовали стандартам, устанавливаемым предусмотренными в Пакте существенными гарантиями. Статья 2 разрешает государству-участнику принимать необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и, соответственно, не требует, чтобы Пакт путем инкорпорации его в национальное законодательство мог прямо применяться в судах. Комитет со своей стороны придерживается того мнения, что гарантируемые в Пакте права могут быть лучше защищены в государствах, в которых Пакт автоматически или через соответствующую процедуру инкорпорации становится частью внутренней правовой системы. В целях содействия полному осуществлению признаваемых в Пакте прав в соответствии со статьей 2 Комитет призывает те государства-участники, в которых Пакт не является частью внутренней правовой системы, рассмотреть вопрос

об инкорпорации Пакта, с тем чтобы сделать его частью внутреннего права.

14. Провозглашаемое в пункте 2 статьи 2 обязательство принимать меры для обеспечения реализации признаваемых в Пакте прав является абсолютным обязательством непосредственного действия. Несоблюдение этого обязательства не может быть оправдано какими бы то ни было внутренними соображениями политического, социального, культурного или экономического характера.

15. В пункте 3 статьи 2 содержится требование о том, чтобы наряду с эффективной защитой признаваемых в Пакте прав государства-участники обеспечивали любым лицам доступные и эффективные средства правовой защиты для восстановления нарушенных прав. Такие средства правовой защиты должны соответствующим образом адаптироваться, с тем чтобы учитывать особую уязвимость некоторых категорий лиц, включая, в частности, детей. Комитет придает большое значение тому, чтобы государства-участники создавали надлежащие судебные и административные механизмы для рассмотрения жалоб на нарушение прав во внутреннем законодательстве. Комитет отмечает, что осуществление признаваемых в Пакте прав может быть эффективным образом обеспечено судами различными способами, включая прямое применение положений Пакта, применение сопоставимых конституционных или иных положений закона или же путем ссылок на положения Пакта при применении положений национального законодательства. Особенно важное значение для выполнения общего обязательства по скорейшему, тщательному и эффективному расследованию утверждений о нарушениях прав с помощью независимых и беспристрастных органов имеют административные механизмы. Непринятие государством-участником мер для проведения расследования утверждений об имевших место нарушениях само по себе может стать отдельным нарушением Пакта. Важнейшим элементом права на эффективное средство правовой защиты является прекращение длящегося нарушения.

16. Пункт 3 статьи 2 требует, чтобы государства-участники обеспечивали возмещение лицам, права которых, признаваемые в Пакте, были нарушены. Без обеспечения возмещения лицам, права которых, признаваемые в Пакте, были нарушены, обязательство обеспечения эффективного средства судебной защиты, занимающее центральное место в обеспечении эффективности пункта 3 статьи 2, останется невыполненным. Наряду с ясно выраженным требованием возмещения в пункте 5 статьи 9 и пункте 6 статьи 14 Комитет считает, что Пактом предусматривается,

как правило, обязательство выплаты соответствующей компенсации. Комитет отмечает, что в соответствующих случаях возмещение может представлять собой реституцию, реабилитацию и такие меры сатисфакции, как публичные извинения, публичные церемонии, гарантии неповторения и внесение изменений в соответствующие законы и практику, а также привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в нарушениях прав человека.

17. В целом непризнание наличия вытекающего из статьи 2 обязательства принимать меры для предупреждения повторения нарушений Пакта противоречило бы его целям. Поэтому в своих соображениях по делам, рассматриваемым в соответствии с Факультативным протоколом, Комитет нередко отмечает необходимость принятия мер, направленных не только на обеспечение возмещения конкретному потерпевшему, но и на необходимость недопущения повторения рассматриваемого нарушения. Такие меры могут потребовать внесения изменений в законы и практику государства-участника.

18. В тех случаях, когда в результате расследований, о которых говорится в пункте 15, вскрываются нарушения некоторых признаваемых в Пакте прав, государства-участники обязаны обеспечить привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в нарушении указанных прав. Как и в случае непроведения расследования, непривлечение к ответственности лиц, виновных в совершении таких нарушений, может само по себе стать отдельным нарушением Пакта. Эти обязательства возникают, в частности, в случае нарушений, признаваемых уголовными, будь то по внутреннему или международному праву, таких как пытки и сходное с ними жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение (статья 7), казни без надлежащего судебного разбирательства и произвольные казни (статья 6) и насильственные исчезновения (статьи 7 и 9 и, зачастую, статья 6). Кроме того, важным фактором, ведущим к повторению нарушений, может служить проблема безнаказанности лиц, виновных в совершении таких нарушений, – вопрос, который неизменно вызывает обеспокоенность у Комитета. В тех случаях, когда совершаемые нарушения представляют собой часть широко распространенных или систематических нападений на гражданское население, эти нарушения положений Пакта являются преступлениями против человечности (см. Римский статут Международного уголовного суда, статья 7).

В силу этого в тех случаях, когда государственные должностные лица или государственные служащие совершают нарушения признаваемых в Пакте прав, о которых говорится в настоящем пункте, соответствующие

государства-участники не имеют права освобождать лиц, виновных в совершении этих нарушений, от личной ответственности, как это имело место в ряде случаев применения амнистии (см. Замечание общего порядка № 20 (44)) и имевших ранее место случаев предоставления иммунитета и освобождения от наказания. Кроме того, никакое должностное положение не может служить оправданием для того, чтобы лица, которые могут быть признаны виновными в совершении таких нарушений, пользовались иммунитетом от привлечения к юридической ответственности. Следует также устранить и другие препятствия на пути установления юридической ответственности, такие как ссылки на исполнение приказа вышестоящего начальника или чрезмерно короткие сроки давности в тех случаях, когда такие сроки применяются. Государствам-участникам надлежит также оказывать друг другу помощь в привлечении к судебной ответственности лиц, подозреваемых в совершении нарушений Пакта, которые являются наказуемыми в соответствии с внутренним или международным правом.

19. Кроме того, Комитет считает, что право на эффективное средство судебной защиты может при определенных обстоятельствах потребовать от государств-участников обеспечения и осуществления временных или промежуточных мер для недопущения продолжения нарушений и принятия мер по возмещению в возможно кратчайшие сроки любого вреда, который мог быть причинен такими нарушениями.

20. Даже в тех случаях, когда в правовых системах государств-участников официально предусмотрено предоставление надлежащей судебной защиты, нарушения прав, признаваемых в Пакте, все равно имеют место. Это, по-видимому, связано с неспособностью механизмов судебной защиты действовать эффективно на практике. Поэтому государствам-участникам предлагается представлять в своих периодических докладах информацию о препятствиях на пути эффективного использования имеющихся средств правовой защиты.

**ЗАМЕЧАНИЕ ОБЩЕГО ПОРЯДКА № 33
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ
ПО ФАКУЛЬТАТИВНОМУ ПРОТОКОЛУ
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ПАКТУ О ГРАЖДАНСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ**

Организация Объединенных Наций

CCPR/C/GC/33*

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
25 June 2009
Russian
Original: English

**Комитет по правам человека
Девяносто четвертая сессия
Женева, 13–31 октября 2008 года**

**Замечание общего порядка № 33
Обязательства государств-участников
по Факультативному протоколу к Международному пакту
о гражданских и политических правах**

1. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах был принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения тем же актом Генеральной Ассамблеи, резолюцией 2200 А (XXI) от 16 декабря 1966 года, которым был принят сам Пакт. Пакт и Факультативный протокол вступили в силу 23 марта 1976 года.

2. Хотя Факультативный протокол органически связан с Пактом, он не вступает в силу автоматически для всех государств-участников Пакта. В статье 8 Факультативного протокола предусматривается, что государства-участники Пакта могут стать участниками Факультативного протокола лишь посредством отдельного выражения согласия на то, чтобы быть связанными его положениями. Большинство государств-участников Пакта стали также участниками и Факультативного протокола.

3. В преамбуле к Факультативному протоколу говорится, что он предназначен для «дальнейшего достижения целей» Пакта путем предостав-

* Переиздано по техническим причинам.

ления Комитету по правам человека, учреждаемому в части IV Пакта, возможности «принимать и рассматривать, как предусмотрено в настоящем Протоколе, сообщения от отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений какого-либо из прав, изложенных в Пакте».

В Факультативном протоколе излагается процедура, а на государства-участников Факультативного протокола налагаются вытекающие из этой процедуры обязательства в дополнение к их обязательствам по Пакту.

4. В статье 1 Факультативного протокола предусматривается, что государство-участник Факультативного протокола «признает компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте». Из этого следует, что государства-участники не должны препятствовать доступу к Комитету и обязаны предотвращать любые репрессалии против любого лица, представившего Комитету сообщение.

5. В статье 2 Факультативного протокола содержится требование о том, что лица, представляющие Комитету сообщения, обязаны исчерпать все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В своем ответе на сообщение государство-участник, если оно полагает, что это условие не было выполнено, обязано указать, какие имеющиеся эффективные средства правовой защиты автор сообщения не исчерпал.

6. Хотя этот термин в Факультативном протоколе или Пакте не встречается, лицо, представившее сообщение Комитету согласно Факультативному протоколу, Комитет по правам человека называет «автором». Комитет употребляет термин «сообщение», приводимое в статье 1 Факультативного протокола, вместо таких терминов, как «жалоба» или «петиция», хотя последний термин отражен в действующей административной структуре Управления Верховного комиссара по правам человека, где сообщения, представляемые согласно Факультативному протоколу, первоначально рассматриваются подразделением, именуемым «Группа по петициям».

7. Эта терминология отражает и характер роли Комитета по правам человека в качестве инстанции, принимающей и рассматривающей то или иное сообщение. При условии, что сообщение после его рассмотрения с учетом всех письменных данных, представленных ему отдельным лицом и заинтересованным государством-участником, сочтено

приемлемым, «Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу»¹.

8. Первое обязательство государства-участника, в отношении которого то или иное лицо выступает с утверждением согласно Факультативному протоколу, состоит в том, чтобы ответить на это сообщение в течение шести месяцев, оговоренных в пункте 2 статьи 4. В эти сроки «получившее уведомление государство представляет... Комитету письменные объяснения или заявления, разъясняющие этот вопрос и любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством». В правилах процедуры Комитета эти положения получают дальнейшее развитие, включая возможность в исключительных случаях отдельно рассматривать вопросы приемлемости сообщения и его существо².

9. Отвечая на сообщение, которое, как представляется, касается вопроса, возникшего до того, как Факультативный протокол вступил в силу для этого государства-участника (правило *ratione temporis*), государство-участник обязано конкретно сослаться на это обстоятельство, включая любое замечание в отношении возможного «продолжающегося эффекта» допущенного в прошлом нарушения.

10. Опыт Комитета свидетельствует о том, что государства не всегда соблюдают это свое обязательство. Когда государство, являющееся предметом сообщения, не отвечает на то или иное сообщение или отвечает на него не полностью, оно само ставит себя в невыгодное положение, поскольку в таком случае Комитет вынужден рассматривать сообщение в отсутствие полной информации в отношении этого сообщения. При таких обстоятельствах Комитет может прийти к выводу о том, что содержащиеся в сообщении утверждения являются правдивыми, если с учетом всех обстоятельств они кажутся обоснованными.

11. Хотя при рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет по правам человека не выступает в роли судебного органа как такового, соображениям, распространяемым Комитетом согласно Факультативному протоколу, присущи некоторые основные черты судебного решения. Они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета,

¹ Пункт 4 статьи 5 Факультативного протокола.

² Пункт 2 правила 97 Правил процедуры Комитета по правам человека, CCPR/C/3/Rev.8, 22 сентября 2005 года.

взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений.

12. В пункте 4 статьи 5 Факультативного протокола решения Комитета названы «соображениями»³. В этих решениях излагаются выводы Комитета в отношении нарушений, о которых сообщает автор сообщения, а если факт нарушения установлен, предлагается средство правовой защиты от этого нарушения.

13. Соображения Комитета по Факультативному протоколу представляют собой авторитетное определение, выносимое учрежденным в соответствии с самим Пактом органом, на который возложена задача толкования этого документа. Характер этих соображений и придаваемое им значение вытекают из ключевой роли Комитета согласно Пакту и Факультативному протоколу.

14. В соответствии с пунктом 3 (а) статьи 2 Пакта каждое государство-участник обязуется «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Это составляет основу формулировки, которую Комитет последовательно употребляет при распространении своих соображений в тех случаях, когда факт нарушения установлен:

«В соответствии с пунктом 3 (а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, и согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечить эффективное и действенное средство правовой защиты. В связи с этим Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, которые были им приняты для реализации соображений Комитета».

15. Характер соображений Комитета определяется и обязательством государств-участников действовать добросовестно как в рамках их участия в процедуре согласно Факультативному протоколу, так и в от-

³ Во французском языке употреблен термин «constatations», а в испанском — «observaciones».

ношении самого Пакта. Обязанность сотрудничать с Комитетом вытекает из применения принципа добросовестного выполнения всех договорных обязательств⁴.

16. В 1997 году Комитет постановил в контексте своих Правил процедуры назначить члена Комитета в качестве Специального докладчика по последующей деятельности в связи с сообщениями⁵. Этот член посредством письменных представлений, а часто и посредством личных встреч с дипломатическими представителями соответствующего государства-участника настоятельно призывает к соблюдению сообщений Комитета и обсуждает факторы, которые могут препятствовать их осуществлению. В ряде случаев эта процедура приводила к признанию и осуществлению сообщений Комитета в ситуациях, когда до этого препровождение этих сообщений не вызывало никакой реакции.

17. Следует отметить, что неосуществление тем или иным государством-участником сообщений Комитета в каждом конкретном случае становится достоянием гласности посредством публикации решений Комитета, среди прочего, в его ежегодных докладах Генеральной Ассамблеи.

18. Некоторые государства-участники, которым препровождались сообщения Комитета в связи с касавшимися их сообщениями, отказывались признать сообщения Комитета полностью или частично или пытались возобновить рассмотрение дела. В одних случаях такая реакция имела место тогда, когда государство-участник, проигнорировав свое обязательство реагировать на сообщение согласно пункту 2 статьи 4 Факультативного протокола, не принимало участие в процедуре. В других случаях государство-участник полностью или частично отвергало сообщения Комитета уже после своего участия в процедуре, в рамках которой его аргументы были в полной мере учтены Комитетом. Во всех таких случаях Комитет полагает, что диалог между Комитетом и государством-участником на предмет осуществления сообщений продолжается. Этот диалог проводит Специальный докладчик по последующей деятельности, который регулярно докладывает Комитету о достигнутом прогрессе.

19. Автор может просить о принятии мер или же Комитет по собственной инициативе может определить меры в тех случаях, когда государство-участник предприняло или грозит предпринять действия,

⁴ Статья 26, Венская конвенция о праве договоров 1969 года.

⁵ Правило 101 Правил процедуры Комитета по правам человека.

которые, как представляется, могут причинить непоправимый ущерб автору или жертве, если эти действия не будут отменены или приостановлены до всестороннего рассмотрения сообщения Комитетом. В качестве примеров можно привести вынесение приговора о смертной казни и нарушение принципа невысылки. Для того чтобы иметь возможность удовлетворять эти потребности по Факультативному протоколу, Комитет установил в рамках своих Правил процедуры процедуру запроса в соответствующих случаях предварительных или временных мер защиты⁶. Непринятие таких предварительных или временных мер несовместимо с обязательством добросовестно соблюдать процедуру рассмотрения индивидуального сообщения согласно Факультативному протоколу.

20. В большинстве государств нет специальных законов, позволяющих учитывать соображения Комитета во внутренней правовой системе. Вместе с тем во внутреннем законодательстве некоторых государств предусматривается выплата жертвам компенсации за установленные международными органами нарушения прав человека. В любом случае государства-участники обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом соображений.

⁶ Правило 92 (ранее правило 86) Правил процедуры Комитета по правам человека (см. ССРР/С/3/Rev.8, 22 сентября 2005 года):

«Комитет может, до представления своих соображений по поводу сообщения соответствующему государству-участнику, сообщить этому государству свои соображения относительно того, желательны ли предварительные меры во избежание непоправимого ущерба жертве предполагаемого нарушения. При этом Комитет информирует соответствующее государство-участник о том, что такое выражение его соображений относительно предварительных мер не предполагает заключения по существу сообщения».

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича
на нарушение его конституционных прав
пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413
и частями первой и пятой статьи 415
Уголовно-процессуального кодекса
Российской Федерации**

город Санкт-Петербург

28 июня 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, Н.В. Селезнева, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи С.Д.Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.А.Хорошенко,

установил:

1. Гражданин А.А.Хорошенко, осужденный приговором Пермского областного суда от 13 октября 1995 года к смертной казни, замененной впоследствии в порядке помилования на пожизненное лишение свободы, 15 июня 2003 года обратился в Комитет по правам человека с сообщением о нарушении Российской Федерацией его прав, закрепленных пунктами 1 и 3 статьи 2, пунктами 1 и 2 статьи 6, статьей 7, пунктами 1–4 статьи 9, пунктом 1 статьи 10, пунктами 1, 2 и подпунктами «а» – «е», «g» пункта 3 статьи 14, пунктом 1 статьи 15 и статьей 26 Международного пакта о гражданских и политических правах, по результатам рассмотрения которого 29 марта 2011 года Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, принял Соображения, констатирующие нарушение Российской Федерацией прав А.А.Хорошенко, закрепленных статьей 6 Международного пакта

о гражданских и политических правах в совокупности с его статьями 7, пунктами 1–4 статьи 9, пунктом 1 и подпунктами «а», «b», «d», «g» статьи 14. По мнению Комитета по правам человека, эти нарушения выразились в том, что:

на основное судебное разбирательство не были допущены представители общественности, в частности родственники заявителя и других обвиняемых, при отсутствии к этому достаточных причин, таких как соображения морали, общественный порядок, государственная безопасность, интересы частной жизни сторон, или если, по мнению суда, это необходимо при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия;

прокуратурой и судом не было проведено незамедлительное беспристрастное расследование по жалобам заявителя на жестокое обращение (побои и пытки со стороны сотрудников милиции, в результате которых он был вынужден сделать заявления, подтверждающие версию событий следствия);

при аресте заявителя до него не были доведены основания ареста и какие бы то ни было обвинения; ему не были разъяснены права, включая право не давать показаний против себя самого и право на бесплатную юридическую помощь; заявитель не представлял перед должностным лицом суда в целях определения законности его ареста; заявитель был арестован и содержался под стражей без достаточных доказательств принадлежности его к банде или иной организованной преступной группировке, исходя из чего лишение его свободы не соответствовало законам государства-участника;

о некоторых обвинениях заявителю не сообщали в течение 25 суток после ареста, а об остальных обвинениях сообщили по окончании досудебного разбирательства; заявителю не было предоставлено достаточно времени и условий для подготовки защиты в связи с тем, что у него не всегда была возможность свободно и конфиденциально встречаться со своим адвокатом в ходе досудебного разбирательства; ему не были предоставлены копии протокола судебного заседания непосредственно после вынесения приговора судом первой инстанции; несмотря на неоднократные просьбы заявителю не были предоставлены некоторые документы, которые он считал важными для своей защиты; объем бумаги, выделенной ему для подготовки кассационной жалобы в суд второй инстанции, был ограничен.

Исходя из этого Комитет по правам человека, руководствуясь подпунктом «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, пришел к выводу, что Российская Федерация обязана обеспечить А.А.Хорошенко эффективное средство правовой защиты, включая проведение полного и тщательного расследования по

обвинениям в пытках и жестоком обращении и возбуждение уголовного преследования против тех, кто несет ответственность за такое обращение с ним, повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом, предоставление надлежащего возмещения, включая компенсацию, и принятие мер для недопущения подобных нарушений в будущем. Комитет по правам человека также просил Российскую Федерацию опубликовать названные Соображения и установил срок (180 дней), в течение которого хотел бы получить от нее информацию о мерах, принятых в целях их исполнения.

Полагая, что Соображения, как содержащие указание на проведение повторного судебного разбирательства при соблюдении всех гарантий в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, являются основанием для отмены или изменения вынесенного в отношении него приговора, А.А.Хорошенко обратился с соответствующими заявлениями в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а затем в

Верховный Суд Российской Федерации с просьбой о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

В письме от 26 сентября 2011 года исполняющий обязанности начальника отдела управления по обеспечению участия прокуроров в надзорной стадии уголовного судопроизводства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, отказывая А.А.Хорошенко в удовлетворении его просьбы, указал, что официальное обращение Комитета по правам человека в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с предложением устранить нарушения по делу заявителя не поступало, а отмена или изменение состоявшихся судебных решений относится к компетенции суда.

Судья Верховного Суда Российской Федерации письмом от 3 ноября 2011 года возвратил А.А.Хорошенко его заявление без рассмотрения, сославшись на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает возможности пересмотра в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а такой акт, как Соображения Комитета по правам человека, не является основанием для пересмотра судебных решений в порядке, установленном главой 49 УПК Российской Федерации (ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.А.Хорошенко оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: пункта 5 статьи 403, устанавливающей порядок рассмотрения надзорных жалоб и представлений, части четвертой статьи 413, предусматривающей перечень оснований для возобновления производства по уголовному делу

ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, и частей первой и пятой статьи 415, регулирующей порядок возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения противоречат статьям 15 (часть 4), 18, 21, 45, 46 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку необоснованно ограничивают его право на судебную защиту, не допуская возможности пересмотра постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации в порядке надзора для исправления судебной ошибки и не признавая Соображения Комитета по правам человека в качестве основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

2. Из содержания статей 15 (часть 4), 17 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся наряду с международными договорами Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 46 (части 2 и 3), 50 (часть 3) и 118 (части 1 и 2), устанавливающими, что правосудие осуществляется только судом, в том числе посредством уголовного судопроизводства, на основе равенства всех перед законом и судом, и предоставляющими право на обжалование и пересмотр неправосудных судебных решений, а также право на обращение в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, следует, что конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

Названные положения Конституции Российской Федерации согласуются с положениями Всеобщей декларации прав человека (статьи 8, 10 и 11), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в силу которых каждый человек при определении его прав и обязанностей и при установлении обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Раскрывая содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что судебная защита прав и свобод предполагает в том числе обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право. При этом институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения и вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

Европейский Суд по правам человека в своей практике также исходит из того, что отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера. Как указывается в ряде его решений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам для исправления ошибок уголовного судопроизводства, в том числе для исправления существенного (фундаментального) нарушения или ненадлежащего отправления правосудия; процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства; лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что у него не было возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет решающее значение в деле (постановления от 18 ноября 2004 года по делу «Праведная против России», от 12 июля 2007 года по делу «Ведерникова против России» и от 23 июля 2009 года по делу «Сутяжник против России»).

3. Федеральный законодатель, реализуя возложенные на него статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия, предусмотрел в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в целях создания механизма эффективного

восстановления нарушенных прав при отправлении правосудия по уголовным делам процедуры пересмотра неправосудных решений – в апелляционной и кассационной инстанциях, которые рассматривают дела по апелляционной (кассационной) жалобе или представлению на приговоры и иные судебные решения, не вступившие в законную силу (глава 44, статьи 361–372; глава 45, статьи 373–389), и в качестве дополнительной гарантии законности и обоснованности судебных решений – производство по пересмотру вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, а именно производство в надзорной инстанции (глава 48, статьи 402–412) и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (глава 49, статьи 413–419).

Вопрос о конституционности положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, осуществляемый в порядке надзора и в процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, уже ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации, который по итогам его рассмотрения пришел к следующим выводам.

Данный способ обеспечения правосудности судебных решений по уголовным делам, используемый в случаях, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты, призван гарантировать справедливость судебных актов как необходимое условие судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также поддержания баланса таких ценностей, как справедливость и стабильность судебных актов.

Возобновление производства по уголовному делу – в отличие от пересмотра судебных решений в порядке надзора – осуществляется в связи с выявлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду и не могли быть им учтены. С учетом этого возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования новых для суда обстоятельств, в том числе таких фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

Вместе с тем возможно использование механизма пересмотра вступившего в законную силу приговора в процедуре возобновления произ-

водства по уголовному делу и в случае, когда после исчерпания возможностей судебного надзора будет выявлена неправоисудность приговора, явившаяся результатом либо игнорирования собранных доказательств, нашедших отражение в материалах дела, либо их ошибочной оценки, либо неправоисудного применения закона.

Конституция Российской Федерации, формулируя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством может признаваться окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено. Именно такой вывод вытекает из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Международные акты, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14), предусматривающий возможность пересмотра окончательных решений судов, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, закрепляют более широкие возможности для исправления судебных ошибок, чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Приведенная международно-правовая норма, в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являющаяся составной частью правовой системы России, имеет приоритет перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок.

Ограничение круга оснований к возобновлению уголовного дела в целях пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делает невозможными обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов граждан и иных лиц, что приводит к нарушению положений Конституции Российской Федерации (статьи 2, 17, 18, 45 и 46), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6; статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола № 7), из которых вытекает необходимость пересмотра судебного решения, если обнаруживается какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство, которое не может не повлиять на существо этого решения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и от 16 мая 2007 года № 6-П; определения Конституционного Суда Россий-

ской Федерации от 9 апреля 2002 года № 28-О, от 10 июля 2003 года № 290-О, от 4 декабря 2007 года № 962-О-О и др.).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и согласно статье 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются обязательными для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти на всей территории Российской Федерации.

4. Комитет по правам человека образован в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах для наблюдения и контроля за выполнением обязательств, принятых на себя государствами – участниками данного международного договора (статьи 28, 40 и 41). Согласно Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах государство – участник Пакта, которое становится участником указанного Протокола, признает компетенцию Комитета по правам человека принимать и рассматривать письменные сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте, при условии исчерпания всех имеющихся внутренних средств правовой защиты (статьи 1 и 2 Протокола).

При принятии сообщений от отдельных лиц Комитет по правам человека доводит их до сведения участвующего в Протоколе государства, которое, как утверждается, нарушает какое-либо из положений Пакта; получившее соответствующее уведомление государство представляет в течении шести месяцев Комитету письменные объяснения или заявления, разъясняющие этот вопрос, и любые меры, если таковые имели место, которые могли быть приняты этим государством (статья 4 Протокола); по результатам рассмотрения сообщений в закрытом заседании Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (статья 5 Протокола). Сложившаяся в деятельности Комитета по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений практика свидетельствует, что в случае установления нарушений он в своих соображениях предлагает соответствующему государству обеспечить лицу, признанному жертвой нарушения какого-либо из прав, изложенных в Международном пакте о гражданских и политических правах, те или иные эффективные средства правовой защиты (выплатить надлежащую компенсацию, провести повторное судебное разбирательство, немедленно освободить лицо, признанное жертвой, из-под стражи и др.). При этом сам Комитет в Замечаниях общего порядка № 33 «Обязательства государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах»

(ССПР/С/GC/33, 25 июня 2009 года) отмечал, что, хотя при рассмотрении индивидуальных сообщений он не выступает в роли судебного органа как такового, таким сообщениям присущи некоторые основные черты судебного решения: они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая независимость и беспристрастность членов Комитета, имеют окончательный характер и представляют собой авторитетное определение, в котором предлагается средство защиты от установленного нарушения; государства-участники в любом случае обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом сообщений (пункты 11–13 и 20).

Согласно правилу 101 Правил процедуры Комитета по правам человека (ССПР/С/3/Rev.8, 27 сентября 2005 года) после сообщения Комитетом своих сообщений заинтересованным государству-участнику и лицу Комитет назначает специального докладчика, осуществляющего процедуру последующей деятельности с целью установить, какие меры приняты государством-участником по их реализации; специальный докладчик может вступать в такие контакты и принимать такие меры, которые необходимы для надлежащего выполнения мандата на последующую деятельность, а также выносит рекомендации о принятии Комитетом дальнейших необходимых мер и регулярно представляет доклады о результатах последующей деятельности Комитету, который, в свою очередь, представляет Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций через Экономический и Социальный Совет ежегодный доклад о своей работе, куда включает и краткий отчет о своей деятельности в соответствии с Факультативным протоколом (статья 45 Пакта и статья 6 Протокола).

Несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников сообщений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения сообщений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 марта 2012 года № 8-П, Российская Федерация, обладая государственным суверенитетом (преамбула; статья 3, часть 1; статья 4, часть 1, Конституции Российской Федерации), является самостоятельным

и равноправным участником межгосударственного общения и одновременно, объявляя себя демократическим правовым государством (статья 1, часть 1, Конституции Российской Федерации), должна следовать добровольно принятым на себя в рамках международных соглашений обязательствам, что подтверждается положениями Венской конвенции о праве международных договоров, в силу которых каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, обязательность которых для него невозможна без выражения соответствующего согласия (статьи 6 и 11), каждый договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно исполняться (статья 26), при этом участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (статья 27).

В силу общепризнанного принципа международного права «*pacta sunt servanda*» и по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на соображения Комитета по правам человека, в том числе в случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу лица, чье сообщение послужило основанием для принятия Комитетом соответствующего Соображения.

Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

5. В соответствии со статьей 413 УПК Российской Федерации вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено

ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (часть первая); новыми обстоятельствами являются признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, применяемого судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации; установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод либо иные нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также иные новые обстоятельства (часть четвертая).

Право возбуждения производства ввиду новых обстоятельств, не связанных с решениями Конституционного Суда Российской Федерации или Европейского Суда по правам человека, принадлежит прокурору; поводами для возбуждения производства ввиду новых обстоятельств могут быть сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел (части первая и вторая статьи 415 УПК Российской Федерации); при этом пересмотр обвинительного приговора ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в пользу осужденного никакими сроками не ограничен (часть первая статьи 414 УПК Российской Федерации).

Из содержания приведенных положений уголовно-процессуального закона во взаимосвязи со статьями 15 (часть 4), 17 (часть 1), 45 и 46 Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющих свою силу решениях, вытекает, что принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные Комитетом нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу приговора (определения, постановления) суда и восстановления прав и законных интересов граждан и иных лиц. По сути, это нашло подтверждение и в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которому при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта.

При этом не исключается право федерального законодателя иным образом урегулировать механизм правового, в том числе уголовно-процессуального, реагирования на соображения Комитета по правам человека, принятые по индивидуальным сообщениям находящихся под юрисдикцией Российской Федерации лиц и констатирующие нарушение Российской Федерацией какого-либо из прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Что касается оспаривания конституционности пункта 5 статьи 403 УПК Российской Федерации, то А.А. Хорошенко уже обращался по данному вопросу в Конституционный Суд Российской Федерации, который Определением от 29 сентября 2011 года № 1226-О-О отказал в принятии его жалобы к рассмотрению, поскольку она не отвечала требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой. Вновь поднимая вопрос о проверке соответствия пункта 5 статьи 403 УПК Российской Федерации Конституции Российской Федерации, А.А.Хорошенко каких-либо новых аргументов в обоснование своего утверждения о его неконституционности не приводит, а потому данная жалоба в этой части, как фактически направленная на пересмотр ранее вынесенного Конституционным Судом Российской Федерации решения, в силу статей 79, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не является допустимой.

6. Таким образом, оспариваемые заявителем законоположения в системе действующего правового регулирования не исключают возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании соображений Комитета по правам человека, принятых по результатам изучения индивидуальных сообщений и содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, и в силу этого не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя.

Проверка же законности и обоснованности правоприменения, имевшего место в деле заявителя, связана с установлением и исследованием фактических обстоятельств его уголовного преследования и к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан, как они определены в статье 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
№ 1248-О

В.Д. Зорькин

**СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО ДЕЛУ № 2120/2011 ВЛАДИСЛАВ КОВАЛЕВ, ЛЮБОВЬ
КОВАЛЕВА И ТАТЬЯНА КОЗЯР ПРОТИВ БЕЛАРУСИ**

Организация Объединенных Наций

CCPR/C/106/D/2120/2011

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
27 November
2012
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сообщение № 2120/2011

**Соображения, принятые Комитетом на его 106-й сессии
(15 октября – 2 ноября 2012 года)**

<i>Представлено:</i>	Любовью Ковалевой и Татьяной Козяр (представлены адвокатом Романом Кисляком)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения и Владислав Ковалев, соответственно их сын и брат
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	14 декабря 2011 года
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилами 92 и 97, препровожденное государству- участнику 15 декабря 2011 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия соображений:</i>	29 октября 2012 года
<i>Тема сообщения:</i>	вынесение смертного приговора после несправед- ливого судебного разбирательства
<i>Процедурные вопросы:</i>	полномочие действовать от лица предполагаемой жертвы; отказ государства-участника от сотрудниче- ства и невыполнение просьбы Комитета о принятии временных мер; отсутствие достаточной обоснован- ности жалоб; неисчерпанность внутренних средств правовой защиты

Вопросы существа:

произвольное лишение жизни; пытки и жестокое обращение; произвольное лишение свободы; право в срочном порядке быть доставленным к судье; право на справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом; право на презумпцию невиновности; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься со своим защитником; право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; право на пересмотр осуждения и приговора вышестоящей судебной инстанцией; временные меры во избежание нанесения непоправимого ущерба предполагаемой жертве; право на свободу мысли, совести и религии; нарушение обязательств по Факультативному протоколу

Статьи Пакта:

пункты 1 и 2 статьи 6; статья 7; пункты 1 и 3 статьи 9; пункты 1, 2, 3 (b), 3 (g) и 5 статьи 14; статья 18

Статьи Факультативного протокола:

статьи 1 и 2 и пункт 2 (b) статьи 5

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (106-я сессия)

относительно

Сообщения № 2120/2011¹

<i>Представлено:</i>	Любовью Ковалевой и Татьяной Козяр (представлены адвокатом Романом Кисляком)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения и Владислав Ковалев, соответственно их сын и брат
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	14 декабря 2011 года

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах, на своем заседании 29 октября 2012 года, завершив рассмотрение сообщения № 2120/2011, представленного Комитету по правам человека Любовью Ковалевой и Татьяной Козяр в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщения и государством-участником, принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1.1 Авторами сообщения являются Любовь Ковалева и Татьяна Козяр, обе гражданки Беларуси. Они представляют это сообщение от своего лица и от лица Владислава Ковалева, гражданина Беларуси, 1986 года рождения (соответственно их сына и брата), который на момент представления этого сообщения содержался в камере смертников после вынесения ему смертного приговора Верховным Судом Беларуси. Авторы утверждают, что г-н Ковалев является жертвой нарушения Беларусью его

¹ В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Ядх Бен Ашур, г-жа Кристина Шане, г-н Корнелис Флинтерман, г-н Юдзи Ивасава, г-н Вальтер Келин, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-н Джеральд Л. Нойман, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Фабиан Омар Сальвиоли, г-н Марат Сарсембаев, г-н Кристер Телин и г-жа Марго Ватервал.

прав, предусмотренных в пунктах 1 и 2 статьи 6, статье 7, пунктах 1 и 3 статьи 9 и в пунктах 1, 2, 3 (b), 3 (g) и 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах². Авторы утверждают также, что они сами являются жертвами нарушения статей 7 и 18. Авторы представлены адвокатом Романом Кисляком.

1.2 В ходе регистрации сообщения 15 декабря 2011 года Комитет в соответствии с правилом 92 своих правил процедуры, действуя через своего Специального докладчика по временным мерам и новым сообщениям, обратился к государству-участнику с просьбой не приводить в исполнение смертный приговор г-ну Ковалеву, пока Комитет рассматривает его дело. Эта просьба о применении временных мер защиты была впоследствии подтверждена 27 января, 14 февраля, 1 марта и 15 марта 2012 года.

1.3 14 февраля 2012 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по временным мерам и новым сообщениям, решил рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения совместно с его рассмотрением по существу.

1.4 15 марта 2012 года в ответ на вербальную ноту государства-участника от 15 марта 2012 года³ Председатель Комитета подтвердил просьбу Комитета о применении временных мер, обратив внимание государства-участника на то, что отказ от применения временных мер является нарушением обязательств государств-участников о добросовестном сотрудничестве в связи с Факультативным протоколом к Пакту.

1.5 19 марта 2012 года авторы сообщили Комитету о приведении в исполнение смертного приговора г-ну Ковалеву. В этот же день Комитет опубликовал пресс-релиз, в котором он выразил сожаление в связи с этой казнью.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы утверждают, что 30 ноября 2011 года Верховный Суд Беларуси, выступая в качестве суда первой инстанции, признал г-на Ковалева виновным в совершении злостного хулиганства; в умышленном уничтожении и повреждении имущества, совершенном общеопасным способом; в незаконных приобретении, ношении, хранении и сбыте взрывчатых веществ, хранении, ношении и перевозке взрывного устройства группой лиц по предварительному сговору, совершенных повторно; в недонесении о достоверно готовящемся особо тяжком преступлении, о лице, совершившем это преступление, и о месте нахождения такого лица; в пособничестве в совершении терроризма, сопряженного с убий-

² Факультативный протокол вступил в силу для Беларуси 30 декабря 1992 года.

³ См. пункты 6.1–6.3.

ством людей, повлекшем причинение тяжких и иных телесных повреждений, особо крупного ущерба и иных тяжких последствий.

2.2 Г-н Ковалев был признан виновным в этих преступлениях, совершенных, как сообщается, в период с 2000 по 2011 год, в том числе в пособничестве другому подсудимому, г-ну К., в совершении терактов 11 апреля 2011 года на станции метро «Октябрьская» в городе Минске. Он был приговорен к смертной казни через расстрел без конфискации имущества. В момент представления этого сообщения он находился в камере смертников в следственном изоляторе (СИЗО) Комитета государственной безопасности Беларуси. 7 декабря 2011 года г-н Ковалев в присутствии своего адвоката подготовил доверенность, разрешающую его матери, г-же Ковалевой, действовать от его лица, а также письменную просьбу о заверении этого документа, которая была передана начальнику СИЗО. Хотя адвокату сообщили, что этот документ будет готов на следующий день, его так и не предоставили ни ему, ни г-же Ковалевой. Она подала соответствующие жалобы начальнику СИЗО, Председателю Комитета государственной безопасности, Генеральному прокурору и заместителю Председателя Верховного Суда, однако никаких действий не последовало⁴.

2.3 Авторы утверждают, что решение Верховного Суда от 30 ноября 2011 года не подлежало обжалованию. 7 декабря 2011 года г-н Ковалев направил Президенту Беларуси прошение о помиловании. Авторы утверждают, что, поскольку ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора и прошение о помиловании являются дискреционными процедурами, они исчерпали все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что г-н Ковалев был арестован 12 апреля 2011 года и содержался под стражей в ожидании судебного рассмотрения его дела с 12 апреля 2011 года по 15 сентября 2011 года, когда он был впервые доставлен к судье. Они заявляют, что задержка сроком более пяти месяцев до того, когда он был доставлен к судебному должностному лицу, является чрезмерно долгой и не соответствует требованию о срочной доставке к судье, указанному в пункте 3 статьи 9 Пакта, а значит, является нарушением прав г-на Ковалева в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 9 Пакта.

3.2 Авторы также утверждают, что в нарушение статьи 7 и пункта 3 (g) статьи 14 Пакта на г-на Ковалева оказывали физическое и психологическое давление, чтобы принудить его к признанию себя виновным. Сотрудники Главного управления по борьбе с организованной преступ-

⁴ Авторы представили копии соответствующих жалоб.

ностью разговаривали с ним в отсутствие адвоката. В результате оказываемого давления г-н Ковалев дал признательные показания, которые, как сообщается, послужили основанием для признания его виновным. До очной ставки с другим подсудимым следователь сообщил ему, что, если он изменит свои показания в ходе слушания его дела в суде, обвинение будет настаивать на вынесении смертного приговора или приговора к пожизненному лишению свободы, а если он признает свою вину, он будет отбывать ограниченный срок лишения свободы.

3.3 Впоследствии г-н Ковалев в ходе слушания его дела в суде отказался от своего признания, заявив, что он не виновен и что его признательные показания были даны под давлением⁵. Авторы утверждают, что, за исключением признания, суду не было представлено никаких доказательств вины г-на Ковалева. Видеозапись с изображением мужчины с сумкой, которая использовалась в качестве доказательства по этому делу и на которой, согласно стороне обвинения, изображен другой подсудимый, переносивший взрывное устройство, как сообщается, является фальсификацией и не может считаться подлинной. Авторы также утверждают, что правоохранительные органы заявляют, будто травмы на теле г-на Ковалева, засвидетельствованные в ходе расследования (кровоподтеки на голове в районе правого виска и на подбородке, синяки на руках от ударов твердыми тупыми предметами, а также синяки на плечах и коленях)⁶, появились в результате применения силы в ходе его задержания. Однако авторы утверждают, что никакой силы не применялось, поскольку в момент задержания г-на Ковалева тот спал и сотрудники правоохранительных органов в масках разбудили его⁷. В доказательство того, что г-ну Ковалеву не было причинено никаких телесных повреждений в ходе задержания, авторы ссылаются на его фотографию, сделанную 12 апреля 2011 года после его задержания (относится к материалам предварительного следствия)⁸, а также на видеозапись его показаний, которая транслировалась по официальному телевидению после его задержания и на которой он изображен сидящим на полу квартиры с

⁵ Это подтверждается протоколом судебного заседания (выдержки содержатся в материалах дела).

⁶ Хотя авторы не смогли предоставить копию заключения судебно-медицинской экспертизы от 13–25 апреля 2011 года, подтверждающего наличие этих травм, они предоставили копию статьи выпуска № 40 (814) «БелГазеты» от 10 октября 2011 года, в которой указано, среди прочего, что адвокат обратил внимание суда на травмы г-на Ковалева и зачитал заключение судебно-медицинской экспертизы, согласно которому на его подбородке, правом виске, руках, предплечьях и коленях имелись синяки от ударов твердыми тупыми предметами.

⁷ Г-н Ковалев заявил в ходе судебного разбирательства, что его разбудили сотрудники правоохранительных органов в масках. Это подтверждается протоколом судебного заседания (выдержки содержатся в материалах дела).

⁸ Авторы предоставили соответствующую фотографию.

руками, скованными наручниками за спиной. Ни на этой фотографии, ни на этой видеозаписи не видны травмы, засвидетельствованные в ходе судебно-медицинской экспертизы 13 апреля 2011 года. Это подтверждает, что на г-на Ковалева оказывалось давление после его задержания в нарушение запрета на пытки и его права не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным в соответствии со статьей 7 и пунктом 3 (g) статьи 14 Пакта.

3.4 Авторы далее утверждают, что суд был пристрастным и нарушил принцип независимости и беспристрастности, предусмотренный пунктом 1 статьи 14 Пакта. Они считают, что на суд оказывалось давление: вход в здание суда, помимо сотрудников милиции, контролировали другие неизвестные люди в штатском, которые отказались назвать себя. Как сообщается, они, очевидно, были сотрудниками спецслужб. Они допрашивали людей, входивших в зал заседания, и могли не допустить или даже задержать лиц, которые пришли на судебное заседание. Это создавало атмосферу страха и свидетельствует о том, что на суд оказывалось давление, а также о нарушении принципа публичности судебного разбирательства. Суд также нарушил принцип беспристрастности и равенства состязательных возможностей, поскольку он отклонил большинство ходатайств защиты, но при этом удовлетворил все ходатайства, поданные обвинением.

3.5 После задержания г-на Ковалева и перед вынесением ему обвинительного приговора судом несколько государственных должностных лиц выступили с публичными заявлениями о его виновности в нарушение принципа презумпции невиновности. Официальные СМИ также активно распространяли информацию о его виновности, в частности информационное агентство БЕЛТА (Белорусское телеграфное агентство), которое представляло широкой общественности материалы предварительного следствия в виде совершившегося факта⁹ задолго до рассмотрения судом этого дела, что спровоцировало негативное отношение к г-ну Ковалеву в обществе как к уже официально признанному преступнику. Кроме того, в ходе всего процесса он содержался в металлической клетке, а фотографии, изображающие его за металлической решеткой в зале заседания¹⁰, публиковались в местных печатных изданиях. Такие действия, несомненно, провоцировали негативное отношение общественности к г-ну Ковалеву и побудили суд вынести ему смертный приговор. Авторы напоминают, что согласно пункту 30 Замечания общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и три-

⁹ Авторы представили, среди прочего, копию статьи, опубликованной БЕЛТА 18 августа 2011 года, со ссылкой на правоохранительные органы в качестве источника. В этой статье обвиняемые называются террористами и приводится подробная информация о деяниях, которые они совершили, а также изложены другие данные следствия.

¹⁰ Эти фотографии содержатся в материалах дела.

буналами и на справедливое судебное разбирательство¹¹ в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заключаться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облики, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками. Авторы утверждают, что вышеизложенные факты свидетельствуют о нарушении презумпции невиновности г-на Ковалева, которая гарантирована пунктом 2 статьи 14 Пакта.

3.6 Авторы утверждают, что были нарушены права г-на Ковалева, предусмотренные в пункте 3 (b) статьи 14 Пакта. В ходе предварительного следствия г-н Ковалев имел свидание со своим адвокатом лишь один раз, а затем они встречались уже только в ходе следственных действий. У адвоката не было возможности встретиться с ним наедине. 14 сентября 2011 года накануне судебного заседания адвокату отказали во встрече со своим клиентом. Просьбы г-на Ковалева о предоставлении свиданий наедине со своим адвокатом не были удовлетворены¹². Адвокат смог побеседовать с г-ном Ковалевым лишь перед началом судебного заседания, когда его привели в зал суда и поместили в клетку, т.е. не более чем в течение трех – пяти минут. Три раза им удалось пообщаться соответственно в течение получаса, одного часа и двух часов, а также перед началом судебного разбирательства. Авторы утверждают, что, с учетом этих обстоятельств, право г-на Ковалева иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником, которое предусмотрено в пункте 3 (b) статьи 14 Пакта, было нарушено.

3.7 Кроме того, авторы также заявляют о нарушении положений пункта 5 статьи 14 Пакта. Они утверждают, что приговор, вынесенный Верховным Судом, обжалованию не подлежит, а значит, государство-участник нарушило право г-на Ковалева на то, чтобы его приговор и осуждение были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией.

3.8 Авторы также утверждают, что г-ну Ковалеву был вынесен смертный приговор в результате судебного разбирательства, проведенного в нарушение гарантий на справедливое судебное разбирательство, которые предусмотрены в статье 14 Пакта. Таким образом, в соответствии с установившейся практикой Комитета это представляет собой

¹¹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят вторая сессия, Дополнение № 40, том I (A/62/40 (Vol. I)), приложение VI.

¹² Авторы предоставили выдержки из протокола судебного заседания, которые подтверждают, что г-н Ковалев просил суд предоставить ему возможность общаться со своим адвокатом наедине, поскольку у него не было такой возможности до начала судебного процесса. Суд отклонил его просьбу, а затем адвокат г-на Ковалева обратился с просьбой предоставить ему возможность пообщаться с обвиняемым в ходе перерыва, которая была удовлетворена ведущим процесс судьям.

нарушение права г-на Ковалева на жизнь, предусмотренного в статье 6 Пакта.

3.9 13 мая 2012 года после приведения в исполнение смертного приговора г-ну Ковалеву авторы дополнили свое первоначальное сообщение Комитету новыми заявлениями. Они утверждают, что государство-участник, казнив г-на Ковалева, несмотря на просьбу Комитета о применении временных мер по приостановлению приведения в исполнение его смертного приговора, пока его дело рассматривается Комитетом, нарушило положения Факультативного протокола к Пакту. Они настоятельно призывают Комитет рекомендовать государству-участнику включить в свое законодательство норму, предусматривающую приостановление исполнения смертного приговора по конкретному делу в случае регистрации Комитетом индивидуального сообщения, содержащего утверждения о нарушении права на жизнь, и обращения Комитета с просьбой о принятии временных мер защиты, чтобы не допустить подобных нарушений в будущем.

3.10 Авторы далее утверждают, что дата казни держалась в тайне и не была им известна 11 марта 2012 года, когда они имели свидание с г-ном Ковалевым в СИЗО. Приговор был приведен в исполнение 15 марта 2012 года. Авторы полагают, что в соответствии с практикой приведения в исполнение смертных приговоров в Беларуси г-ну Ковалеву не сообщили заранее дату его казни. В этой связи они утверждают, что неопределенность судьбы г-на Ковалева с момента вынесения ему смертного приговора (30 ноября 2011 года) до его приведения в исполнение (15 марта 2012 года) вызывала дополнительные душевные страдания в нарушение статьи 7 Пакта. Они просят Комитет признать такую практику неразглашения даты приведения в исполнение смертного приговора неприемлемой и противоречащей запрету на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания, а также рекомендовать Беларуси отменить эту бесчеловечную практику и привести ее в соответствие с обязательствами по статье 7 Пакта.

3.11 Кроме того, авторы утверждают, что с 13 марта 2012 года (когда СМИ опубликовали информацию о рассмотрении просьбы г-на Ковалева о помиловании) до 17 марта 2012 года (когда они получили письмо от Верховного Суда о том, что смертный приговор был приведен в исполнение) они не знали о местонахождении г-на Ковалева и о том, жив он или нет. Адвокату было отказано в предоставлении свиданий с ним. В этой связи авторы утверждают, что атмосфера полной секретности относительно даты, времени и места приведения в исполнение смертного приговора вызывала у них сильные душевные страдания и стресс в нарушение их прав, предусмотренных статьей 7 Пакта, и просят Ко-

митет рекомендовать государству-участнику отменить такую практику неинформирования родственников о дате казни лиц, которым вынесен смертный приговор.

3.12 Наконец, авторы утверждают, что после казни г-на Ковалева государственные власти неоднократно отказывали в передаче его тела для захоронения, ссылаясь на пункт 5 статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса, согласно которому родственникам не сообщается заранее дата исполнения смертного приговора, тело для захоронения не выдается, о месте захоронения не сообщается¹³. Они заявляют, что являются православными христианами и желают похоронить г-на Ковалева согласно своим религиозным верованиям и традициям. Государство-участник также отказывается сообщать место захоронения г-на Ковалева. В этой связи авторы утверждают, что отказ государства-участника передать тело г-на Ковалева для захоронения является нарушением их прав, предусмотренных статьей 18 Пакта. Этот отказ не позволил им похоронить г-на Ковалева по православному обряду в нарушение их права исповедовать свою религию и выполнять религиозные ритуалы и обряды в соответствии со статьей 18 Пакта. Они просят Комитет рекомендовать Беларуси запретить эту практику невыдачи тела казненных их родственникам и сокрытия от родственников места их захоронения.

*Замечания государства-участника
относительно приемлемости сообщения*

4.1 В своей вербальной ноте от 24 января 2012 года государство-участник оспаривает регистрацию этого сообщения, утверждая, что оно было зарегистрировано в нарушение статьи 1 Факультативного протокола. Государство-участник также утверждает, что г-н Ковалев не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты в соответствии с требованиями Факультативного протокола. Хотя г-н Ковалев подал ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора в Верховный Суд, а также просьбу о помиловании Президенту, обе эти просьбы по-прежнему находятся на рассмотрении государственных органов.

4.2 Статьей 24 Конституции Беларуси предусмотрено, что смертная казнь может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда. В соответствии со статьей 59 Уголовного кодекса Беларуси в качестве исключительной меры наказания допускается применение смертной казни за особо тяжкие преступления, сопряженные с умыш-

¹³ Авторы предоставили копии писем из Министерства внутренних дел, администрации Президента и Прокуратуры города Минска.

ленным лишением жизни человека приотягчающих обстоятельствах. В этой связи г-н Ковалев был приговорен к смертной казни по решению суда в соответствии с Конституцией, Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси, и поэтому вынесенный ему смертный приговор не противоречит международным договорам, участником которых является Беларусь. В соответствии с законодательством страны исполнение смертного приговора г-на Ковалева было приостановлено до вынесения решения компетентными органами относительно его ходатайства о пересмотре судебного решения в порядке надзора и просьбы о помиловании к Президенту.

4.3 25 января 2012 года государство-участник в отношении нынешнего сообщения, а также примерно 60 других сообщений заявило, что, становясь участником Факультативного протокола, оно признало компетенцию Комитета согласно статье 1, но это признание компетенции было произведено в сочетании с другими положениями Факультативного протокола, в том числе с положениями, в которых устанавливаются критерии в отношении заявителей жалоб и приемлемости их сообщений, включая статьи 2 и 5 Факультативного протокола. Государство-участник утверждает, что согласно Факультативному протоколу государства-участники не несут обязательства признавать правила процедуры Комитета и толкование им положений Факультативного протокола, которое «может быть действительным только тогда, когда оно дается в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров». Государство-участник указывает, что «в отношении процедуры подачи жалоб государства-участники должны руководствоваться прежде всего положениями Факультативного протокола» и что «ссылки на длительную практику Комитета, его методы работы, его решения не являются предметом Факультативного протокола». Далее оно заявляет, что «любое сообщение, зарегистрированное в нарушение положений Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, будет рассматриваться государством-участником как несовместимое с Протоколом и будет отклоняться без высказывания замечаний в отношении приемлемости сообщения или его существования». Государство-участник далее утверждает, что решения, принятые Комитетом в отношении таких «отклоненных сообщений», будут рассматриваться его властями как «недействительные».

Комментарии автора сообщения по замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 Авторы представили свои комментарии 8 февраля 2012 года. Они подтверждают, что это сообщение было зарегистрировано Комитетом по правам человека до того, как государство-участник приняло ре-

шение по ходатайству г-на Ковалева о пересмотре судебного решения в порядке надзора и по просьбе о президентском помиловании. Однако они утверждают, что ни просьба о помиловании, ни ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора в Верховный Суд не являются внутренними средствами правовой защиты, которые должны быть исчерпаны перед представлением сообщения Комитету. Президентское помилование является средством гуманитарного характера, а не средством правовой защиты. Точно также ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора не может считаться эффективным средством защиты, поскольку подача такого ходатайства не влечет за собой его автоматического рассмотрения. Осужденный просит председателя суда подать протест. Пересмотр судебного решения в порядке надзора осуществляется исключительно по протесту, поданному на основании ходатайства осужденного. В случае принятия такого протеста он рассматривается коллегиальным органом – президиумом суда. Однако само ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора рассматривается единоличным судьей без слушания в открытом заседании и поэтому не может считаться средством правовой защиты.

5.2 Авторы далее утверждают, что согласно установившейся практике Комитета должны быть исчерпаны лишь доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты. Комитет не считает просьбы о помиловании и ходатайства о пересмотре судебного решения в порядке надзора внутренними средствами правовой защиты, которые должны быть исчерпаны перед представлением сообщения. Согласно правовой практике Комитета, президентские помилования являются чрезвычайным средством правовой защиты и как таковые не рассматриваются в качестве эффективного средства правовой защиты для целей пункта 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола¹⁴.

5.3 29 февраля 2012 года авторы сообщили Комитету, что 27 февраля 2012 года Верховный Суд отклонил ходатайство г-на Ковалева о пересмотре судебного решения в порядке надзора.

*Дополнительные замечания государства-участника
относительно приемлемости и существа сообщения*

6.1 В вербальной ноте от 15 марта 2012 года государство-участник заявило, что сообщение является неприемлемым, поскольку оно было представлено Комитету третьими сторонами, а не самой предполагаемой жертвой. Ссылаясь на статью 1 Факультативного протокола к Пакту, государство-участник утверждает, что Республика Беларусь признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от под-

¹⁴ Сообщение № 1132/2002 *Чисанга против Замбии*, соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.3.

лежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. В Факультативном протоколе не признается компетенция Комитета давать толкование статьи 1, которое отличается от формулировки, согласованной государствами-участниками. В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года указано, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Должен учитываться лишь последующий договор между Сторонами относительно толкования договора или применения его положений, однако такой договор не был заключен. Следовательно, Факультативный протокол и его положения не могут быть заменены правилами процедуры Комитета и его практикой, поскольку это лишает Факультативного протокола его объекта и целей.

6.2 Что касается существа этого дела, государство-участник утверждает, что г-н Ковалев был приговорен к смертной казни Верховным Судом – высшей судебной инстанцией Беларуси. В пункте 2 статьи 6 Пакта указано, что смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с действующим законом. Это наказание может быть осуществлено только во исполнение окончательного приговора, вынесенного компетентным судом.

6.3 Что касается просьбы Комитета не приводить в исполнение приговор г-ну Ковалеву, пока его сообщение рассматривается Комитетом, государство-участник отмечает, что такая просьба выходит за рамки мандата Комитета и не является обязательной с точки зрения его международных правовых обязательств. Следовательно, Уголовный кодекс является единственным источником уголовного права в Беларуси. Государство-участник напоминает, что г-н Ковалев подал ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора Верховному Суду и просьбу о помиловании Президенту. В соответствии с законодательством страны смертный приговор не может быть приведен в исполнение, пока такие просьбы находятся на рассмотрении.

Дополнительные представления авторов

7.1 19 марта 2012 года авторы сообщили Комитету, что 17 марта 2012 года они получили письмо Верховного Суда от 16 марта 2012 года, в котором их информировали о казни г-на Ковалева.

7.2 30 марта 2012 года авторы представили дополнительную информацию. Они заявляют, что 11 марта 2012 года им предоставили сви-

дание с г-ном Ковалевым и это был последний раз, когда они видели его в живых. 13 марта 2012 года местные СМИ опубликовали информацию, согласно которой просьба г-на Ковалева о помиловании была рассмотрена, однако результат этого рассмотрения не сообщался. 13 и 14 марта 2012 года адвокату г-на Ковалева отказали в предоставлении свидания с его клиентом без каких-либо объяснений. Вечером 14 марта 2012 года СМИ сообщили, что Президент Беларуси отказался помиловать г-на Ковалева и другого подсудимого.

7.3 15 марта 2012 года г-жа Ковалева отправилась в Минск, чтобы узнать судьбу своего сына. В этот же день попытка адвоката встретиться с г-ном Ковалевым опять не увенчалась успехом, и ему сообщили, что г-на Ковалева перевели в другое место, но не предоставили никакой другой информации о его местонахождении. 15 марта 2012 года г-жа Ковалева представила письменное ходатайство Президенту Беларуси о приостановлении исполнения смертного приговора ее сыну по меньшей мере на год, чтобы Комитет по правам человека смог вынести решение по его сообщению.

7.4 16 марта 2012 года г-жа Ковалева вместе с адвокатом г-на Ковалева попыталась получить информацию о его местонахождении и о том, жив ли он. Однако власти не предоставили им такой информации. 17 марта 2012 года г-жа Ковалева получила письмо Верховного Суда от 16 марта 2012 года о том, что ее сын был казнен. 28 марта 2012 года она получила свидетельство о смерти, в котором значилась дата смерти: 15 марта 2012 года.

Дополнительные представления государства-участника

8. В своей вербальной ноте от 19 июля 2012 года государство-участник сообщило Комитету, что оно прекращает процедурные действия в отношении этого сообщения и не будет считать себя причастным к соображениям, которые может принять Комитет по правам человека¹⁵.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Невыполнение государством-участником обязательства о сотрудничестве и просьбы Комитета о принятии временных мер

9.1 Комитет принимает к сведению представление государства-участника об отсутствии правовых оснований для рассмотрения данного сообщения, поскольку оно было зарегистрировано в нарушение статьи 1

¹⁵ Государство-участник также предоставило Комитету записанный на DVD документальный фильм «Метро», содержащий материалы следствия по уголовному делу предполагаемой жертвы и другого обвиняемого, в том числе показания, данные ими в ходе следствия.

Факультативного протокола, так как предполагаемая жертва не представила сообщение самостоятельно и не исчерпала внутренних средств правовой защиты; о том, что оно не обязано признавать правила процедуры Комитета и его толкование положений Протокола; о том, что решения, принятые Комитетом по вышеуказанным сообщениям, будут рассматриваться его властями как «недействительные».

9.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 39 Международного пакта о гражданских и политических правах ему разрешено устанавливать свои собственные правила процедуры, которые государства-участники согласились признать. Комитет далее отмечает, что, присоединяясь к Факультативному протоколу, государство – участник Пакта, признает компетенцию Комитета по правам человека принимать и рассматривать сообщения от отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений какого-либо из прав, изложенных в Пакте (преамбула и статья 1). Присоединение государства к Факультативному протоколу предполагает обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом, чтобы позволить ему рассматривать такие сообщения, а после их рассмотрения сообщать свои соображения государству-участнику и соответствующему лицу (пункт 1 и 4 статьи 5). Любые действия государства-участника, которые могут препятствовать или мешать Комитету в его рассмотрении и изучении сообщений, а также выражении им своих соображений, несовместимы с указанными обязательствами¹⁶. Комитет отмечает, что, не принимая решение Комитета о регистрации сообщения и заявляя заранее, что оно не признает решение Комитета относительно приемлемости и существования сообщения, государство-участник нарушает свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах.

9.3 Кроме того, Комитет отмечает, что при представлении сообщения 14 декабря 2011 года авторы сообщили Комитету, что в тот момент г-н Ковалев ожидал приведения в исполнение смертного приговора. 15 декабря 2011 года Комитет направил государству-участнику просьбу не приводить в исполнение смертный приговор г-ну Ковалеву, пока рассматривается его сообщение; эта просьба о применении временных мер неоднократно повторялась. 19 марта 2012 года авторы сообщили Комитету, что г-н Ковалев был казнен, а затем представили копию его свидетельства о смерти с указанием даты его смерти, 15 марта 2012 года, однако без упоминания причины его смерти. Комитет отмечает очевидность факта казни, несмотря на надлежащее представ-

¹⁶ См., среди прочего, сообщения: № 869/1999 *Пиандьонг и другие против Филиппин*, соображения, принятые 19 октября 2000 года, пункт 5.1; № 1041/2001 *Туляганова против Узбекистана*, соображения, принятые 20 июля 2007 года, пункты 6.1–6.3.

ление государству-участнику и неоднократное подтверждение просьбы о применении временных мер защиты.

9.4 Помимо любого нарушения государством-участником Пакта, обнаруженного в сообщении, государство-участник серьезно нарушает свои обязательства по Факультативному протоколу в том случае, если своими действиями оно затрудняет или срывает рассмотрение Комитетом любого сообщения, в котором говорится о нарушении Пакта, или приводит к тому, что рассмотрение сообщения Комитетом становится схоластическим, а выражение им своих соображений – безрезультатным и бесполезным. В отношении данного сообщения авторы утверждают, что г-н Ковалев был лишен прав, предусмотренных соответствующими статьями Пакта. Будучи уведомлено о сообщении и просьбе Комитета о применении временных мер, государство-участник нарушило свои обязательства по Протоколу, казнив предполагаемую жертву до завершения Комитетом рассмотрения этого сообщения.

9.5 Комитет напоминает, что временные меры согласно правилу 92 его Правил процедуры, принятых в соответствии со статьей 39 Пакта, имеют важнейшее значение для роли Комитета по Протоколу. Пренебрежение этим правилом, особенно в форме таких необратимых мер, какой в данном случае является казнь г-на Ковалева, подрывает возможность защиты предусмотренных в Пакте прав посредством Факультативного протокола¹⁷.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

10.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих Правил процедуры принять решение относительно приемлемости сообщения согласно Факультативному протоколу к Пакту.

10.2 Комитет принимает к сведению то утверждение государства-участника, что сообщение является неприемлемым, поскольку оно было представлено Комитету третьими сторонами, а не собственно предполагаемой жертвой. В этой связи Комитет напоминает о том, что правило 96 (b) его Правил процедуры предусматривает, что сообщение должно, как правило, представляться самим лицом или его представителем, однако сообщение, представляемое от имени предполагаемого потерпевшего, может быть принято, когда, как представляется, соответствующее лицо не в состоянии само представить сообщение¹⁸. В отношении

¹⁷ См., среди прочего, сообщения: № 964/2001 *Саидова против Таджикистана*, соображения, принятые 8 июля 2004 года, пункт 4.4; № 1044/2002 *Шукурова против Таджикистана*, соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункты 6.1–6.3; № 1280/2004 *Толипхужаев против Узбекистана*, соображения, принятые 22 июля 2009 г., пункт 6.4.

¹⁸ См. также сообщение № 1355/2005 *Х. против Сербии*, решение о неприемлемости

настоящего дела Комитет отмечает, что в момент представления сообщения было произведено обращение к исполнению смертного приговора предполагаемой жертве и что, несмотря на то что он подготовил и подписал доверенность, разрешающую его матери действовать от его лица, руководство СИЗО не заверило ее, хотя соответствующим государственным органам было направлено несколько жалоб (см. пункт 2.2 выше). При данных обстоятельствах нельзя обвинить предполагаемую жертву или его родственников в том, что они не смогли предоставить доверенность. Комитет далее напоминает, что в тех случаях, когда отсутствует возможность направления сообщения самой жертвой, по мнению Комитета, тесная личная связь с предполагаемой жертвой, такая как семейная, дает достаточное основание для того, чтобы автор мог действовать от имени такой предполагаемой жертвы¹⁹. В настоящем случае сообщение было представлено от имени предполагаемой жертвы его матерью и сестрой, которые предоставили надлежащим образом подписанную доверенность, подтверждающую полномочия адвоката представлять их интересы в Комитете. В этой связи Комитет считает, что авторы на основании их близкой семейной связи с г-ном Ковалевым могут действовать от его лица. Следовательно, статья 1 Факультативного протокола не запрещает Комитету рассматривать это сообщение.

10.3 В соответствии с требованиями пункта 2 (а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

10.4 Что касается требования, установленного в пункте 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола, то Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что г-н Ковалев не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты в момент представления этого сообщения, поскольку его ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора и просьба о президентском помиловании по-прежнему находились на рассмотрении государственных властей. В этой связи Комитет отмечает, что ходатайство г-на Ковалева о пересмотре судебного решения в порядке надзора и просьба о президентском помиловании были отклонены соответственно 27 февраля 2012 года и 14 марта 2012 года, и ссылается на свою предыдущую практику, согласно которой пересмотр в порядке судебного надзора – это дискреционный пересмотр

от 26 марта 2007 г., пункт 6.3.

¹⁹ См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать третья сессия, дополнение № 40 (A/33/40), пункт 580. См. также, среди прочего, сообщения: № 5/1977 *Базано против Уругвая*, соображения, принятые 15 августа 1979 года, пункт 5; № 29/1978 *Е.Б. против С.*, решение о приемлемости, принятое 14 августа 1979 года; № 43/1979 *Дрешер против Уругвая*, соображения, принятые 21 июля 1983 года, пункт 3.

вынесенных приговоров²⁰, а президентское помилование представляет собой чрезвычайное средство правовой защиты²¹ и как таковое ни одно из них не является эффективным средством правовой защиты для целей пункта 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола. В этой связи Комитет считает, что пункт 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола не запрещает ему рассматривать это сообщение.

10.5 При отсутствии какой-либо информации или свидетельств в обоснование жалобы авторов на то, что права г-на Ковалева, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Пакта, были нарушены, Комитет считает эту жалобу недостаточно обоснованной для целей приемлемости и заявляет о ее неприемлемости в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

10.6 Комитет полагает, что остальные утверждения в отношении вопросов, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 6; статьей 7, пунктом 3 статьи 9; пунктами 1, 2, 3 (b) и (g) и 5 статьи 14 Пакта касательно г-на Ковалева и статьями 7 и 18 касательно самих авторов, были достаточно обоснованы для целей приемлемости, и приступает к их рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

11.1 Комитет по правам человека рассмотрел данное сообщение с учетом всей полученной информации, как это предусматривается пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.2 Комитет принимает к сведению жалобы авторов в соответствии со статьей 7 и пунктом 3 (g) статьи 14 Пакта на то, что на г-на Ковалева оказывалось физическое и психологическое давление с целью принуждения его к признанию, и на то, что, хотя он отказался от своих признательных показаний в ходе судебного процесса, его признание служило основанием вынесения ему обвинительного приговора. В этой связи Комитет напоминает, что при получении жалобы на жестокое обращение

²⁰ См.: Замечание общего порядка № 32, пункт 50: «Система надзорного производства, которая применяется лишь к приговорам, обращенным к исполнению, не отвечает требованиям пункта 5 статьи 14 независимо от того, может быть такой пересмотр инициирован по ходатайству осужденного лица или же в порядке осуществления дискреционных полномочий судьи или обвинителя»; и, например, сообщения: № 836/1998 *Гелацаускас против Литвы*, соображения, принятые 17 марта 2003 года, пункт 7.2; № 1100/2002 *Бандажевский против Беларуси*, соображения, принятые 28 марта 2006 года, пункт 10.13; № 1344/2005 *Королько против Российской Федерации*, решения о неприемлемости от 25 октября 2010 года, пункт 6.3; № 1449/2006 *Умаров против Узбекистана*, соображения, принятые 19 октября 2010 года, пункт 7.3.

²¹ См. сообщения: № 1033/2001 *Сингараса против Шри-Ланки*, соображения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 6.4; № 1132/2002 *Чисанга против Замбии*, соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.3.

в нарушение статьи 7 государство-участник должно провести безотлагательное и беспристрастное расследование в этой связи²². Комитет далее напоминает, что гарантию, изложенную в пункте 3 (g) статьи 14 Пакта, следует понимать как отсутствие любого прямого или косвенного физического или неоправданного психологического давления со стороны следственных органов на обвиняемых, чтобы добиться признания теми своей вины²³. Как следует из решения от 30 ноября 2011 года, Верховный Суд счел, что г-н Ковалев изменил свои показания с целью добиться смягчения своего наказания, найдя, что признание обвиняемого и другие доказательства были получены в строгом соответствии с уголовно-процессуальными нормами, и тем самым могут быть приобщены к делу в качестве доказательств. Однако государство-участник не предоставило никакой информации, свидетельствующей о том, что оно проводило какое-либо расследование в связи с этими утверждениями. С учетом этих обстоятельств должное значение необходимо придавать жалобам авторов, и Комитет приходит к заключению о том, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о нарушении прав г-на Ковалева, предусмотренных статьями 7 и пунктом 3 (g) статьи 14 Пакта²⁴.

11.3 Что касается утверждений авторов о том, что г-н Ковалев был задержан 12 апреля 2011 года и впервые был доставлен к судье лишь 15 сентября 2011 года, т.е. через более чем пять месяцев после его ареста, Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло эти утверждения. Хотя значение термина «в срочном порядке» в соответствии с пунктом 3 статьи 9 должно определяться в каждом конкретном случае отдельно, Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 8 (1982) о праве на свободу и личную неприкосновенность²⁵ и о своей практике²⁶, согласно которым задержка должна составлять

²² См.: Замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, дополнение № 40 (A/47/40)*, приложение VI, раздел A, пункт 14.

²³ См., например, Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 41; сообщения: № 330/1988 *Берри против Ямайки*, соображения, принятые 4 июля 1994 года, пункт 11.7; № 1033/2001 *Сингараса против Шри-Ланки*, соображения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 7.4; № 1769/2008 *Бондарь против Узбекистана*, соображения, принятые 25 марта 2011 года, пункт 7.6.

²⁴ См., например, Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 60; сообщения: № 1401/2005 *Кирпо против Таджикистана*, соображения, принятые 27 октября 2009 года, пункт 6.3; № 1545/2007 *Гунан против Кыргызстана*, соображения, принятые 25 июля 2011 года, пункт 6.2.

²⁵ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/37/40), приложение V, пункт 2.

²⁶ Комитет счел, что с учетом отсутствия каких-либо разъяснений государства-участника трехдневная задержка в доставлении лица к судье не удовлетворяет требованию срочности по смыслу пункта 3 статьи 9 (см. сообщение № 852/1999 *Борисенко*

максимум несколько дней. В этой связи Комитет считает, что задержка сроком в пять месяцев в доставлении г-на Ковалева к судье не совместима с требованием срочности, которое предусмотрено в пункте 3 статьи 9, и, таким образом, является нарушением прав г-на Ковалева согласно этому положению.

11.4 Комитет далее отмечает утверждения автора о том, что принцип презумпции невиновности не был соблюден, поскольку несколько государственных должностных лиц выступали с публичными заявлениями о виновности г-на Ковалева до вынесения ему обвинительного приговора судом, а СМИ публиковали для широкой общественности материалы предварительного следствия до начала рассмотрения этого дела судом. Кроме того, в ходе всего судебного процесса он содержался в металлической клетке, а в местных печатных изданиях публиковались фотографии, изображающие его в зале суда за металлической решеткой. В этой связи Комитет напоминает о своей практике²⁷, которая отражена в его Замечании общего порядка № 32 и согласно которой «презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом»²⁸. В этом же Замечании общего порядка указано, что все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, в том числе воздерживаться от публичных заявлений, в которых утверждается о виновности обвиняемого²⁹; в нем также указано, что в ходе судебного разбирательства подсудимые по общему правилу не должны заковываться в наручники или содержаться в клетках или каким-либо иным образом представлять на суде в облиии, указывающем на то, что они могут быть опасными преступниками, и что средства массовой информации следует воздерживаться от подачи новостей таким образом, чтобы это подрывало презумпцию невиновности.

против Венгрии, соображения, принятые 14 октября 2002 года, пункт 7.4). Комитет также пришел к заключению о том, что задержка сроком в одну неделю в случае дела о преступлении, наказуемом смертной казнью, не может считаться совместимой с пунктом 3 статьи 9 (см. сообщение № 702/1996 *Маклоуренс против Ямайки*, соображения, принятые 18 июля 1997 года, пункт 5.6).

²⁷ См., например, сообщения: № 770/1997 *Гридин против Российской Федерации*, соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 8.3; № 1520/2006 *Мвамба против Замбии*, соображения, принятые 10 марта 2010 года, пункт 6.5.

²⁸ См.: Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 30.

²⁹ Там же, пункт 30.

С учетом имеющейся информации и при отсутствии какой-либо другой информации в этой связи от государства-участника Комитет постановляет, что презумпция невиновности г-на Ковалева, гарантированная в соответствии с пунктом 2 статьи 14 Пакта, была нарушена.

11.5 Что касается жалоб авторов на то, что г-н Ковалев встречался со своим адвокатом лишь один раз в ходе предварительного следствия, что не соблюдался конфиденциальный характер их встреч, что у них не было достаточного времени для подготовки защиты и что адвокату неоднократно отказывали во встрече со своим клиентом, Комитет напоминает, что в пункте 3 (b) статьи 14 предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранными ими самими защитниками, это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства состязательных возможностей³⁰. Право сноситься с защитником требует, чтобы обвиняемому был предоставлен скорый доступ к защитнику, а защитнику должна быть предоставлена возможность встретиться со своим клиентом без свидетелей и общаться с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения³¹. Комитет считает, что описанные авторами условия, при которых г-н Ковалев получал помощь от своего адвоката в ходе предварительного следствия и в ходе судебного разбирательства, отрицательно повлияли на его возможности подготовки своей защиты³². При отсутствии какой-либо информации от государства-участника, опровергающей конкретные утверждения авторов, и какой-либо другой информации в материалах дела Комитет постановляет, что имеющаяся у него информация свидетельствует о нарушении прав г-на Ковалева в соответствии с пунктом 3 (b) статьи 14 Пакта.

11.6 Авторы далее утверждают, что право г-на Ковалева на пересмотр приговора и осуждения вышестоящей судебной инстанцией было нарушено, поскольку вынесенный Верховным Судом приговор обжалованию не подлежит. Комитет отмечает, что согласно имеющимся материалам г-н Ковалев был приговорен 30 ноября 2011 года к смертной казни Верховным Судом, рассматривавшим дело в качестве суда первой ин-

³⁰ Замечание общего порядка, пункт 32.

³¹ Там же, пункт 34. См. также сообщения: № 117/2002 *Хомидов против Таджикистана*, соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.4; № 907/2000 *Сигарев против Узбекистана*, соображения, принятые 1 ноября 2005 года, пункт 6.3; № 770/1997 *Гридин против Российской Федерации*, соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 8.5.

³² См. сообщения: № 1117/2002 *Хомидов против Таджикистана*, соображения, принятые 29 июля 2004 года, пункт 6.4; № 283/1988 *Литтл против Ямайки*, соображения, принятые 1 ноября 1991 года, пункт 8.4; № 1167/2003 *Райос против Филиппин*, соображения, принятые 27 июля 2004 года, пункт 7.3.

станции, и что в приговоре указано, что он является окончательным и обжалованию не подлежит. Хотя г-н Ковалев воспользовался механизмом пересмотра судебного решения в порядке надзора, Комитет отмечает, что такая процедура пересмотра решения в порядке надзора применяется только к уже вступившим в силу судебным решениям и поэтому представляет собой чрезвычайную процедуру обжалования, которая может использоваться по усмотрению судьи или прокурора. Когда такой пересмотр имеет место, он ограничивается только вопросами права и не допускает повторной оценки фактов и доказательств и поэтому не может считаться «обжалованием» для целей пункта 5 статьи 14³³. Комитет напоминает в этой связи, что, хотя система апелляции может не быть автоматической, предусмотренное пунктом 5 статьи 14 право на апелляцию налагает на государство-участник обязанность повторного рассмотрения по существу – как в плане достаточности доказательств, так и в плане соблюдения законодательства – осуждения и приговора таким образом, чтобы эта процедура делала возможным должное рассмотрение характера дела³⁴. При отсутствии каких-либо разъяснений государства-участника Комитет считает, что отсутствие возможности пересмотра решения Верховного Суда, вынесенного по первой инстанции, вышестоящей судебной инстанцией противоречит требованиям пункта 5 статьи 14³⁵.

11.7 Комитет отмечает утверждения авторов, которые не были опровергнуты государством-участником, что Верховный Суд был пристрастным и нарушил принцип независимости, беспристрастности, равенства состязательных возможностей и принцип публичности судебного разбирательства в нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. В свете выводов Комитета о том, что государство-участник не гарантировало справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктами 2, 3 (b) и (g) и 5 статьи 14 Пакта, Комитет считает, что судебное разбирательство дела г-на Ковалева было проведено с нарушениями, которые в целом сводятся к нарушению пункта 1 статьи 14 Пакта.

³³ См. сноску 19.

³⁴ См. Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 48; сообщения: № 1100/2002 *Бандажевский против Беларуси*, соображения, принятые 28 марта 2006 года, пункт 10.13; № 985/2001 *Алибоева против Таджикистана*, соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.5; № 973/2001 *Халилова против Таджикистана*, соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5; № 964/2001 *Саидова против Таджикистана*, соображения, принятые 8 июля 2004 года, пункт 6.5; № 701/1996 *Гомес Васкес против Испании*, соображения, принятые 20 июля 2000 года, пункт 11.1.

³⁵ См., например, сообщения: № 985/2001 *Алибоева против Таджикистана*, соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.5; № 973/2001 *Халилова против Таджикистана*, соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.5.

11.8 Авторы далее заявляют о нарушении права г-на Ковалева на жизнь в соответствии со статьей 6 Пакта, поскольку ему был вынесен смертный приговор после проведения несправедливого судебного разбирательства. Комитет отмечает, что государство-участник заявило со ссылкой на пункт 2 статьи 6 Пакта, что г-н Ковалев был приговорен к смертной казни Верховным Судом в соответствии с Конституцией, Уголовным кодексом и Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси и что этот смертный приговор не противоречит положениям международных договоров, участником которых является Беларусь. В этой связи Комитет напоминает о своем Замечании общего порядка № 6 (1982) о праве на жизнь, в котором он отметил, что смертный приговор может быть вынесен только в соответствии с законом, который не противоречит положениям Пакта, и это предполагает, что «предусмотренные в нем гарантии процедурного характера должны соблюдаться, включая право на справедливое судебное разбирательство независимым судом, презумпцию невиновности, минимальные гарантии защиты и право на пересмотр судом высшей инстанции»³⁶. В этой связи Комитет напоминает о своей практике, согласно которой вынесение смертного приговора по окончании судебного разбирательства, в котором не были соблюдены положения статьи 14 Пакта, представляет собой нарушение статьи 6 Пакта³⁷. В свете выводов Комитета о нарушении пунктов 1, 2, 3 (b) и (g) и 5 статьи 14 Пакта он приходит к заключению, что при вынесении г-ну Ковалеву окончательного смертного приговора не были соблюдены требования статьи 14 и что в результате этого была нарушена статья 6 Пакта.

11.9 В свете вышеуказанных выводов о нарушении статьи 6 Пакта Комитет не будет отдельно рассматривать утверждение авторов в соответствии со статьей 7 относительно душевных страданий г-на Ковалева, вызванных неопределенностью его судьбы (см. пункт 3.10 выше).

11.10 Комитет отмечает заявление авторов о том, они сами являются жертвами нарушения статьи 7 Пакта в связи с испытанными ими серьезными душевными страданиями и психическим стрессом в результате отказа властей сообщать какую-либо информацию о положении и ме-

³⁶ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать седьмая сессия, дополнение № 40 (A/37/40), приложение V, пункт 7; см. также сообщение № 253/1987 *Келли против Ямайки*, соображения, принятые 8 апреля 1991 года, пункт 5.14.

³⁷ См. Замечание общего порядка № 32 Комитета, пункт 59; сообщения: № 719/1996 *Леви против Ямайки*, соображения, принятые 3 ноября 1998 года, пункт 7.3; № 1096/2002 *Курбанов против Таджикистана*, соображения, принятые 6 ноября 2003 года, пункт 7.7; № 1044/2002 *Шукурова против Таджикистана*, соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 8.6; № 1276/2004 *Идиева против Таджикистана*, соображения, принятые 31 марта 2009 года, пункт 9.7; № 1304/2004 *Хорошенко против Российской Федерации*, соображения, принятые 29 марта 2011 года, пункт 9.11; № 1545/2007 *Гунан против Кыргызстана*, соображения, принятые 25 июля 2011 года, пункт 6.5.

стонахождении г-на Ковалева с 13 марта 2012 года (дата отклонения его ходатайства о помиловании) до 17 марта 2012 года (когда им сообщили о приведении в исполнение смертного приговора), а также в результате их отказа сообщать заранее дату, время и место казни, передать тело для захоронения и сообщить место захоронения г-на Ковалева. Государство-участник не опровергло эти утверждения. Комитет отмечает, что согласно действующему законодательству семье приговоренного к смертной казни не сообщается заранее дата исполнения смертного приговора, тело ей не передается и о месте захоронения казненного не сообщается. Комитет с пониманием относится к постоянным страданиям и психическому стрессу, которые испытали авторы, будучи матерью и сестрой приговоренного к смертной казни, находясь в полном неведении относительно обстоятельств, которые привели к его казни, а также места его захоронения. Сохранение полной секретности относительно даты казни и места захоронения, а также отказ от передачи тела для захоронения в соответствии с религиозными верованиями и обрядами семьи казненного представляют собой запугивание и наказание этой семьи путем намеренного удержания их в состоянии неопределенности и душевных страданий. В этой связи Комитет приходит к выводу, что эти элементы в их совокупности и постоянный последующий отказ государства-участника сообщить авторам место захоронения г-на Ковалева равносильны бесчеловечному обращению с авторами в нарушение статьи 7 Пакта³⁸.

11.11 Придя к этому выводу, Комитет не будет рассматривать отдельные утверждения авторов в соответствии со статьей 18 Пакта.

12. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Пакту, Комитет по правам человека полагает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав г-на Ковалева, предусмотренных статьями 6, 7, пунктом 3 статьи 9, пунктами 1, 2, 3 (b) и (g) и 5 статьи 14 Пакта, а также предусмотренных статьей 7 касательно самих авторов. Государство-участник также нарушило свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола к Пакту.

13. В соответствии с пунктом 3 (a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить авторам сообщения эффективные средства правовой защиты, включая надлежащую компенсацию за причиненные страдания, а также сообщить место захоронения г-на Ковалева.

³⁸ См. также сообщения: № 886/1999 *Щедко против Беларуси*, соображения, принятые 3 апреля 2003 года, пункт 10.2; 887/1999 *Стаселович против Беларуси*, соображения, принятые 3 апреля 2003 года, пункт 9.2; № 973/2001 *Халилов против Таджикистана*, соображения, принятые 30 марта 2005 года, пункт 7.7; № 985/2001 *Алибоева против Таджикистана*, соображения, принятые 18 октября 2005 года, пункт 6.7; № 1044/2002 *Шукурова против Таджикистана*, соображения, принятые 17 марта 2006 года, пункт 8.7.

Государство-участник также обязано не допускать подобных нарушений в будущем, в том числе внести поправки в часть пятую статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса с целью приведения ее в соответствие с обязательствами государства-участника по статье 7 Пакта.

14. Принимая во внимание то, что, став участником Факультативного протокола, государство-участник признало компетенцию Комитета определять, имело ли место нарушение Пакта, и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечить всем находящимся на его территории или под его юрисдикцией лицам закрепленные в Пакте права, а также эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет желает получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о принятых мерах по осуществлению сформулированных Комитетом соображений. Кроме того, Комитет просит государство-участника опубликовать настоящие соображения и обеспечить их широкое распространение в государстве-участнике на белорусском и русском языках.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

**СООБРАЖЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО ДЕЛУ № 1784/2008 ВЛАДИМИР ШУМИЛИН
ПРОТИВ БЕЛАРУСИ**

Организация Объединенных Наций

CCPR/C/105/D/1784/2008

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
5 September
2012
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сообщение № 1784/2008

**Соображения, принятые Комитетом на его 105-й сессии
(9–27 июля 2012 года)**

<i>Представлено:</i>	Владимиром Шумилиным (адвокатом не представлен)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	17 марта 2008 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 29 апреля 2008 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия соображений:</i>	23 июля 2012 года
<i>Тема сообщения:</i>	применение санкции (штрафа) к лицу за распространение листовок в нарушение права на распространение информации без необоснованных ограничений
<i>Вопросы существа:</i>	право распространять информацию; допустимые ограничения
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Статьи Пакта:</i>	пункты 2 и 3 статьи 19
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	пункт 2 (b) статьи 5

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (105-я сессия)

относительно

Сообщения № 1784/2008¹

<i>Представлено:</i>	Владимиром Шумилиным (адвокатом не представлен)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	17 марта 2008 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах, на своем заседании 23 июля 2012 года, завершив рассмотрение сообщения № 1784/2008, представленного Комитету по правам человека Владимиром Шумилиным в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах, приняв к сведению всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником, принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является Владимир Шумилин, гражданин Беларуси, 1973 года рождения. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Беларусью его прав, предусмотренных в пункте 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 30 декабря 1992 года. Автор не представлен адвокатом.

¹ В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Ядх Бен Ашур, г-н Лазхари Бузид, г-жа Кристина Шане, г-н Корнелис Флинтерман, г-н Юдзи Ивасава, г-н Вальтер Келин, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-жа Юлия Антоанелла Моток, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Фабиан Омар Сальвиоли, г-н Марат Сарсембаев, г-н Кристер Телин и г-жа Марго Ватервал.

Факты в изложении автора

2.1. 12 февраля 2008 года автор сообщения распространял листовки², содержавшие информацию о месте проведения в Гомеле встречи с г-ном Милинкевичем, экс-кандидатом на пост Президента Республики. В тот же день автор сообщения был задержан сотрудниками милиции и в отношении него был составлен протокол о совершении им административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 23.34 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Указанная статья предусматривает привлечение к ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации, иного массового мероприятия или пикетирования. Эти положения предусмотрены отдельным законом «О массовых мероприятиях», статья 8 которого запрещает всем без исключения лицам изготовлять и распространять любые информационные материалы, касающиеся массовых мероприятий, на проведение которых еще не получено разрешение.

2.2. Поскольку в листовках, распространявшихся автором сообщения, содержалась информация, касавшаяся встречи политического деятеля с гражданами, сотрудники органов внутренних дел сочли, что действия автора представляли собой нарушение законодательства. В тот же день автор сообщения был доставлен в суд Советского района города Гомеля. Суд незамедлительно вынес постановление о том, что, распространяя листовки о несанкционированном митинге, автор нарушил положения части 1 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях, и оштрафовал его на 1,05 млн белорусских рублей (что на тот момент составляло 488 долларов США). Автор отмечает, что размер штрафа в то время превышал размер средней ежемесячной заработной платы в Беларуси.

² Автор представил экземпляр указанных листовок. В них содержится фотография г-на Милинкевича и текст обращения к жителям Гомеля, в котором сообщается, что месяц назад в Городской исполнительный комитет был направлен запрос санкционировать проведение в Доме культуры «Фестивальный» встречи с избирателями г-на Милинкевича. Автор поясняет, что этот запрос поддержали более 300 жителей Гомеля и что позднее администрация отказала выдать разрешение на проведение собрания под «надуманным» предлогом. Далее в тексте листовки отмечалось, что встреча с г-ном Милинкевичем в любом случае состоится 15 февраля 2008 года в 16.00 на площадке между зданиями, расположенными под № 94–98 по улице Барыкина, и в 17.30 – на площади Янки Купалы. В нем также сообщалось, что г-н Милинкевич представит свою программу преодоления социально-экономических проблем, возникших в результате «недалековидной» политики «нынешнего руководства», а также ответит на вопросы. В тексте листовки были указаны номера контактных телефонов для получения дополнительной информации.

2.3. Автор отмечает, что в материалах административного дела ничто не позволяет предположить, что суд основывал свое решение на чем-либо ином, кроме как на составленном сотрудниками милиции протоколе о распространении листовок. Поэтому единственным вопросом, на который должен был найти ответ суд, являлся вопрос о том, представляло ли распространение листовок о предстоящем мероприятии, нарушением автором порядка организации мирного собрания. По его мнению, ни сотрудники милиции, ни суд не предприняли никаких попыток для выяснения того, почему ограничение права автора на распространение информации в данном конкретном случае являлось необходимым для достижения одной из целей по смыслу статьи 19 Пакта.

2.4. 29 февраля 2008 года Гомельский областной суд при рассмотрении апелляции просто подтвердил решение суда Советского района, не квалифицировав действия автора с учетом положений Пакта, несмотря на прямую просьбу автора в этой связи, изложенную в его апелляции. В частности, в своей апелляции автор напомнил суду о том, что положения международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь, в случае коллизии имеют преимущественную силу перед нормами внутреннего законодательства и что в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров национальное законодательство не может приводиться в оправдание неприменения норм международного права; согласно статье 15 Закона о международных договорах общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров, вступивших в силу для Республики Беларусь, являются частью внутреннего законодательства. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и статья 19 Пакта предусматривают свободу распространения информации.

2.5. Автор ссылается на правовую практику Комитета в связи с аналогичными делами и особо отмечает, что ограничение его права не являлось необходимым в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения и свободы других лиц³. Он отмечает, что права, предусмотренные статьей 19, не являются абсолютными и могут быть ограничены, однако добавляет, что положения закона государства-участника «О массовых мероприятиях», ограничивающие право распространения информации, не могут соответствовать обязательствам государства-участника по Пакту, поскольку не направлены на защиту государственной безопасности, общественного порядка и не являются необходимыми для охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

³ Автор, в частности, ссылается на дело № 780/1997 *Лапцевич против Беларуси*, соображения, принятые 20 марта 2000 года.

2.6 Автор поясняет, что он исчерпал все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты, отказавшись от подачи жалобы в порядке надзора, которая систематически не приводит к пересмотру дела и, таким образом, является неэффективной.

Жалоба

3. Автор утверждает, что применение закона «О массовых мероприятиях» в его деле привело к неоправданному ограничению его права на распространение информации в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1. 2 июня и 4 августа 2008 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Оно указало, что 12 февраля 2008 года суд Советского района города Гомеля признал автора сообщения виновным в совершении правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 23.34 Кодекса об административных правонарушениях, и приговорил его к уплате штрафа. Суд установил, что 12 февраля 2008 года автор сообщения вместе с другим лицом распространяли листовки, призывавшие граждан принять участие в несанкционированном митинге, который должен был состояться 15 февраля 2008 года. Милиция изъяла у них 1933 листовки. Государство-участник поясняет, что в суде г-н Шумилин признал свою вину и что в органы прокуратуры жалобы на его привлечение к административной ответственности не поступало. 29 февраля 2008 года судебное решение было подтверждено при рассмотрении апелляции Гомельским областным судом. Это постановление вступило в силу немедленно, и дальнейшие обжалования теперь возможны лишь по процедуре пересмотра данного дела в порядке надзора.

4.2 Государство-участник оспаривает приемлемость сообщения. Оно поясняет, что в соответствии с положениями Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях (ПИКоАП) автор сообщения мог бы ходатайствовать о пересмотре в порядке надзора решения Гомельского областного суда председателем вышестоящей судебной инстанции, в данном случае председателем Верховного Суда, однако он не сделал этого.

4.3 Государство-участник поясняет, что ходатайство о рассмотрении дела в порядке судебного надзора, как это установлено в статье 12.14 ПИКоАП, предусматривает проверку законности обжалуемого решения, его обоснованности и справедливости в объеме доводов, содержащихся в жалобе. Если судом будут установлены основания для

улучшения положения соответствующего лица, то предыдущее решение может быть пересмотрено в соответствующей части, даже если данное лицо не обращается с подобной просьбой в своей жалобе. Таким образом, по мнению государства-участника, утверждение автора о неэффективности процедуры рассмотрения дела в порядке надзора является необоснованным. Государство-участник добавляет, что автор все еще не утратил возможности подачи жалобы в порядке надзора в Верховный Суд.

4.4. В отношении существа сообщения государство-участник отвергает представленные автором в настоящем сообщении обвинения как необоснованные. Оно поясняет, что в соответствии со статьей 23.34 Кодекса административных правонарушений нарушение установленного порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации или массового мероприятия представляет собой административное правонарушение и влечет предупреждение или наложение штрафа. Материалы дела, включая упомянутые листовки, позволяют заключить, что проведение запланированного мероприятия было запрещено. В листовках содержался призыв к гражданам принять участие в этом мероприятии. Учитывая, что разрешение на проведение указанного мероприятия получено не было, действия автора следует расценивать не иначе как нарушение установленного порядка организации массового мероприятия. Автор сообщения нарушил статью 8 Закона «О массовых мероприятиях», из которой следует, что до получения официального разрешения на проведение массового мероприятия запрещается всем без исключения лицам изготавливать и распространять любые информационные материалы.

*Комментарии автора сообщения
по замечаниям государства-участника*

5.1. 22 сентября 2008 года автор поясняет, что он не обращался с жалобой в прокуратуру, потому что его жалоба не повлекла бы за собой пересмотра дела, поскольку такие жалобы не являются эффективными и не предусматривают рассмотрения существа дела. Он отмечает, что исчерпанными должны быть лишь эффективные и доступные средства правовой защиты.

5.2. По поводу утверждения государства-участника о том, что он распространял листовки, призывающие прийти на митинг, до получения разрешения на проведение этого мероприятия, автор сообщения отмечает, что Пакт имеет прямое применение в государстве-участнике и что он гарантирует свободу каждого беспрепятственно распространять все виды информации. Даже если это право не является абсолютным, его ограничения могут быть оправданными лишь в том случае, если они

являются допустимыми ограничениями, предусмотренными в пункте 3 статьи 19 Пакта. Учитывая, что ограничения его прав не являлись оправданными с точки зрения любой из допустимых норм, власти нарушили его права, предусмотренные в пункте 2 статьи 19 Пакта.

5.3. Автор сообщения добавляет, что, согласно Конституции, государство-участник признает общепризнанные принципы и нормы международного права и обеспечивает приведение положений национального законодательства в соответствие с ними. Он отмечает, что государства-участники должны добросовестно выполнять свои международные обязательства, и добавляет, что в соответствии со статьями 26 и 27 Венской конвенции о праве международных договоров участник международного договора не может ссылаться на внутреннее законодательство в качестве оправдания для невыполнения международного договора. Он также отмечает, что в соответствии со статьей 15 закона государства-участника «О международных договорах» общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров, участницей которых является Беларусь, представляют собой часть внутреннего законодательства. Пункт 2 статьи 19 Пакта гарантирует свободу выражения, включая право распространять информацию. Это право может быть ограничено лишь в целях, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта. По мнению автора сообщения, основания, приведенные судами при установлении его административной ответственности в связи с его делом, не являются оправданными с точки зрения любых допустимых ограничений.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1. 26 марта 2009 года государство-участник представило дополнительную информацию. Прежде всего, оно отмечает необоснованность утверждения автора сообщения о том, что жалоба в органы прокуратуры не влечет за собой пересмотра дела, а обжалование приговора в порядке надзора в Верховном Суде является неэффективным. В подтверждение государство-участник приводит статистические данные, согласно которым в 2007 году Верховный Суд рассмотрел ходатайства о пересмотре в отношении 733 административных дел, в том числе по протестам прокуратуры. Председатель Верховного Суда отменил и изменил решения (постановления) по 116 делам (63 – по протестам прокуратуры). В 2008 году было отменено и изменено 171 такое постановление, из них 146 были пересмотрены по протестам прокуратуры. Всего же в 2008 году в Верховном Суде было рассмотрено 1071 административное дело. Таким образом, в 2007 году Верховный Суд отменил или изменил постановления по административным делам в отношении 24,4% обжалованных дел, а в 2008 году этот показатель составил 29,6%.

6.2. Государство-участник далее заявляет, что утверждение автора сообщения о том, что решение о привлечении его к административной ответственности не мотивировано ни одним из перечисленных в пункте 3 статьи 19 ограничений является необоснованным. Законом «О массовых мероприятиях» установлен порядок организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, уличных шествий, пикетирования и т.п. Из его преамбулы следует, что установление такого порядка направлено на создание условий для реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и порядка при проведении этих мероприятий на улицах, площадях и в иных общественных местах. Автор нарушил ограничения, установленные статьей 23.34 Кодекса об административных правонарушениях и статью 8 закона «О массовых мероприятиях», которые являются необходимыми для обеспечения общественной безопасности и порядка при проведении собраний, митингов, уличных шествий и т.п.

6.3. Государство-участник добавляет, что право на свободное выражение своего мнения предоставляется в соответствии со статьей 19 всем гражданам государств-участников Пакта. Оно поясняет, что, будучи государством-участником Пакта, оно в полной мере признает и выполняет свои обязательства по данному международному договору. Статьей 33 Конституции гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. Вместе с тем следует учитывать, что, хотя право на свободу выражения своего мнения считается одним из основных прав человека, оно не абсолютно. Статья 19 не относится к числу статей, предусматривающих права, содержащиеся в статье 4 Пакта, ограничение которых не допускается ни при каких обстоятельствах. Таким образом, государство может ограничивать это право, если ограничения установлены законом, имеют легитимную цель и необходимы в демократическом обществе.

6.4. В соответствии со статьей 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности и здоровья населения, а также прав и свобод других лиц. Аналогичным образом пункт 3 статьи 19 Пакта содержит положение о том, что пользование предусмотренными в пункте 2 данной статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Следовательно, пользование этими правами может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые при этом должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения⁴.

⁴ В этой связи государство-участник также отмечает, что статья 29 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что «1) каждый человек имеет обязанности

6.5. По мнению государства-участника, вышеизложенные соображения позволяют сделать вывод о том, что реализация права на получение и распространение информации может осуществляться исключительно законным образом, т.е. в рамках действующего национального законодательства государства-участника Пакта. При этом законодательством Республики Беларусь созданы необходимые условия для свободного выражения гражданами своего мнения, получения и распространения информации.

6.6. Государство-участник утверждает, что автор сообщения вводит Комитет в заблуждение относительно действующего законодательства. Так, в соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 2.15 ПИКоАП прокурор в пределах своей компетенции опротестовывает противоречащие законодательным актам страны постановления по делам об административных правонарушениях. Пункт 1 статьи 2.15 ПИКоАП устанавливает, что вступившее в законодательную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть пересмотрено, в частности, по протесту прокурора. Пунктом 2 статьи 12.14 Кодекса установлено, что по результатам рассмотрения протеста может быть принято решение об отмене постановления полностью или в части и направлении дела на новое рассмотрение. В соответствии с пунктом 3 статьи 12.11 протест на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть подан в течение 6 месяцев со дня вступления в законную силу постановления. Таким образом, обращение в прокуратуру может повлечь за собой пересмотр дела по существу. В рассматриваемом деле автор сообщения сознательно не воспользовался всеми предоставленными ему внутренними средствами правовой защиты.

Дополнительные комментарии автора

7.1. 9 марта 2011 года автор сообщения вновь выражает свое мнение о том, что жалоба в порядке надзора не является эффективным средством правовой защиты, поскольку в этом случае дискреционные полномочия по ее рассмотрению принадлежат одному должностному лицу, и даже удовлетворение ходатайства не повлечет за собой пересмотра фактов и доказательств. Автор отмечает, что Комитет неоднократно рассматривал этот вопрос и пришел к заключению о том, что для целей пункта 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола нет необходимости об-

перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», и что «2) при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

ращаться за пересмотром судебных решений в порядке надзора. Автор также отмечает, что действующее законодательство не позволяет отдельным лицам обращаться с жалобами в Конституционный Суд.

7.2. Автор не согласен с доводами государства-участника в опровержение его утверждения о том, что его административное дело не мотивировано ни одним из допустимых ограничений, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта, и поясняет, что постановления судов по его делу не содержат таких аргументов. Судьи, рассматривавшие его дело, выносили свои постановления исключительно в рамках национального законодательства, абсолютно игнорируя при этом обязательства государства-участника по международному праву. Ссылаясь на правовую практику Комитета⁵, автор сообщения отмечает, что Комитет посчитал несовместимым с положениями Пакта то обстоятельство, что государство-участник отдает приоритет применению своего национального законодательства перед своими обязательствами по Пакту. В соответствии с частью 1 статьи 8 Конституции государства-участника национальные суды при рассмотрении его дела обязаны были исходить из приоритета международных обязательств государства-участника перед положениями национального законодательства.

7.3. Автор сообщения вновь заявляет о том, что положения Пакта обладают преимущественной силой над национальными законами и являются их частью. Он подчеркивает, что ограничение права на распространение информации должно соответствовать пункту 3 статьи 19 Пакта, однако в его случае этого сделано не было и, таким образом, его право на свободу выражения мнений было подвергнуто необоснованному ограничению.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1. Прежде чем рассматривать какое-либо содержащееся в сообщении утверждение, Комитет по правам человека должен в соответствии с правилом 93 своих Правил процедуры принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

8.2. Комитет отмечает, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, как это предусмотрено пунктом 2 (а) статьи 5 Факультативного протокола.

⁵ Автор, в частности, приводит соображения Комитета по сообщению № 628/1995 *Пак против Республики Корея*.

8.3. В том, что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, Комитет принимает к сведению объяснение автора, согласно которому он не пытался обжаловать решение суда Советского района города Гомеля от 12 февраля 2008 года или постановление по апелляции Гомельского областного суда от 29 февраля 2008 года в порядке надзора, поскольку такое средство правовой защиты не является ни эффективным, ни доступным. Комитет также принимает к сведению выражения на этот счет государства-участника, в частности статистические данные, приведенные с целью показать, что в ряде случаев пересмотр в порядке надзора являлся эффективным. Вместе с тем государство-участник не продемонстрировало, являлась ли процедура пересмотра в порядке надзора успешной и насколько часто она успешно применялась при рассмотрении дел, связанных со свободой выражения мнений. Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой процедура пересмотра в порядке надзора вступивших в силу решений суда не представляет собой средство правовой защиты, которое должно быть исчерпано для целей пункта 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола⁶. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что требования пункта 2 (b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют ему в рассмотрении данного сообщения.

8.4. Комитет считает, что автор сообщения в достаточной мере обосновал свое утверждение о нарушении его прав, предусмотренных в пункте 2 статьи 19 Пакта. В этой связи он признает сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1. Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей полученной информации, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

9.2. Комитету надлежит определить, являлся ли штраф, наложенный на автора сообщения за распространение листовок, информирующих население Гомеля о двух встречах с политическим оппонентом, разрешение на которые предоставлено не было, нарушением его прав по пункту 2 статьи 19 Пакта.

9.3. В этой связи Комитет напоминает свое Замечание общего порядка № 34, в котором он, в частности, указал, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности, что они имеют ключевое значение для любого общества и что они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Любые ограничения свободы

⁶ См., напр.: Сообщение № 1814/2008 *П.Л. против Беларуси*, решение о неприемлемости от 26 июля 2011 года, пункт 6.2.

выражения мнений должны строго отвечать требованию необходимости и соразмерности и «устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют».

9.4. Комитет принял к сведению разъяснение государства-участника о том, что в соответствии с его законодательством о массовых мероприятиях никакая информация, касающаяся возможных собраний, не может распространяться до официального разрешения указанного собрания компетентными органами и что действия автора представляли собой административное правонарушение. Государство-участник также признало, что право на свободу выражения мнений может быть ограничено только в соответствии с требованиями, установленными в пункте 3 статьи 19 Пакта, однако при этом оно не объяснило, каким образом на практике в данном конкретном случае действия автора сообщения повлияли на уважение прав и репутацию других лиц или представляли собой угрозу для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения. Комитет напоминает: именно государство-участник должно доказывать, что ограничения прав автора сообщения по статье 19 являются необходимыми, и даже если государство-участник может применять систему, направленную на обеспечение равновесия между соблюдением права отдельного лица на свободу распространения информации и общими интересами поддержания общественного порядка в определенном месте, эта система не должна функционировать таким образом, который несовместим с положениями статьи 19 Пакта. С учетом отказа Гомельского областного суда рассмотреть вопрос о том, являлось ли ограничение права автора на распространение информации необходимым, и в отсутствие какой-либо иной соответствующей информации в материалах дела, оправдывающей решение властей по смыслу пункта 3 статьи 19, Комитет считает, что ограничение прав автора сообщения в данном деле является несовместимым с требованиями данного положения Пакта. В этой связи он приходит к выводу о том, что автор сообщения является жертвой нарушения государством-участником его прав, предусмотренных в пункте 2 статьи 19 Пакта.

10. Действуя на основании пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека полагает, что находящиеся на его рассмотрении факты свидетельствуют о нарушении прав автора сообщения, предусмотренных пунктом 2 статьи 19 Пакта.

11. В соответствии с пунктом 3 (а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору сообщения эффективное средство правовой защиты, включая возмещение суммы штрафа в нынешнем

стоимостном выражении и любых судебных издержек, понесенных автором сообщения, а также предоставить ему компенсацию. Государство-участник обязано также принять меры для недопущения аналогичных нарушений в будущем. В этой связи государству-участнику следует пересмотреть свое законодательство, в частности закон «О массовых мероприятиях», и практику его применения для обеспечения его соответствия требованиям статьи 19 Пакта.

12. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения по факту наличия или отсутствия нарушения Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязано гарантировать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечить эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в 180-дневный срок информацию о принятых мерах во исполнение соображений Комитета. Кроме того, государству-участнику предлагается опубликовать настоящие соображения и обеспечить их широкое распространение в государстве-участнике на белорусском и русском языках.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

**МНЕНИЯ КОМИТЕТА ПО ЛИКВИДАЦИИ
ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН ПО ДЕЛУ
№ 23/2009 ИНГА АБРАМОВА ПРОТИВ БЕЛАРУСИ**

Организация Объединенных Наций

CEDAW/C/49/D/23/2009

**Конвенция о ликвидации всех
форм дискриминации в
отношении женщин**

Distr.: General
27 September
2011
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин
Сорок девятая сессия
11–29 июля 2011 года**

Мнения

Сообщение № 23/2009

**Соображения, принятые Комитетом на его 105-й сессии
(9–27 июля 2012 года)**

<i>Подано:</i>	Ингой Абрамовой (представлена адвокатом Романом Кисляком)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Автор
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	3 апреля 2009 года (первоначальное представление)

25 июля 2011 года Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин принял содержащийся в приложении текст в качестве мнений Комитета согласно пункту 3 статьи 7 Факультативного протокола в отношении сообщения № 23/2009.

Приложение

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (сорок девятая сессия)

Сообщение № 23/2009¹

<i>Подано:</i>	Ингой Абрамовой (представлена адвокатом Романом Кисляком)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Автор
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	3 апреля 2009 года (первоначальное представление)

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, на своем заседании 25 июля 2011 года принимает следующее:

Мнения, выраженные в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола

1. Автор сообщения от 3 апреля 2009 года – Инга Абрамова, гражданка Беларуси, родилась в 1986 году. Она утверждает, что является жертвой нарушения Беларусью ее прав согласно статье 2, пункты (a), (b), (d), (e) и (f), статье 3 и статье 5, пункт (a), рассматриваемых совместно со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин («Конвенция»). Автор представлена адвокатом Романом Кисляком. Конвенция и Факультативный протокол к ней вошли для государства-участника в силу 4 марта 1981 года и 3 мая 2004 года соответственно.

¹ В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: г-жа Айсе Фериде Аккар, г-жа Николь Амелин, г-жа Олинда Барейро-Бобадилла, г-жа Магалис Ароча Домингес, г-жа Вайолет Тсисига Авори, г-жа Барбара Эвелин Бейли, г-жа Мерием Бельмихуб-Зердани, г-н Никлас Бруун, г-жа Наэла Мохамед Габр, г-жа Руфь Гальперин-Каддари, г-жа Йоко Хаяси, г-жа Исмаат Яхан, г-жа Соледад Мурильо де ла Вега, г-жа Виолета Нойбауэр, г-жа Прамила Паттен, г-жа Силвия Пиментель, г-жа Мария Хелена Лопес де Хесус Пирес, г-жа Виктория Попеску, г-жа Зохра Расех, г-жа Патрисия Шульц, г-жа Дубравка Шимонович и г-жа Цзоу Сяоцяо.

Факты в изложении автора

2.1 10 октября 2007 года автор, которая является журналистом и активистом движения «За свободу», раздавала голубые ленточки в г. Бресте, Беларусь, для того чтобы обратить внимание общественности на кампанию «Европейский марш», который должен состояться в Минске 14 октября 2007 года. В 19 ч 50 мин она была арестована сотрудником полиции отдела внутренних дел Брестского регионального исполнительного комитета и была доставлена в Департамент внутренних дел Ленинского района г. Бреста. Ее обвинили в раздаче голубых ленточек и плакатов, призывающих к участию в «Европейском марше», что считается «мелким хулиганством». Рано утром 11 октября 2007 года, в 01 ч 45 мин, ее поместили в изолятор временного содержания (ИВС) отдела внутренних дел Ленинского района. В тот же день ее дело было рассмотрено судом Ленинского района, который признал автора виновной в мелком хулиганстве. Суд наложил на автора административную санкцию в виде пяти суток административного ареста. Она была освобождена из-под стражи 15 октября 2007 года.

2.2 Автор утверждает, что камера, в которой она содержалась, находилась в подвальном помещении и использовалась для содержания лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях, а также лиц, находящихся под административным арестом. Она утверждает, что все работавшие в ИВС сотрудники были мужчинами. Время от времени для посещения задержанных приходила медсестра, однако она не была сотрудником Министерства внутренних дел.

2.3 Она далее утверждает, что ИВС состоял из девяти камер, две из которых предназначались для женщин. Она была помещена в камеру размером 4 на 3 метра с высотой потолка 2,7 метра. Эта камера предназначалась для размещения шести человек и была оборудована столом, шестью кроватями (по две – одна над другой) и деревянным комодом. Вся мебель была прибита гвоздями к полу.

2.4 Автор утверждает, что в камере было холодно; нагреватели были отключены, хотя температура наружного воздуха составляла всего лишь 1 °C. Она утверждает, что содержание в таких условиях равносильно пытке. Камера была оборудована раковиной и только холодной водой, а также туалетом. Туалет был расположен внутри камеры и отделен от остальной части камеры с одной стороны маленьким экраном размером 50 на 50 сантиметров. Поэтому если одна из заключенных сидела на кровати напротив туалета, то она могла видеть любого, кто пользовался в это время туалетом. Мужской персонал тюрьмы периодически наблюдал за заключенными через отверстие в двери. Поскольку этот экран не загораживал туалет с двери, они могли наблюдать, как автор пользовалась туалетом. Ей это было неприятно, и она стеснялась поль-

зоваться туалетом в таких обстоятельствах. Она утверждает, что использование туалета, не отделенного должным образом от остальной части камеры, унижало ее достоинство.

2.5 Она добавляет, что постельные принадлежности были грязными, а камера была полна пауков. Ее камера была полна дыма, поскольку ее соседки по камере являлись курильщицами и вентиляция не удаляла запах табака. Освещение также было плохим, окошко было маленьким, а стекло было настолько грязным, что дневной свет через него не проникал. Она видела дневной свет только один раз за все пять дней ее заключения, когда ей разрешили 15-минутную прогулку снаружи. Свет от лампочки в камере был недостаточен для чтения, и ей приходилось вставать и стоять рядом с ним, чтобы иметь возможность читать. Свет горел круглые сутки, что мешало ей спать. Кормили ее только два раза в день.

2.6 Автор утверждает, что она страдает от проблем с почками и поэтому она должна была стараться избежать простуды. После первой ночи, проведенной в холодной камере, у нее появилась острая боль в спине. По ее просьбе приехала бригада скорой помощи и оказала ей медицинскую помощь. У нее также наблюдалась головная боль и лихорадка. Автор утверждает, что после содержания в таких условиях у нее появилось много проблем со здоровьем.

2.7 До помещения в ИВС автора отвезли на железнодорожный вокзал для обыска. В ИВС не было сотрудниц-женщин для проведения обыска. В момент ее помещения в изолятор временного содержания один из охранников якобы потыкал в нее пальцем под предлогом проверки того, носит ли она пояс. Она сказала: «Уберите руки». Через секунду он стал тыкать своим пальцем в ее ягодицы. В ответ на ее второе «уберите руки» он заявил, что она должна сказать спасибо, что ее не раздели. Другой охранник якобы угрожал полностью раздеть ее.

2.8 Охранники постоянно делали унижающие автора замечания. Например, видя, что она читает, стоя рядом с лампочкой, один из охранников заявил, что ей нужно «сходить к психиатру». Несколько раз охранники «шутили», что «ее выведут и застрелят». Кроме того, вместо того чтобы называть ее по имени, они просто выкрикивали «четвертая», поскольку это был номер ее кровати в камере. В какой-то момент тюремщик бросил в общую камеру мертвую крысу. Когда она и ее соседки по камере запрыгнули на свои кровати и стали кричать от страха, охранник засмеялся.

2.9 Автор воспользовалась следующими внутренними средствами судебной защиты:

i) Жалоба, поданная в компетентные органы власти (в соответствии с законом Республики Беларусь «О подаче петиций» и законом «Об органах внутренних дел»)

19 декабря 2007 года автор подала жалобу на нарушение ее прав в заключении руководителю Управления внутренних дел Ленинского района и руководителю отдела внутренних дел Брестского регионального исполнительного комитета. В письме от 3 января 2008 года руководитель отдела внутренних дел проинформировал автора о том, что ее утверждения не нашли подтверждения. Автор подала другую жалобу руководителю отдела внутренних дел Брестского регионального исполнительного комитета 5 февраля 2008 года; ее заявление было проведено руководителю отдела внутренних дел Ленинского района, который 27 февраля 2008 года проинформировал ее о том, что ее утверждения не подтвердились.

ii) Жалоба, поданная в Прокуратуру в соответствии с законом Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь»

19 декабря 2007 года прокурору Ленинского района г. Бреста была подана жалоба. Прокурор проинформировал автора о том, что ее претензии не подтвердились и что ее утверждения бездоказательны. Жалоба автора от 5 февраля 2008 года, представленная прокурору Брестского района, осталась без ответа.

iii) Обращение в суды в рамках гражданской процедуры

11 февраля 2008 года автор подала в соответствии с гражданской процедурой и статьей 353 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь жалобу в суд Ленинского района о нарушении ее права в соответствии со статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещающего бесчеловечное отношение, и ее права в соответствии с Конвенцией не подвергаться дискриминации по признаку пола. 14 февраля 2008 года суд заявил, что он отказывается начинать гражданское разбирательство на тех основаниях, что он не обладает юрисдикцией по этому делу. Она подала апелляцию на решение суда в Правовой совет по гражданским делам Брестского регионального суда 7 марта 2008 года, который отклонил ее апелляцию 10 апреля 2008 года.

iv) Обращение в суды в соответствии с административной процедурой

11 марта 2008 года автор представила жалобу о нарушении ее права не подвергаться бесчеловечному обращению и дискриминации по признаку пола в Ленинский районный суд г. Бреста согласно процедуре об административных правонарушениях, предусмотренной статьей 7.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. В решении от 14 марта 2008 года суд отказался начать гражданское разбирательство, хотя автор утверждает, что она не просила начинать гражданское разбирательство, а просила признать, в соответствии с процедурой, изложенной в главе 7 Процедурно-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, что действия (и бездействие) сотрудников изолятора временного содержания нарушили ее права. 28 марта 2008 года автор подала апелляцию против этого решения в Брестский региональный суд. 28 апреля 2008 года судебная коллегия по гражданским делам Брестского регионального суда отменила решение Ленинского районного суда и отослала это дело на новое рассмотрение. 12 мая 2008 года Ленинский районный суд отклонил жалобу автора по процедурным основаниям. Суд, в частности, заявил, что на момент подачи ее жалобы административный процесс против нее уже был закончен, поскольку решение суда вступило в силу. Автор утверждает, что этот аргумент недействителен, поскольку правовой процесс не прекращается до тех пор, пока есть возможность подачи апелляции.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что он является жертвой нарушения Беларусью ее прав согласно статье 2, пункты (a), (b), (d), (e) и (f), статьи 3 и статьи 5, пункт (a), прочитанных совместно со статьей 1 Конвенции. Она утверждает, что во время ее задержания она подвергалась бесчеловечному и унижающему ее достоинство обращению и что содержание в холодной камере было равносильно пытке. Она далее утверждает, что такие условия задержания, возможно, отрицательно сказались на ее репродуктивном здоровье.

3.2 Автор утверждает, что эти изоляторы временного содержания Министерства внутренних дел не приспособлены для содержания женщин. Она утверждает, что только один такой центр задержания, расположенный в Минске, имеет сотрудников-женщин; в других персонал состоит исключительно из мужчин. Автор утверждает, что Министерство внутренних дел отказалось подтвердить или опровергнуть эту информацию и указать количество изоляторов временного содержания, в

которых работают сотрудники-женщины, ссылаясь на то, что законодательство Республики Беларусь о защите государственных секретов ограничивает распространение такой информации. Она утверждает, что эта ситуация в изоляторах временного содержания является результатом дискриминации с набором в штат сотрудников-женщин.

3.3 Автор утверждает, что ее условия содержания были хуже, чем у заключенных-мужчин, поскольку она являлась объектом сексуальных домогательств и подвергалась унижающему ее достоинство обращению со стороны сотрудников-мужчин. Она ссылается на правило 53 (3) Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (резолюции Экономического и социального совета 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года), которое гласит, что «заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор за ними следует возлагать только на сотрудников женского пола», и утверждает, что нарушение правила 53 (3) является нарушением ее права не быть дискриминируемой по признаку пола, как это изложено в Конвенции.

3.4 Автор заявляет, что она исчерпала все имеющиеся внутренние средства судебной защиты и что они оказались неэффективными. Она также заявляет, что данное дело не было рассмотрено в соответствии с другой процедурой международного расследования или урегулирования.

*Замечания государства-участника относительно
приемлемости и вопросов существа*

4.1 В вербальной ноте от 25 марта 2010 года государство-участник подтвердило, что автор задерживалась на пять суток за мелкое хулиганство. Оно признает, что автор подавала жалобы об условиях ее содержания в суды и другие государственные органы. Однако юридические процедуры в отношении утверждения автора были прекращены, а ее жалобы были отвергнуты, поскольку, согласно процедурному законодательству, отсутствует процедура рассмотрения таких жалоб судами. Рассмотрение подобных жалоб подпадает под компетенцию руководителя изолятора временного содержания (ИВС) или других лиц, уполномоченных им. Данная процедура регулируется Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2003 года № 234 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания органов внутренних дел». Государство-участник утверждает, что автор не подавала никаких жалоб в администрацию изолятора временного содержания или в Министерство внутренних дел. Поэтому она не исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Оно также утверждает, что заявления автора не были признаны достоверными и поэтому должны считаться необоснованными.

4.2 Государство-участник далее утверждает, что лица, арестованные за административные правонарушения, за которые согласно национальному законодательству полагается административный арест, могут помещаться в изоляторы временного содержания Министерства внутренних дел. Деятельность этих изоляторов регулируется также Постановлением № 234, упомянутым в пункте 4.1 выше. Согласно разделу 18.7 Процедурно-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, административно арестованные содержатся в условиях строгой изоляции. Изолированно размещаются мужчины, женщины, а также лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях и имеющие судимость. Норма площади на одного человека устанавливается, как правило, не менее 4 кв.м. Автор содержалась в камерах № 3 и № 5, площадь которых составляет соответственно 15,3 и 13,6 кв.м. Эти камеры предназначены для содержания женщин.

4.3 Государство-участник подтверждает, что согласно внутренним правилам изоляторов временного содержания административно арестованные или задержанные лица обеспечиваются отдельными спальными принадлежностями и полками для хранения предметов личной гигиены и бритвенных принадлежностей. Камеры оборудованы столом и скамейками, санитарными установками, краном с питьевой водой, ящиками для туалетных принадлежностей, радиоприемником, мусорной корзиной и вентиляцией. Заключенные могут также пользоваться своими собственными постельными принадлежностями, одеждой и обувью. При помещении в изолятор временного содержания автору предложили чистые спальные принадлежности, однако она от них отказалась и пользовалась своим собственным бельем, предоставленным ее семьей.

4.4 Размещение заключенных в камерах производится с учетом их характера и психологического состояния. При возможности курящие содержатся отдельно. Камеры оборудованы системами вентиляции, окнами с естественным освещением, лампочками и нагревателями. Заключенным разрешается совершать прогулки на свежем воздухе не менее одного часа в день. Автор отказывалась выходить на улицу из-за плохой погоды.

4.5. Что касается утверждения автора, что ее кормили всего два раза в день, то государство-участник заявляет, что питание заключенных регулируется постановлением Совета Министров от 21 ноября 2006 года и что питание в изоляторах временного содержания осуществляется три раза в день.

4.6 Автор обратилась за срочной медицинской помощью, и карета скорой помощи прибыла через 10–15 минут. После осмотра доктор подтвердил, что автор может содержаться в ИВС. Камеры регулярно инспек-

тируются Центром гигиены и эпидемиологии, который также предоставляет услуги по дезинфекции.

4.7 Государство-участник приходит к выводу, что жалоба автора согласно Конвенции является неприемлемой. Оно утверждает, что форма представления жалобы и ее содержание не соответствуют положениям Конвенции.

Комментарии автора в отношении замечаний государства-участника о приемлемости и вопросах существа

5.1 В заявлении, представленном 4 февраля 2011 года, автор вновь повторяет свои первоначальные утверждения и отвергает аргумент государства-участника о том, что ее сообщения необоснованны и их следует считать неприемлемыми.

5.2 Далее она отвергает утверждение государства-участника о том, что в администрацию изолятора временного содержания она не подавала никаких жалоб. Автор утверждает, что сам руководитель ИВС относился к ней плохо, оскорбляя ее тем, что говорил, что она «не женщина». Она описала все эти факты в статье под названием «Пять дней», опубликованной в газете «Брестский курьер». Копия статьи прилагалась к жалобам, которые она подавала властям. Однако она заявила, что было бесполезно жаловаться персоналу ИВС, в том числе руководителю этого учреждения, в частности, поскольку национальное законодательство запрещает рассмотрение заявлений государственными должностными лицами, действие или бездействие которых оспаривается.

5.3 Автор далее утверждает, что аргумент государства-участника о том, что она не подавала жалобу в отношении условий ее содержания в Министерство внутренних дел, не соответствует действительности; она утверждает, что подавала в органы внутренних дел многочисленные жалобы. 19 декабря 2007 года было подано заявление руководителю отдела внутренних дел Ленинского района и руководителю отдела внутренних дел Регионального исполнительного комитета Бреста. 5 февраля 2008 года она подала вторую жалобу руководителю отдела внутренних дел Регионального исполнительного комитета Бреста. Все эти петиции были препровождены руководителю отдела внутренних дел Ленинского района. Кроме того, после опубликования статьи «Пять дней» в газете «Брестский курьер» в декабре 2007 года член Палаты представителей Национальной ассамблеи направила министру внутренних дел депутатский запрос, в котором она просила объяснения в отношении того, почему лица, совершившие мелкие правонарушения, содержатся в изоляторах временного содержания в таких бесчеловечных условиях. Министр запросил все материалы по делу автора у отдела внутренних дел Регионального исполнительного комитета Бреста. После этого ее опро-

сили об условиях ее содержания и якобы имевших место нарушениях ее прав. Эта информация была представлена министру внутренних дел. Поэтому автор утверждает, что ее жалобы были рассмотрены органами внутренних дел на всех уровнях: районном, региональном и республиканском.

5.4 Автор вновь заявляет, что она подавала жалобы в органы внутренних дел и в Прокуратуру и обращалась в суды согласно гражданской процедуре и процедуре по административным правонарушениям. Однако ее попытки исчерпать внутренние средства правовой защиты оказались тщетными, поскольку ни одно из этих средств не оказалось эффективным.

5.5 Что касается существа этого сообщения, то автор напоминает о том, что суть ее сообщения в рамках Конвенции касается главным образом той дискриминации, с которой она столкнулась как женщина во время ее заключения в ИВС, а не касалась условий содержания как таковых. Она утверждает, что в ИВС отдела внутренних дел Ленинского района, в котором она содержалась с 11 по 15 октября 2007 года, как в большинстве временных центров содержания Министерства внутренних дел, персонал в 2002–2009 годах состоял исключительно из мужчин. Эта информация была подтверждена руководителем отдела внутренних дел Ленинского района в его письмах автору от 7 августа 2008 года и 8 сентября 2008 года. Автор утверждает, что эти обстоятельства являются дискриминацией в отношении тех женщин, которые хотели бы работать в изоляторах временного содержания в качестве офицеров полиции, сотрудников или охранников, и являются нарушением обязательства государства-участника обеспечивать женщинам, на равных основаниях с мужчинами, право на участие в формировании политики государства и ее осуществлении и право занимать государственные должности, выполнять все публичные функции на всех уровнях правительства, как это изложено в статье 7 (b) Конвенции. Кроме того, эти обстоятельства свидетельствуют о дискриминации в отношении автора по признаку ее пола во время ее заключения в исправительном учреждении, персоналом которого являются исключительно мужчины, поскольку это неизбежно вело к нарушению ее прав и свобод, особенно ее права не подвергаться пыткам и другим видам жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и ее права на гуманное обращение и уважение ее достоинства, как это изложено в статьях 7 и 10 (I) Пакта. Она направляет следующие конкретные факты, которые препятствовали осуществлению ее прав согласно статьям 7 и 10 (I) Пакта, – нарушения, которые затрагивали ее в большей степени, чем мужчин-заключенных, содержащихся в том же ИВС:

а) возможность для мужского персонала наблюдать за ней через отверстие в двери и с помощью видеокамеры, в том числе когда она одевалась или пользовалась туалетом;

б) отношение тюремного персонала при помещении ее в ИВС, когда мужчина-охранник ненадлежащим образом трогал ее и угрожал ее раздеть;

с) заявления охранников о том, что ее «выведут и пристрелят»;

д) насмешки охранников, когда она читала, стоя рядом с лампочкой освещения, и заявления о том, что ей «нужно показаться психиатру»;

е) практика охранников называть ее «четвертая», вместо того чтобы при обращении к ней называть ее по имени; с мужчинами-заключенными таким образом не обращались;

ф) насмешки охранника по поводу реакции ее соседок по камере, когда он подбросил к ним в камеру мертвую крысу, чтобы испугать их;

г) оскорбления начальника изолятора, который, зайдя в офис во время ее встречи с ее адвокатом, кричал, что она «оклеила голубыми ленточками весь город». Когда адвокат попросил его проявлять больше уважения к женщине, начальник изолятора заявил, что она «не женщина» и устно оскорбил ее.

5.6 Автор считает, что вышеупомянутые факты являются бесчеловечным и унижающим достоинство видом обращения и дискриминацией ее по признаку пола по смыслу статьи 1 Конвенции. Она утверждает, что такие действия возможны из-за исключительно мужского состава персонала. Государство-участник было обязано предоставить ей лучшие условия заключения, чем мужчинам, с учетом того факта, что она является молодой женщиной репродуктивного возраста. Содержание в холодной камере и в плохих санитарных условиях оказало больше вреда ее здоровью, чем здоровью мужчин-заключенных. Она, находясь в заключении, заболела, и ее состояние потребовало медицинской помощи. Автор обращает внимание Комитета на тот факт, что государство-участник в своих замечаниях не смогло конкретно ответить на ее конкретные претензии согласно положениям Конвенции и ограничилось комментариями только об условиях содержания.

5.7 В ее заявлении от 17 марта 2011 года автор информирует Комитет о тех изменениях, которые были сделаны в кадровой политике изолятора временного содержания отдела внутренних дел Ленинского района после того, как она подала свое заявление в Комитет. В декабре 2010 года и январе/феврале 2011 года до сведения автора дошла информация о том, что в этом ИВС работают женщины-полицейские. Для того чтобы подтвердить эту информацию, автор и ее адвокат направили руководителю ИВС письма с просьбой официально подтвердить или опровергнуть эту информацию, а также предоставить информацию о количе-

стве сотрудников-женщин и датах их поступления на работу. В письме от 14 марта 2011 года руководитель ИВС подтвердил, что в ИВС работают сотрудники-женщины, однако он не указал ни их количество, ни дату их поступления на службу. Несмотря на эти позитивные изменения, автор утверждает, что Комитету следует рассмотреть ее сообщение.

Вопросы, стоящие перед Комитетом и процедура их рассмотрения

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 В соответствии с правилом 64 своих Правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Конвенции. В соответствии с пунктом 4 правила 72 своих Правил процедуры он должен сделать это до рассмотрения вопроса о существовании сообщения.

6.2 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым согласно статье 4, пункту 1, Факультативного протокола о исчерпании внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не представила жалобы об условиях ее содержания в администрацию ИВС или в Министерство внутренних дел. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола Комитет не рассматривает сообщения, пока он не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, за исключением тех случаев, когда применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат. Комитет ссылается на свою юриспруденцию, согласно которой автор должен поднять по существу вопросы своей претензии на местном уровне, которую он/она хотели бы довести до сведения Комитета², с тем чтобы местные власти и/или суды могли разбираться с такими жалобами³. В этой связи он отмечает, что автор подавала жалобы в отношении условий ее задержания и неуважительного отношения тюремного персонала-мужчин к ней в органы внутренних дел, в частности руководителю отдела внутренних дел Ленинского района и руководителю отдела внутренних дел Регионального исполнительного комитета Бреста. Автор также подала жалобу в Прокуратуру и в соответствии с гражданской и административной процедурами подала иски в компетентные суды. Кроме того, после того как депутат Палаты представителей Национальной ассамблеи представила в Министерство

² См. сообщение № 8/2005 *Kayhan v. Turkey*, решение от 27 января 2007 года (CEDAW/C/34/D/8/2005), пункт 7.7.

³ См. сообщение № 10/2005 *N.S.F. v. The United Kingdom*, решение от 30 мая 2007 года (CEDAW/C/38/D/10/2005), пункт 7.3.

внутренних дел в декабре 2007 года заявление, автора опросили об условиях содержания и нарушении ее прав, и результаты были представлены в Министерство внутренних дел. Государство-участник не оспаривает эту информацию. Поэтому Комитет считает, что автор должным образом использовала внутренние средства правовой защиты, адресовав свои жалобы к компетентным инстанциям органов внутренних дел, Прокуратуре, а также национальным судам. В свете того, что представленная автором информация об исчерпании внутренних средств правовой защиты не оспаривалась, а также в свете отсутствия любой информации от государства-участника в отношении наличия других имеющихся эффективных внутренних средств правовой защиты, которые автор могла бы использовать, Комитет приходит к выводу о том, что требования пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола были выполнены.

6.3 Что касается пункта 2 (а) статьи 4 Факультативного протокола, Комитет информировали о том, что данное дело не было рассмотрено и не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного расследования или урегулирования.

6.4 Комитет считает, что утверждения автора в отношении статей 2 (а), (b), (d), (e) и (f), 3 и 5 (а), прочитанных совместно со статьей 1 Конвенции, в достаточной степени подтверждены для целей приемлемости, и поэтому объявляет сообщение приемлемым.

6.5 С учетом вышеуказанного Комитет не разделяет мнение государства-участника о том, что форма и содержание сообщения автора не соответствуют положениям Конвенции и должны быть объявлены неприемлемыми. Поэтому Комитет приходит к выводу о том, что настоящее сообщение соответствует критериям приемлемости, изложенным в статьях 2, 3 и 4 Факультативного протокола.

Рассмотрение существа вопроса

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему автором и государством-участником в соответствии с пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ее содержание в течение пяти дней в плохих, негигиенических и унижающих ее достоинство условиях в изоляторе временного содержания, сотрудниками которого являлись исключительно мужчины, где она подвергалась унижающему ее достоинство обращению, является бесчеловечным и унижающим ее достоинство видом обращения и дискриминацией на основе ее пола в рамках значения статьи 1 Конвенции и представляет собой нарушение Беларусью ее обязательств согласно статьям 2 (а), (b), (d), (e) и (f), 3 и 5 (а), прочитанных совместно со статьей 1 Конвенции.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник лишь кратко отвергает утверждения, считая их необоснованными. Оно не предоставило никаких разъяснений по сути этих утверждений, а лишь ограничилось общим описанием помещений для содержания, т.е. размером камер, существующим оборудованием, мебелью и т.д., включая ссылку на национальные административные акты, регулирующие, например, продовольственный рацион заключенных. С точки зрения Комитета, хотя это описание может иметь какое-то значение, оно необязательно отвечает на суть претензий автора, например: автор не оспаривает наличие электролампочки освещения в камере, но конкретно жалуется на то, что она не давала достаточно света; аналогичным образом она не жалуется на отсутствие нагревателя в камере, но утверждает, что он все время был выключен. Кроме того, государство-участник никак не прокомментировало утверждения автора о том, что персонал в центре временного содержания был исключительно мужским и что в результате этого она подвергалась дискриминации по признаку пола. В этой связи Комитет напоминает о вынесенных им недавно заключительных замечаниях в отношении государства-участника (CEDAW/C/BLR/CO/7), в которых он выразил серьезную обеспокоенность по поводу бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения с задержанными женщинами-активистами, и настоятельно призывает государство-участника обеспечить скорейшее и эффективное расследование жалоб, поданных этими женщинами (пункты 25 и 26).

7.4 В соответствии со статьей 3 Конвенции и правилом 53 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Комитет напоминает, что заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор за ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Он далее ссылается на свою Общую рекомендацию № 19 (1992) о насилии в отношении женщин, согласно которой дискриминация в отношении женщин в рамках значения статьи 1 охватывает насилие по признаку пола, т.е. «насилие, направленное против женщины, потому что она является женщиной, или затрагивающее женщин непропорциональным образом. Оно включает такие действия, которые наносят физический, психический и сексуальный ущерб или страдания, содержит угрозы таких действий, принуждение и другие виды лишения свободы» (пункт 6)⁴. Комитет вновь повторяет, что «насилие по признаку пола, которое ограничивает или сводит на нет использование женщинами их прав человека и основных свобод», включая «право не подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обра-

⁴ См. также Общую рекомендацию № 28 (2010) об основных обязательствах государств-участников согласно статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, пункт 19.

щения или наказания», представляет собой дискриминацию по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 7 (b) рекомендации).

7.5 Комитет напоминает о том, что, хотя условия содержания, возможно, не были дискриминационными как таковые, тот факт, что в изоляторе временного содержания не учитывались конкретные потребности женщин, имеет дискриминационный эффект на женщин в рамках значения статьи 1 Конвенции. Таким образом, в соответствии со статьей 4 Конвенции принцип 5 (2) Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (резолюция 43/173 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1988 года), гласит, что специальные меры, предназначенные для удовлетворения конкретных потребностей женщин-заключенных, не должны считаться дискриминационными. Кроме того, необходимость в учете женских аспектов проблемы женщин-заключенных была также одобрена Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 65/229, содержащей Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила).

7.6 В настоящем случае автор утверждает что, помимо плохих условий содержания, весь персонал изолятора временного содержания состоял исключительно из мужчин. Надзор за ней как за женщиной-заключенной осуществлялся только охранниками мужского пола, которые имели неограниченный визуальный и физический доступ к ней и другим женщинам-заключенным. Комитет в этой связи напоминает, что согласно правилу 53 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными:

«1) В заведениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, в руках которого должны находиться ключи, открывающие доступ к данному отделению.

2) Сотрудники мужского пола допускаются в женское отделение только в сопровождении сотрудников женского пола.

3) Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор за ними следует возлагать только на сотрудников женского пола».

Эта важная гарантия, основанная на недопущении дискриминации в отношении женщин в соответствии со статьей 1 Конвенции, подтверждена Комитетом в его заключительных замечаниях в отношении докладов государств-участников⁵, а также Комитетом по правам человека в пункте 15 его Общего замечания № 28 (2000) о равенстве прав мужчин

⁵ См., например, заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по шестому периодическому докладу Йемена (CEDAW/C/YEM/CO/6).

и женщин и докладе Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях (см. E/CN.4/2000/68/Add.3, пункт 44).

7.7 Комитет отмечает, что при помещении в центр задержания один из охранников неподобающим образом трогал автора сообщения и угрожал ее раздеть. Кроме того, охранники могли наблюдать ее через отверстие в двери во время таких частных моментов, как пользование туалетом, который был расположен в камере и прикрывался только с одной стороны небольшим экраном, который создавал только иллюзию уединенности, но не мешал смотреть на туалет со стороны двери. Она также чувствовала себя оскорбленной грубыми заявлениями охранников и тем, что они пользовались презрительной кличкой «четвертая». Эти утверждения не были оспорены государством-участником. Комитет напоминает, что уважение частной жизни и достоинства заключенных-женщин должно иметь высокий приоритет для тюремного персонала. Комитет считает, что неуважительное обращение государственных служащих, в частности мужского персонала тюрьмы, к автору, включая недопустимое прикосновение, неоправданное вмешательство в ее личную жизнь, ухудшило условия содержания автора гораздо больше, чем у мужчин-заключенных, и делает вывод о том, что это является сексуальным домогательством и дискриминацией по смыслу статей 1 и 5 (а) Конвенции и ее Общей рекомендации № 19 (1992). В этой Общей рекомендации Комитет отметил, что сексуальное домогательство является одной из форм сексуального насилия, которое может быть унижающим и создавать дополнительную проблему, связанную со здоровьем и безопасностью. Поэтому Комитет делает вывод о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства согласно статьям 2 и 5 (а) Конвенции.

7.8 Комитет признает, что автору сообщения причинен моральный ущерб и вред в результате оскорбительного и унижающего человеческого достоинства обращения, сексуальных домогательств и негативных последствий для здоровья во время содержания под стражей.

Рекомендации

7.9 Действуя согласно пункту 1 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции, а также в свете всех вышеуказанных обстоятельств, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства согласно статьям 2 (а), (b), (d), (e) и (f), 3 и 5 (а), прочитанным совместно со статьей 1 Конвенции, и Общей рекомендации № 19 (1992) Комитета, и выносит государству-участнику следующие рекомендации:

1. В том, что касается автора сообщения:

Предоставить автору надлежащее возмещение вреда, включая надлежащую финансовую компенсацию, соответствующую тяжести нарушений ее прав.

2. Замечания общего характера:

а) принять меры к обеспечению физической и психологической безопасности женщин-заключенных во всех местах заключения, включая надлежащие помещения и материалы, необходимые для удовлетворения особых потребностей женщин в плане гигиены;

б) обеспечить доступ женщин-заключенных к учитывающему гендерную специфику медицинскому обслуживанию;

с) обеспечить эффективное расследование заявлений женщин-заключенных о дискриминационном, жестоком или унижающем человеческое достоинство обращении и судебное преследование и надлежащее наказание виновных лиц;

д) обеспечить гарантии защиты женщин-заключенных от всех форм злоупотребления, включая злоупотребления по признаку пола, и обеспечить, чтобы досмотр женщин-заключенных и надзор за ними обеспечивали надлежащим образом подготовленные женщины-сотрудники;

е) обеспечить, чтобы персонал, выделенный для работы с женщинами-заключенными, получал подготовку по вопросам потребностей женщин-заключенных и по вопросам их прав человека в соответствии с Конвенцией, а также Правилами Организации Объединенных Наций, касающимися обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила);

ф) разработать стратегии и всеобъемлющие программы, обеспечивающие удовлетворение потребностей женщин с точки зрения их достоинства и основных прав человека.

7.10 В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник должно должным образом учесть мнения Комитета, а также его рекомендации и представить Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, включая любую информацию по любым мерам, принятым в свете взглядов и рекомендаций Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать мнения и рекомендации Комитета и перевести их на официальные национальные языки и обеспечить широкое распространение с целью охвата соответствующих слоев общества.

Научное издание

**ИНДИВИД v. ГОСУДАРСТВО:
практика обращения в договорные
органы ООН применительно
к Республике Беларусь**

Том 1

Сборник авторских материалов и документов

Ответственный редактор *О.В. Агеев*
Стиль-редактор *Е.В. Бродская*
Технический редактор *Е.С. Дронов*

Издатель Белорусский Дом прав человека в Вильнюсе (ДПЧ)

Выпущено по заказу
Белорусского Дома прав человека в Вильнюсе (ДПЧ)

Подписано в печать 18.12.2012 г.

Формат 70х108¹/₁₆

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.